

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

МОСКВА
2016

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**РУССКАЯ КУЛЬТУРА
КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Москва
2016

УДК 304.44
ББК 71.4(2)
Р89

Р89 Русская культура как системообразующий фактор межнационального взаимодействия на Северном Кавказе: сб. науч. тр. М.: Институт Наследия, 2017. – 250 с.
ISBN 978-5-86443-214-3

Результаты комплексного исследования значения русской культуры как системообразующего фактора в межнациональных отношениях на Северном Кавказе могут быть использованы в подготовке обобщающих и специальных трудов научного, методического и учебного характера, в работах научно-прикладной направленности. Выводы исследования могут быть использованы в практике реализации государственной национальной политики, этнокультурной политики, разработке стратегических программ регионального развития, концепций и стратегий монументальной политики, сохранения наследия, образовательной и научной деятельности. Материалы исследования могут быть также использованы в преподавании курсов отечественной истории, культурологии, регионоведения, этнологии, социологии, языкознания, региональной культурной политики, в процессе обучения и повышения квалификации специалистов сферы образования, культуры, межнациональных отношений.

УДК 304.44
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-86443-214-3

© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2017
© Коллектив авторов, 2017

Содержание

Определения	5
Список сокращений	10
Введение	11
<i>В.Е. Науменко</i>	
Исторические события, определившие значение русской культуры как фактора межнационального взаимодействия на Северном Кавказе	21
<i>В.К. Чумаченко</i>	
Русский язык как средство межнациональной коммуникации на Северном Кавказе	49
<i>А.Н. Еремеева</i>	
Деятельность научных организаций Северного Кавказа в контексте межнациональной коммуникации в регионе	64
<i>В.В. Бондарь</i>	
Монументальная политика как инструмент вовлечения населения Северного Кавказа в российские политические и культурные процессы	85
<i>Л.А. Волова</i>	
Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе	101
<i>Ш.А. Гапуров, В.Х. Магомаев</i>	
Роль А. Бестужева-Марлинского в познании Кавказа Россией	130
<i>Ф.И. Джаубаева</i>	
Авторские ремарки в кавказских текстах Л.Н. Толстого как модель лингвоэтнокультурного диалога в полиэтнической среде	145

<i>А.И. Джопуа, В.А. Ньюшков</i> История изучения русскими археологами памятников античности и средневековья на территории Абхазии (вторая половина XIX в.)	159
<i>Л.Б. Куканова</i> О русском языке как о доминирующем средстве выражения русской культуры в полиэтническом регионе	168
<i>З.А. Кучукова</i> Рецепция «другого» (русского) в балкарской литературе	174
<i>М.И. Магомедов</i> Роль русского языка в развитии межкультурного диалога в Республике Дагестан	184
<i>О.В. Матвеев</i> Из истории изучения языка и этногенетических преданий западных адыгов: Н.Л. Каменев	194
<i>К.В. Скиба</i> «Черкесы русской национальности»: особенности военного комплекса линейного казачества Кубани	204
<i>В.К. Чумаченко</i> Роль русского языка в приобщении кавказских народов к российской и мировой культуре	215
<i>Е.А. Щербина</i> Роль русской культуры в оценках и мнениях молодежи Карачаево-Черкесской Республики	227
Заключение	234
Список использованных источников	236

Определения

Билингвизм (двуязычие) – способность и реализация этой способности индивида или группы пользоваться попеременно двумя языками, практика попеременного общения на двух языках.

Горцы – обобщенное наименование этнических групп, проживающих в горных районах.

Государственная культурная политика (государственная политика в сфере культуры) – совокупность целей, принципов и норм, которыми руководствуется государство в своей деятельности по сохранению и развитию культуры, а также средств для достижения указанных целей и сама деятельность государства в сфере культуры.

Идентичность (лат. *identicus* – тождественный, одинаковый) – осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей и эго состояний.

Культура – сложная гомеостатическая система внебиологической природы, содержащая совокупный опыт видového существования человека и обеспечивающая накопление, воспроизводство, развитие и использование этого опыта, параллельно с воспроизводством видových признаков самого человека; совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков, ценностей, традиций и верований, находящихся выражение в образе жизни и искусстве.

Культурная политика – совокупность теоретических принципов и практических мер, разрабатываемых и реализуемых государством в сфере духовной культуры и направленных на широкое, массовое распространение и усвоение духовных ценностей данного общества всеми социальными слоями и группами.

Культурное разнообразие – неповторимость и многообразие форм культуры, проявляющиеся в особенностях, присущих различным социально-демографическим группам, этническим, территориальным и иным культурным сообществам,

в особенности коренным народам и национальным меньшинствам, являющиеся общим достоянием и источником развития человечества.

Межкультурная коммуникация – связь и общение между представителями различных культур, предполагает как непосредственные контакты между индивидами и общностями, так и опосредованные формы коммуникации (язык, речь, письменность, электронную коммуникацию и т.п.). Межкультурная коммуникация изучается на междисциплинарном уровне в соотношении различных отраслей знания: философии, культурологии, этнологии, социологии, антропологии, лингвистики, психологии, экологии коммуникации.

Межнациональная коммуникация – передача информации, сведений между представителями разных национальных общностей, имеющая как двусторонний, так и односторонний характер; социально-психологические явления и процессы, возникающие в ходе непосредственного взаимодействия и общения людей различных национальностей.

Межнациональные отношения (межнациональное взаимодействие) – особый вид социальных отношений, которые осуществляются между этносами в разных сферах общества. Межнациональное взаимодействие осуществляется на двух уровнях – отношения между различными этническими группами в пределах одного государства; отношения между разными нациями-государствами. В межнациональных отношениях этнические общности реализуют свои интересы. Национальные интересы имеют двойственную природу: с одной стороны, сохранения самобытности, уникальности культуры, с другой стороны, обогащение и развитие культуры в ходе межэтнического взаимодействия, постижение общечеловеческих ценностей.

Монументальная политика – система мероприятий государственной власти в области создания и разноаспектного использования недвижимых объектов, увековечивающих, прославляющих определенные исторические события, личности или группы, обозначающие и акцентирующие в культурном пространстве памятные (достопримечательные) места.

Народы Северного Кавказа (горские народы) – этнические группы автохтонного происхождения, населяющие Северный Кавказ.

Национальная безопасность Российской Федерации (далее – национальная безопасность) – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Национальная культура – совокупность обыденных и специализированных областей культуры национальной общности, представляет собой социальную, территориальную, экономическую, лингвистическую общность людей, имеет сложную социальную структуру и государственно-политическую организацию.

Национальные интересы Российской Федерации (национальные интересы) – объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития.

Регион – культурно-цивилизационная целостность существенных устойчивых и динамических признаков жизнедеятельности общности людей, которые выявляют идейную, ментальную и практическую идентичность в пределах определенной территории как органичного для них жизненного пространства и вместе с тем, несамодостаточность этой общности, её роль в подсистеме более широкой целостности.

Региональная культура – надэтническая культура, которая складывается и существует на протяжении долгого исторического периода в определенном географическом ареале.

Русский язык как государственный (официальный) – т. е., выполняющий закрепленную в Конституции интеграционную функцию в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа государства, языка государственного управления, законодательства, судопроизводства.

Русский язык как неродной – профессиональный термин, используемый в преподавании русского языка в национальных школах, необходимость которого объясняется специфической методикой обучения.

Русский язык как средство межнационального общения – т. е. язык-посредник, используемый народами многонационального российского государства для взаимного общения, соответствующий статус закреплён в Конституции Российской Федерации.

Северный Кавказ – регион России, включающий северную часть склона Большого Кавказского хребта и Предкавказье, западную часть южного склона до реки Псоу. Северный Кавказ – самый густонаселённый регион России, в состав которого входят Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область (частично), Калмыкия (частично), в административно-территориальном отношении располагающихся в границах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.

Системообразующий фактор – доминирующий компонент, являющийся фактором, определяющим объединение остальных компонентов в систему, изъятие которого приводит к трансформации системы в другую систему.

Угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам.

Этническая и национальная идентичность – осознание личностью своей принадлежности к определённому этносу или к определённой нации. Есть несколько типов такой идентичности: 1. Нормальная (образ своего народа воспринимается позитивно без отклонений); 2. Этноцентричная идентичность (некритическое самоотождествление себя со своим этносом); 3. Этнодоминирующая идентичность (этничность становится доминирующей перед всеми остальными видами идентичности – профессиональной, социальной, семейно, гражданской и т. д.); 4. Этнический фанатизм (абсолютное доминирование этнических целей и интересов); 5. Этническая индифферентность (равнодушие к собственной этничности, свобода

от правил и предписаний внутри этноса); 6. Этнонигилизм в форме космополитизма (отрицание этничности, этнических и этнокультурных ценностей); 7. Амбивалентная этничность (распространена в смешанной среде).

Этничность – совокупность отличительных черт данной этнической группы, отличающей ее от другой группы.

Этнокультура – многофункциональная система наиболее фундаментальных этнических идей, ценностей и значений. Основными элементами этнокультуры выступают язык, территория, национальное самосознание, этническая идентичность, этническая психология, устойчивая межпоколенная преемственность, традиции, обычаи, нормы, система ценностей.

Этнонационализм (этнический национализм) – национально-политическая концепция, предполагающая, что нация является высшей формой этнической общности с исключительным правом на обладание государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему.

Этнос – биосоциальная общность людей, обладающая следующими этнодифференцирующими признаками: автоэтнонимом – самоназванием этноса; этнокультурными особенностями, которые проявляются в языке, религии, обычаях, обрядах, народном искусстве и фольклоре, нормах этики, благодаря которым все люди разделяются на две группы: «мы» и «они»; антропо-психологическими признаками, т.е. отличительными чертами во внешнем физиологическом облике и в психологическом складе характера человека; единством территории, что сыграло в свое время важную роль в этногенезе и формировании современной этнической карты мира, но утратило свое этнодифференцирующее значение в настоящее время из-за массовых миграций.

Этноцентризм – свойство этнического самосознания воспринимать и оценивать жизненные явления сквозь призму традиций и ценностей собственной этнической группы, выступающей в качестве всеобщего эталона и оптимума.

Список сокращений

В настоящем отчете о НИР применены следующие обозначения и сокращения:

- АНИИ – Адыгейский научно-исследовательский институт
АН СССР – Академия наук СССР
ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького
ИНИИК – Ингушский научно-исследовательский институт краеведения
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
КЕПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил
МГУ – Московский государственный университет
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НИИ – научно-исследовательский институт
ОИА(А)АО – Общество изучения Адыгейской (Черкесской) автономной области
ОЛИКК – Общество любителей изучения Кубанского края
ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области
ОНО – Отдел народного образования
РАН – Российская академия наук
РГО – Русское географическое общество
РГУ – Ростовский-на-Дону государственный университет
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СКАНИИ – Северо-Кавказская ассоциация научно-исследовательских институтов
СНК – Совет народных комиссаров
СКНЦ ВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ЦГИА – Центральный государственный исторический архив
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
Центроиздат – Центральное издательство народов СССР
ЦНК – Центр национальных культур
ЧИАССР – Чечено-Ингушская автономная Советская Социалистическая Республика
ЮФУ – Южный федеральный университет

Введение

Русская культура является системообразующим фактором межнационального диалога на Северном Кавказе, стабилизирующей основой для межэтнических отношений в регионе. Северный Кавказ обрел историко-культурную и экономико-географическую общность в результате вхождения в состав Российского государства и вступления в диалог в первую очередь с русским языком и культурой. Русское присутствие и влияние в этом регионе является неотъемлемой частью культуры всего Северного Кавказа на протяжении столетий.

В сложном полиэтничном регионе, каким является Северный Кавказ, русский язык играет монополярную роль языка межэтнического общения, являясь языком высокой культуры, науки, политики, художественного творчества. Современные межъязыковые процессы на этой территории являются важным этапом в долгой истории встраивания культур народов региона в общероссийское социокультурное пространство. Учет социально-языкового фактора в условиях имеющих место суверенизационных явлений, роста сепаратистских настроений в части общества, использующих в качестве средства достижения целей упор на доминирование родного языка, должен быть неотъемлемой частью стратегии культурной и языковой политики, ставящих своей целью сохранение Российской Федерации как единого государства.

Значимым фактором продвижения русской культуры на Северном Кавказе служит совместная деятельность русской и северокавказской интеллигенции в области изучения и охраны культурного наследия. Научные общества, активно создававшиеся в регионе на рубеже XIX–XX вв., приобрели качество пространства межнациональной коммуникации. Солидарная просветительская деятельность русской научной интеллигенции и местного населения способствовала формированию кадров национальной интеллигенции, интеграции народов Кавказа в российский социум. Перед современным кавказоведением стоит насущная задача преодоления возникшего в конце XX–XXI вв. конфликтного противоречия между этноцентричными и общероссийскими подходами в исследовании Северного Кавказа.

Важным, но на настоящий момент практически не используемым, ресурсом развития межнационального взаимодействия и укрепления российской государственности на Северном Кавказе, является целенаправленная, научно обоснованная монументальная политика, понимаемая как система мероприятий государственной власти в области создания и разноаспектного использования недвижимых объектов, увековечивающих, прославляющих определенные исторические события, личности или группы, обозначающие и акцентирующие в культурном пространстве памятные (достопримечательные) места.

Выявление степени и характера влияния русской культуры на процессы межнационального этнокультурного взаимодействия на Северном Кавказе для обеспечения мира и согласия, развития и укрепления дружественных отношений особенно актуально в условиях современного социокультурного развития общества.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью создания научно-теоретической базы для выработки стратегии и конкретных мер по возвращению русской культуре на Северном Кавказе статуса системообразующего фактора межнационального взаимодействия в целях преодоления кризисных явлений в вопросах взаимодействия культур в данном регионе.

Складывавшийся в течение столетий межкультурный диалог в 1990-е гг. был нарушен практически на всем постсоветском пространстве. Причинами тому послужили демонтаж прежних форм и механизмов взаимодействия российских культур и отсутствие новых. В социокультурной сфере последних десятилетий были направлены главным образом на взаимное отчуждение культурных сообществ, на поиски и всяческое подчеркивание культурных различий.

Необходимость исследования проблем и актуализации роли русского языка в северокавказском регионе обусловлена развитием этнополитических процессов. В результате преобразования бывших автономных областей, краев и округов в республики языки их титульных национальностей получили статус государственных. Были запущены неоднозначные процессы, направленные на устранение преобладания в социально-политической иерархии русскоязычных кадров, особенно не владеющих

языками коренных народов. Развернулась борьба национальных элит за доминирование родного языка, которая является сегодня важной составляющей суверенизационных процессов, роста сепаратистских настроений в части общества Северного Кавказа.

Проблемой развития исторической науки и вызовом социокультурной безопасности страны является конфликтогенное противоречие между этноцентричными и общероссийскими подходами к истории Кавказа и русско-кавказскими отношениями. «Исторические войны» провоцируют «войны» исторической памяти, социальные и экономические конфликты, конкуренцию местных правовых систем и российских законов. В этой связи очевидна актуальность исследования процессов исторического знания и выработки стратегии развития наметившегося в последнее десятилетие конструктивного диалога представителей социогуманитарного знания республик Северного Кавказа и их коллег – кавказоведов из других регионов.

До настоящего времени не проводилось специальных исторических, искусствоведческих или культурологических исследований монументальной политики на Северном Кавказе. Стратегия монументальной политики, которая могла бы способствовать трансляции общероссийской идеологии в регионе, отсутствует.

Различные аспекты русской культуры на Северном Кавказе в течение почти полутора веков привлекают к себе внимание ученых – философов, географов, историков, филологов, культурологов, этнологов, политологов и пр.

Основные исторические вехи взаимодействия русского и северокавказских народов нашли отражение в публикациях ряда российских исследователей – Е.Н. Кушевой [1], Н.В. Вариво-да [2], В.А. Потто [3], Л.Б. Заседателевой [4], М.С. Тотоева [5], В.Ф. Патраковой и В.В. Черноус [6], Г.Г. Гамзатова [7], Т.Х. Кумыкова [8], В.В. Черноуса [9] и др.

Отдельные вопросы, определившие влияние русской культуры на жизнь народов Северного Кавказа, содержатся в коллективных монографиях, в частности, в академическом издании «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», где рассматриваются причины процесса сближения горцев с русским миром [10], в трудах ученых, представляющих субъекты Северного Кавказа [11].

Значительное внимание исследователями уделено месту русского языка в межнациональном взаимодействии, его влиянию на вовлечение горских народов в российские социально-политические и культурные процессы.

Проблема социальной роли языка была поднята еще творцом европейского языкознания В. Гумбольдтом. Немецкий ученый выдвинул также чрезвычайно популярное сегодня понятие языковой «картины мира», определяющей видение универсума представителями определенной этнической общности. Политический аспект функционирования языка привлек внимание К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Мангейма, К. Каутского, В.И. Ленина, И.В. Сталина [12], которые охарактеризовали язык как один из главных признаков нации.

Этнонационализм третьей четверти XIX столетия (Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум) акцентировал внимание на том, что язык является в известном смысле «творцом» самой национальной общности как таковой. Его последователи описали корреляции между процессами образования национальных литературных языков и консолидации народности в нацию на определенной языковой базе единого национального самосознания.

Изучение советскими исследователями функциональной стороны языка предопределило их обращение к теме национальных языков и языка межнационального общения. В первые годы Советской власти некоторые ученые придавали ей прикладной характер (Н.Я. Марр, Е.Д. Поливанов, Н.Ф. Яковлев), другие пытались решить проблему создания алфавитов для бесписьменных языков, ставили в практическую плоскость вопрос о едином для всех народов Земли языке будущего. В работах В.А. Аврорина, В.В. Иванова, Н.Г. Михайловской, В.М. Панькиной анализировалась проблема взаимодействия государственного и других языков в России.

Исследование проблемы русского языка как средства межнациональной коммуникации на Северном Кавказе имеет также давнюю историю. В теоретическом аспекте и практическом плане ее поставили еще первые ученые-кавказеды во второй половине XIX – начала XX столетия (М. Броссе, Г. Розен, А. А. Шифнер, Д. Чубинашвили, Ал. Цагарели, П. К. Услар, Л.Г. Лопатинский, А. Дир и др.). «Впервые языки изучаемых народов, – подчеркивает кавказовед Р.Р. Орбели, – стали важнейшим средством

исследования, как и предметом специального интереса. Впервые изучение духовной культуры народов Кавказа получило полное признание в русской науке» [13].

Непосредственно о приобщении к русскому языку как фактору цивилизационного развития народов Северного Кавказа размышляли такие выдающиеся представители горских народов, как Э. Капиев, Н. Самурский, Р. Гамзатов и др. [14] Становление русского языка в качестве средства межнационального общения на Северном Кавказе и тесно связанное с этим процессом развитие национальных культур народов региона получили отражение в работах А.Г. Гулиевой, Ш.Г. Магидова, М.А. Хабичева, А.Д. Даниялова, М.Л. Апашева, Ф.С. Льяновой, О.В. Ктиоровой и др. [15]

Большое внимание проблемам распространения русского языка на Северном Кавказе традиционно уделяли русисты Ш.И. Ходжаева, З.М. Загирова, О. Х. Хабибова [16], в работах которых проводится мысль, что насущной проблемой для северокавказских народов является не русификация, а недостаточное владение русским языком, с точки зрения перспектив социальной мобильности молодежи из национальных республик.

Однако на региональном уровне монографически эта проблематика освоена недостаточно. В качестве эталонной работы в этом плане можно назвать монографию М. И. Магомедова «Русский язык в многоязычном Дагестане» [17], в которой под социолингвистическим углом зрения освещаются история становления русского языка как средства межнационального общения в Дагестане и современная языковая ситуация в республике. Анализируются мнения и концепции дагестанских ученых о состоянии и перспективах развития языковой жизни в полиэтническом регионе, о роли и месте русского языка в этом процессе. Из недавних работ можно назвать коллективную монографию С.К. Башиевой, М.З. Улакова и Ж.М. Хамдоховой «Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы» [18]. Несмотря на то, что в работе основное внимание уделено правовому, функциональному (фактическому) статусам кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, проблемы рассматриваются в контексте возрастающей роли в республике русского языка (раздел «Русский язык как важнейший компонент языкового строительства в республике»), что определяет ее методологическую ценность.

Ряд примечательных изданий подготовлен и выпущен Научно-исследовательской лабораторией «Русский язык на Северном Кавказе» (структурное подразделение Пятигорского государственного лингвистического университета), одноименными центрами при Кабардино-Балкарском и Адыгейском государственных университетах. Особо следует выделить основанный в 2001 году при ПГЛУ рецензируемый журнал «Русский язык и межкультурная коммуникация» (выходит 2 раза в год) и сборники материалов международных и региональных научных конференций соответствующей тематики, проводимых пятигорской лабораторией. Среди последних назовем, в первую очередь, сборники материалов международных конгрессов «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (регулярно проводятся с 2001 г.).

В формате диссертационных исследований проблемы преподавания и распространения сферы влияния русского языка в духовной и общественной жизни северокавказских субъектов Российской Федерации рассмотрены в работах А.Г. Загаштокова, Е.Н. Калининой, М.Е. Костюк, Н.В. Ляшенко, Л.Г. Сущенко; М.Ч. Тениуковой [19].

Теоретические основания исследования научных обществ Северного Кавказа как сферы межнациональной коммуникации во многом заложены трудами академика Д.С. Лихачева о русской культуре («Культура как целостная среда», «Историческое самосознание и культура России», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Ценности культуры» и др.). Говоря о ее универсальном характере и тяге к другим культурам, Лихачев в качестве «лучшего доказательства» приводил «многонациональные интересы» русской науки, «положение дел, спектр и объем исследовательских работ», проводившихся в незначительной по численности дореволюционной Академии наук, среди членов которой были выдающиеся славяноведы, востоковеды, кавказоведы, специалисты в финноугроведении и др. Петербург и Москва были центрами армянской и грузинской культур. [20] Ученый отмечал, что для русских другие народы, особенно слабые, малочисленные, всегда представляли «особую притягательную силу» [21].

Основные тенденции, вклад отдельных ученых и научных обществ в изучении Северного Кавказа, направления научных исследований, отражены в трудах М.Е. Колесниковой [22], А.К. Бузарова [23], А.Г. Баранова, З.Х. Караклева, А.Д. Панеша [24],

Э.А. Шеуджен [25], Л.Г. Берлявского [26], А.И. Темирболатовой [27] и др. Воздействие современных научных исследований на развитие межкультурного диалога рассмотрены В.А. Шнирельманом [28], В.В. Черноусом [29], А.З. Адиевым [30], О.В. Матвеевым [31], Ш.А. Гапуровым [32] и др.

Специальных исторических, искусствоведческих или культурологических исследований монументальной политики на Северном Кавказе до сих пор не было. В начале XX столетия попытка обобщить историю создания памятников на северокавказских территориях была предпринята Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа, издавшим в Тифлисе двухтомную работу «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» под редакцией известного историка казачества и Кавказской войны В.В. Потто. [33] Применительно к исследованию монументальной политики как ресурса вовлечения северокавказских народов в общероссийские культурные процессы, этот обобщающий труд может служить историографическим фактом лишь косвенно, поскольку отражает исключительно имперские устремления на Кавказе, без учета последствия возведения тех или иных памятников.

В советское время единственной работой по истории памятников, расположенных в пределах одного субрегиона можно считать научно-популярное издание «В граните и бронзе (О памятниках Кубани)» [34]. Остальные же монументы, мемориальные комплексы и т.д. рассматривались в общем русле истории отдельных населенных мест (городов и сел), истории автономных республик, краев и автономных областей Северного Кавказа.

Объектом исследования является русская культура на Северном Кавказе.

Предметом исследования выступают процессы, определившие системообразующий фактор русской культуры в системе межнационального взаимодействия на Северном Кавказе.

Территориальные рамки исследования включают территории субъектов Российской Федерации, объединенных понятием «Северный Кавказ» – Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область (частично), Калмыкия

(частично) – в административно-территориальном отношении входящих в границы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Целью научно-исследовательской работы является осмысление доминантного значения русской культуры в складывании устойчивой системы межнационального взаимодействия на Северном Кавказе.

Достижение выдвинутой цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. раскрыть исторические обстоятельства, определившие значение русской культуры как системообразующего фактора межнационального взаимодействия на Северном Кавказе;
2. проанализировать значение русской культуры в консолидации и объединении народов Северного Кавказа в пределах Российского государства;
3. выявить проблемные аспекты присутствия русской культуры на Северном Кавказе в постсоветский период;
4. проанализировать роль русского языка в процессе становления социокультурного пространства на Северном Кавказе как средства межнациональной коммуникации
5. дать характеристику научных обществ Северного Кавказа как пространству межнациональной коммуникации;
6. дать характеристику монументальной политики на Северном Кавказе как средства утверждения российской государственности и фактора межкультурного взаимодействия.

Методологическую основу исследования составляет многокомпонентный методологический инструментарий, включающий общенаучные теоретические методы познания, эмпирические методы, специальные методы культурологических и исторических исследований, в частности, компаративный, историко-генетический, историко-типологический, реконструктивный, структурно-функциональный анализ и другие методы, привлеченные из исследовательской практики смежных наук.

Новизна проведенного научного исследования заключается в комплексном анализе с позиций методологического синтеза процессов, обосновывающих доминантное значение русской культуры в системе межнационального взаимодействия и межкультурного диалога на Северном Кавказе. До этого освещались отдельные аспекты заявленной темы, обобщающего

научного исследования не проводилось. В рамках настоящего исследования:

- проведен анализ исторической обусловленности и необходимости актуализации доминирующей роли русской культуры в межнациональном взаимодействии на Северном Кавказе;

- на научно-теоретической основе обозначены направления совершенствования взаимодействия русской культуры и этнической культуры северокавказских народов;

- проанализирована специфика становления социокультурного пространства в полиэтничном регионе Северного Кавказа и роль русского языка в этом процессе как средства межнациональной коммуникации;

- выполнен анализ взаимообратных связей между языковыми и социальными процессами и этнокультурной функции языка с учетом современных социокультурных и политических условий в северокавказском регионе;

- выявлены причины формирования на базе русского языка положительных в своей основе интеграционных языковых процессов;

- дана характеристика места научных сообществ в системе межнационального взаимодействия, в процессе оздоровления национальных отношений на Северном Кавказе;

- поставлена проблема научного осмысления ретроспективы и современных тенденций государственных (раздельно – общероссийских и регионально-национальных) и общественных монументальных практик, научно-теоретического обоснования монументальной политики как инструмента утверждения России на Северном Кавказе и фактора межкультурного взаимодействия.

Результаты комплексного исследования значения русской культуры как системообразующего фактора в межнациональных отношениях на Северном Кавказе могут быть использованы в подготовке обобщающих и специальных трудов научного, методического и учебного характера, в работах научно-прикладной направленности. Выводы исследования могут быть использованы в практике реализации государственной национальной политики, этнокультурной политики, разработке стратегических программ регионального развития, концепций и стратегий монументальной политики, сохранения наследия, образовательной и научной деятельности.

Материалы исследования могут быть также использованы в преподавании курсов отечественной истории, культурологии, регионоведения, этнологии, социологии, языкознания, региональной культурной политики, в процессе обучения и повышения квалификации специалистов сферы образования, культуры, межнациональных отношений.

И.И. Горлова,
*Директор Южного филиала Института Наследия,
д-р филос. наук, профессор*

В. Е. Науменко,
*Начальник отдела комплексных проблем исследования культуры,
канд. истор. наук, профессор*

В.К. Чумаченко
*Ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского НИИ
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
кандидат филологических наук, профессор, Россия, г. Краснодар*

А.Н. Еремеева
*Главный научный сотрудник отдела комплексных проблем
исследования культуры, д-р социол. наук, профессор*

В.В. Бондарь
*Начальник отдела экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия,
канд. истор. наук*

О. Н. Маркова
*Старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной
деятельности и проблем культурного и природного наследия*

В.Е. Науменко

**Исторические события,
определившие значение русской культуры
как фактора межнационального взаимодействия
на Северном Кавказе**

Основные исторические вехи, определившие значение русской культуры как фактора межнационального взаимодействия на Северном Кавказе, можно условно разделить на четыре крупных периода – неравнозначных по времени протекания и глубине осуществления указанных процессов, но важных с точки зрения последовательности и содержания. Очевидно, что любая периодизация есть некоторое упрощение изложения исторического процесса. Однако при этом, как отмечал в своей работе «Смысл и назначение истории» Карл Ясперс, «эти упрощения могут служить стрелками, указывающими на существенные моменты» [35]. Именно такой подход лег в основу изложения обозначенной проблемы.

Первый период – доимперский, исторические рамки которого определяются с X по XVII в.

Анализ многочисленных исторических свидетельств дает возможность утверждать, что активное включение в процессы взаимного общения северокавказских народов и русичей начинается с образованием в X веке Тмутараканского княжества, занимавшего территорию Таманского полуострова и объединившего в своих границах полиэтничное население.

«Тмутараканское княжество,- отмечается в коллективном труде по истории народов Северного Кавказа, – оказывало сильное влияние на развитие экономики и культуры народов Северного Кавказа» [36]. По мнению Ф.А. Щербины, «славяне, получившие уже название русских, прочно были связаны с Кубанскими местами ещё с конца X века» [37].

Город Тмутаракань был крупным торговым и культурным центром. Тмутараканский порт связывал население Северо-Западного Кавказа с Русью, Византией и другими странами. Княжество играло также видную роль в распространении христианства

на Северном Кавказе [38]¹. В X – XII вв., не без участия Тмутараканского княжества, среди адыгов распространялась библейская литература, строились церкви, обслуживавшие адыгское население. В совокупности все это оказывало культурно-религиозное влияние на северокавказское население [39].

Однако возникшие плодотворные связи были прерваны в результате татаро-монгольского нашествия. По мнению В.А. Потто, сношения России с Северным Кавказом прекращаются надолго, но «дорожка, проторенная к нему (Северному Кавказу – В.Н.) во дни величия и славы, не западала и в это скорбное время» [40].

Известный кавказовед В.В. Кузнецов, давая краткий обзор первых и наиболее ранних контактов Древней Руси с Северным Кавказом, основываясь на реальных исторических и археологических источниках, указывает, что эти контакты начались с образованием Тмутараканского княжества в X в. и стабильно развивались, но с первой половины XII в. Тмутаракань исчезает как русский анклав, отрезанная вторжением кипчаков-половцев, после чего дальнейшие следы русской культуры на Северном Кавказе имеют слабо выраженный пунктирный характер вплоть до XVI в. – времени начала активизации политики Московского государства на Северном Кавказе [41].

Новый этап развития отношений Руси с народами Северного Кавказа связан с активным притоком на эти земли русского населения в XVI в. Основной миграционный поток направлялся на Юг, на Терек, где складывалось ядро гребенских и терских казаков. Это было весьма разнородное население, которое «веками привыкало к своеволиям удельно-вечегового строя, страшась окрепшей власти, уходило от неё на дальние окраины: на Дон, на Днепр, на простор южно-русских степей, где не могла достать их карающая рука московского правительства», из которого в результате «образовалось наше русское вольное казачество, сделавшееся силою самих обстоятельств крепкой передовой стражей русской земли...» [42].

Характеризуя пришедших в этот период на Северный Кавказ русских, В.А. Потто обращает внимание на то, что «перероднившись со своими затеречными соседями, они приняли их одежду,

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. С. 148.

образ жизни и даже некоторые обычаи, что явилось у них простым результатом общего закона применения к тем или другим условиям жизни», и далее, ссылаясь на первого чеченского историка и этнографа Лаудаева, он пишет, «что в то время, когда чеченцы жили еще в глубине Ичкерии и Черных гор, русский сделался отцом страны, что русская телега взошла на горы и что русская матушка (женщина) ходила одна по Лысым и Черным Горам» [43]. Вышесказанное вполне может служить свидетельством того, что русские были здесь не временными посетителями, так как «телега» и «женщина в горах» есть несомненный признак оседлости.

Эта мысль получила развитие и художественной литературе. Так, Л.Н. Толстой в произведении «Казачья жизнь» свидетельствует: «Живя между чеченцами, казаки породнились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни, нравы горцев» [44].

Факты приятных отношений осваивавшего земли Северного Кавказа русского населения и горцев во множестве приведены в научных исследованиях.

В частности, Ф.И. Щербина в фундаментальном труде по истории кубанского казачества отмечает следующее: «Первоначально, при заселении Черноморья, между черкесами и черноморцами не существовало никакой вражды. Черкесы встречали своих соседей дружелюбно. Черноморцы со своей стороны старались жить с горцами в мире и согласии. Черкесские князья говорили черноморцам: «мы никогда не думали с вами в соседстве жить, но теперь бог привел, то и надобно жить нам хорошо». В первое время черкесы делились с черноморцами хлебом, семенами, саженцами и пр. Часть продуктов они меняли на соль и разные предметы, а часть, просто дарили» [45].

То есть, изначально с появлением русских на Северном Кавказе, между ними и местным населением налаживаются устойчивые взаимоотношения, основанные на боевом содружестве и взаимной экономической заинтересованности. Казаки совместно с горцами участвовали в защите пограничных рубежей против персидских и турецких вторжений. Это способствовало укреплению взаимоотношений казаков с коренными народами [46].

По мнению Х.Г. Тхагапсоева, «появление казачества в Предкавказье означало принципиальное изменение характера отношений социокультурных миров Кавказа и России, а точнее, переход этих отношений из сферы спорадических контактов (политиче-

ских и военно-политических, к чему были причастны в основном феодалы, владельцы и предводители этносов – князья, ханы, беки, шамхалы) в сферу прямых отношений на экзистенциальном уровне, на уровне повседневности, поскольку в регионе появляются казачьи поселения, которые втягиваются в многообразные отношения с местным населением – торговые, экономические, культурные, бытовые» [47].

Зарождение традиций добрососедства базировалось на разнообразных и многовекторных связях пришлого и автохтонного населения в хозяйственной и бытовой сфере. По словам Н.Г. Соловьевой, «...к ним можно отнести тесные межэтнические контакты, такие как куначество, алатычество, гостеприимство, побратимство и пр. [48].

Поселившиеся по берегам Кубани, Сунжи и Терека казаки на этом этапе взаимодействия с коренным населением не затрагивали политических и хозяйственных интересов горских народов и при наличии социально-классовой общности создавались благоприятные условия для развития дружественных связей. Этому способствовали и экономические отношения между казаками и местными народами [49].

Безусловно, на первых порах такого рода взаимодействие носило несистемный характер, но со временем оформились регулярные связи, тем самым были заложены основания для возникновения принципиально новых условий взаимодействия столь различных культур в будущем.

Исследователь культурного прошлого ингушей А.Н. Генко справедливо отмечает: «Редко где проблема культурного смешения, в самом широком смысле слова, так редко выступает на первый план и приковывает к себе тотчас же исследовательское внимание, как на Кавказе: здесь заключен особый методологический интерес изучения кавказских народов. Географическое положение Кавказского перешейка на рубеже двух культурных миров, старого переднеазиатского и более молодого южнорусского, на протяжении доступного нам теперь уже многовекового исторического периода клало свой отпечаток на судьбу его разноязычных насельников. Победа осталась, в конце концов, за севером, Кавказ в целом прочно вошел в орбиту европейского культурного влияния, идущего через русское русло. От внимательного наблюдения не может ускользнуть историческое преимущество в борьбе за культурную гегемонию на Кавказе таких

культурных стихий, как скифо-сарматская (аланская), затем хазарская, половецкая (кипчакская), монгольская и, наконец, с XVI в. русская» [50].

Таким образом, процесс вхождения народов Северного Кавказа в состав России и последующего распространения на него ее военно-административной власти был длительным и прошел несколько стадий. С середины XVI в. и примерно до 70-х годов XVIII в. совершалось добровольное принятие подданства России рядом народов и владельцев Северного Кавказа. Отличительной чертой этого времени было то, что Россия оставалась еще отделенной от Северного Кавказа незаселенными и неосвоенными обширными степями Предкавказья [51].

Конечно, нельзя отрицать тот факт, что и в это не простое с точки зрения политической обстановки в регионе время последовательно осуществлялся процесс упрочения позиции России на Северном Кавказе. Разумеется, российское правительство заботилось, прежде всего, об упрочении безопасности и мощи своего государства, распространении политического влияния на новые территории. Одновременно получили развитие устойчивые экономические и торговые связи.

Подробное исследование этих вопросов в трудах историков оставляет как бы в тени проблемы культурного диалога между северокавказскими народами и русским старожильческим населением. Вместе с тем, уже в середине XVI в. получает новый стимул известный исторический процесс взаимообогащения культур многих кавказских народов и культуры русского народа, начало которого восходит к домонгольскому периоду истории Русского государства. В значительной степени это затронуло вопросы бытовой и материальной культуры. На бытовом уровне взаимопроникновение культур народов Северного Кавказа и старожильческих групп восточнославянского населения нашло отражение в различном включении в их быт и культуру доли местных северокавказских культурно-бытовых элементов. Как справедливо отмечается в ряде современных исследований, эти проблемы надо рассматривать под углом зрения «активного взаимодействия и взаимовлияния восточнославянских... черт в культуре и быту северокавказского казачества с местными заимствованными «кавказскими» чертами» [52].

Этот этап завершил, образно говоря, предысторию взаимодействия культур народов Северного Кавказа и России.

Второй период – имперский, время пребывания северокавказских народов в Российской империи.

Активизация российско-северокавказских отношений, приводящих к усилению межкультурного взаимодействия, начинается с XVI в. Этому способствовал ряд внешних и внутренних обстоятельств. К числу важнейших относится то, что в середине XVI в. к России были присоединены Казань (1552 г.) и Астрахань (1556 г.), что фактически соединило территории России и Северного Кавказа. Именно это обстоятельство стало важнейшим событием, определившим в последующем место и роль не только русской державы, но и русской культуры в укреплении межнационального взаимодействия на Северном Кавказе. «С этого времени, – отмечают авторы академической истории народов Северного Кавказа, – стали налаживаться и укрепляться прочные связи народов Северного Кавказа с Россией» [53].

Вместе с тем, указывают северокавказские историки М.М. Блиев, В.В. Дегоева, Н.С. Киняпина, зарубежная историография «в лице ее консервативного направления не желает видеть историю дипломатических и культурных связей России с народами окраин. Ее скорее интересуют конфликтные ситуации в этом общении, позволяющие подменить проблему присоединения Кавказа и Средней Азии к России проблемой завоевания...» [54].

Тенденциозность такого подхода освещена в академическом издании коллективного труда «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», где убедительно доказано, что «вся история народов Северного Кавказа уже со второй половины XVI в. шла по пути сближения в Россией, русским народом». Получивший дальнейшее развитие в XVIII в. этот процесс «дает примеры многих новых добровольных обращений местных народов о принятии российского подданства и вхождения в состав России. Такие обращения шли от осетин, чеченцев, ингушей и дагестанцев» [55].

Интерес российского государства на данном этапе формирования российско-северокавказских связей был обусловлен тем, что этот регион являлся центром переплетения важнейших военно-стратегических и торговых путей, имевших важное экономическое и политическое значение. Северный Кавказ связывал Россию со странами Ближнего и Среднего Востока и надежный контроль над этими стратегическими территориями удалось осуществить лишь во второй половине XVII века. Заметная роль в решении

обозначенной проблемы отводилась возведенной системе военных укреплений на Восточном Кавказе (Терский городок и др.), а также терско-гребенскому казачеству, давнему насельнику этих мест, и имевшему уходящую в далекое прошлое развитую систему отношений с автохтонным населением Северного Кавказа.

Вместе с тем интересы России на Юге вступали в резкое противоречие с планами Османской империи, Крымского ханства и Ираном. «В этой чрезвычайно сложной обстановке национальные интересы России вынуждали ее активизировать свою политику на юге, требовали решения ряда неотложных задач, и прежде всего, обеспечения обороны южных границ от нападения Крымского ханства и Оттоманской Порты, обеспечения ее выхода по Волжскому пути в Каспийское море, укрепления политических связей с феодальными владельцами Кавказа» [56].

Результатом упомянутой активности стало добровольное присоединение в 1557 г. адыгов к России, поддержание на активном уровне традиционных связей с Кабардой. Наличие крепости и русских военных отрядов на Тереке, а также союз России с северокавказскими владельцами расширяли возможности многовекторных связей с народами Северного Кавказа. Это привело к тому, что в начале 90-х годов XVI в. позиции России на Северном Кавказе еще более укрепились. На реке Сунже была возведена новая крепость. Да и в целом твердая позиция Москвы «не позволила агрессивным державам прибрать к своим рукам Северный Кавказ. Русские крепости и находящиеся на Северном Кавказе русские войска, а также терские и донские казаки служили надежной защитой против осmano-татарских войск. В то же время мужественное сопротивление, оказываемое широкими народными массами войскам султана, хана и шаха, со своей стороны содействовало успехам восточной политики Русского государства» [57].

Таким образом, сложившаяся на этом этапе благоприятная для Русского государства обстановка способствовала укреплению его позиций в регионе и создала важные предпосылки для дальнейшего развития многосторонних связей с северокавказскими народами.

Одним из таких факторов стало возведение начиная со второй половины XVI в. по просьбе северокавказских владельцев и кахетинского царя русских крепостей. По сути, кроме военно-оборонительных задач, эти городки-крепости выполняли и другие многообразные функции. Внутри крепостных стен раз-

мешались торговые ряды, гостиные двory для купцов, харчевни, церкви и другие постройки. В силу ряда причин (феодалные междоусобицы, опасность со стороны Османской Порты, Крымского ханства, Ирана и т.п.) в Терский городок в надежде на защиту прибывали на постоянное местожительство северокавказские князья со своими подданными, создавая вокруг русских поселений слободы. Так, уже в первой половине XVII в. под стенами Терского городка сложились Черкасская, Окотская, Новокрепещенская, Татарская слободы. В этот период именно эти города-крепости становятся наиболее интенсивных межнациональных контактов. Население слобод, где проживали чеченцы, ингуши, кумыки, татары и другие представители кавказских народов, активно использовалось на военной, дипломатической и прочей административной службе у Русского государства. Из их среды рекрутировались переводчики, послы, проводники, «служилые воинские люди» и т.п. Происходил естественный процесс формирования приятельных отношений между людьми в результате решения общих задач и совместного проживания. Это неизбежно вело к тому, что местное население и было одним из тех связующих звеньев, посредством которых осуществлялась политика России на Северном Кавказе, а также крепились дружеские связи русского народа с народами всего Северного Кавказа.

Как справедливо отмечает исследователь северокавказской истории Ш.Б. Ахмадов, «торгово-экономические связи народов Северного Кавказа с Россией, завязавшиеся еще в раннем средневековье, в рассматриваемое время приобретают постоянный характер, отличаются сравнительно возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть в общем товарообороте этих народов немаловажную роль» [58].

Торговые связи России с народами Северного Кавказа в основном осуществлялись в городах Астрахань, Терки, Святой Крест, Кизляр, Моздок, Владикавказ и др. [59]. Это дает основание утверждать, что «процесс развития политических, экономических и культурных связей народов Северного Кавказа с Россией шел по восходящей линии и объективно влиял на все стороны общественно-экономического развития края» [60].

В XVIII–XIX вв. было основано большинство городов Юга России, через которые транслировались модернизационные процессы и русская культура.

Важные и разнообразные свидетельства влияния русской материальной культуры на укрепление русско-вайнахских связей в XVI–XVIII вв. представлены в публикации Д.Ю. Чахкиева и Б. Б.-А. Абдулвахабова. Ссылаясь на многочисленные работы северокавказских исследователей (Л.П. Семенова, Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, В.Б. Виноградова, С.Ц. Умарова, М.Б. Мужухоева, Р.А. Даутовой, Д.Ю. Чахкиева и др.), авторы указывают на разнообразную коллекцию предметов российского производства и вещей, выполненных в подражание им местными мастерами. Среди них выделяются разнотипные железные шарнирные ножицы, бронзовые и медные игольницы, стальные швейные иглы, складные ножи, железные гвозди и подвесные замки, стеклянные зеркала, металлические наперстки и пуговицы, булавки, бумага, разноцветные нитки и деревянные катушки для них, ткани и одежда, женские украшения, монеты, ладьевидные деревянные ковши, гребни, шкатулки, железные топоры, образцы высокосортного защитного вооружения, ручное огнестрельное оружие и принадлежности к нему, предметы христианской пластики, ремесленный инструментарий. Найдены эти изделия практически на всей территории обитания в это время чеченцев и ингушей.

Обильные археологические материалы, по мнению авторов, «наглядно и убедительно свидетельствуют о существовавших довольно тесных торгово-экономических русско-вайнахских связях в XVI–XVIII вв., закономерно приведших в итоге к добровольному вхождению чеченцев и ингушей в состав многонациональной России (1762-1781 гг.)» [61].

Как отмечается в коллективном труде «История народов Северного Кавказа (конец XVIII века – 1917 г.)», вхождение горцев «в состав России привело к более тесному взаимодействию культуры России и кавказских народов» [62]. И хотя на Северном Кавказе влияние русской культуры стало складываться позднее, чем в Грузии и Армении, тем не менее, народы Северного Кавказа, ранее всего Кабарда и Осетия, активно вовлекались в орбиту культурного влияния России, и процесс этот был взаимным. Активное вовлечение в первой половине XIX в. горских народов в экономическую, политическую и культурную жизнь России способствовало видоизменению и их богатой самобытной культуры. События первой половины XIX века привели к значительным изменениям в социально-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа. В значительной степени жизнь

самих народов в результате ограничения межфеодалных распрей вошла в мирное русло, что в значительной степени способствовало расширению контактов и взаимному культурному обмену между горскими народами и русским населением Северного Кавказа. Значительную роль в расширении этнокультурных связей стали выполнять города ранее существовавшие (Дербент, Кизляр, Моздок и др.) и вновь основанные (Владикавказ, Петровск, Темир-Хан-Шура и др.), ставшие крупными административными, экономическими и культурными центрами. Немаловажную роль в усилении обмена и заимствованию в области материальной и духовной культуры между русскими и горскими народами играли русские станицы, укрепления, села и хутора, тем более что в это время происходило важное событие в жизни горцев – массовое переселение их с гор на равнину, что обеспечивало расширение межэтнических контактов [63].

Тем не менее, считать, что процессы культурного взаимодействия развивались поступательно и прямолинейно не следует. Так, по свидетельству А. Н. Генко, в поле зрения русских ингуши попадают с XVIII в., т.е. времени, когда последними стали интенсивно и планомерно колонизироваться равнины Северного Кавказа. Судя по всему, лишь с 1744 г. ингуши становятся прямым объектом русской политики. Это видно на примере функционирования осетинской комиссии «по обращению осетинцев и ингушевцев в христианство» [64]. По словам А.Н. Генко, «решающим в определении современного культурного облика ингушей было влияние восточных соседей ингушей, кумыков северного Дагестана, несших непосредственно (или посредственно, через Чечню) исламскую культуру, которой суждено было завоевать ингушей на глазах русского правительства, бессильного противопоставить ей серьезную христианскую пропаганду. История постепенного превращения некогда слегка христианизированных, но к моменту выступления на историческую арену вполне оязычившихся ингушей может быть восстановлена в относительной полноте сравнительно с тем, что нам известно о других горцах Северного Кавказа» [65].

Вместе с тем, наличествовали другие причины, толкавшие «ингушский народ на сближение и подчинение России... Это развитие торговых отношений с Россией и стремление к развитию сельского хозяйства на плоскости, которой можно было владеть при помощи русского правительства» [66].

Это дает основания утверждать, что «контакты населения Центрального Кавказа с Россией постепенно размывали прежнюю замкнутость горских обществ, приводя их во все более тесное соприкосновение с историей и культурой многонационального Русского государства, к которому они проявляли очевидное тяготение» [67].

В контактной зоне взаимообогащение традиционной русской и северокавказской культур происходило в хозяйственно-бытовой сфере, продуктом антропологического и культурного синтеза становится терско-гребенское казачество, которое начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа [68].

В отдельных местах Северного Кавказа данные процессы имели разную интенсивность. Так, установив отношения с чеченскими феодалами и обществами еще в XV–XVII вв. на основе вассально-союзнических связей, русские цари проводили политику усиления воздействия на внутреннюю жизнь вайнахских обществ, что не могло не вызвать неприятия такого развития событий. «Тем не менее, горцы Чечни искренне желали установления с Россией взаимовыгодных торговых связей и дружеских отношений. Ради сохранения мира с северным соседом они шли на ряд уступок, но при этом резко протестовали против вмешательства в их внутренние дела, оказывали сопротивление попыткам ограничения политического суверенитета Чечни» [69].

Отношения народов Центрального Кавказа (вайнахов и осетин) с Россией вплоть до второй половины XVIII в. были эпизодическими и касались в основном торговли, экономических связей. По наработанному шаблону с русскими воеводами и иногда с правительством в XVI–XVII вв. заключались шертные договоры, но, как и везде, они носили временный и необязательный характер [70].

Присоединение Северного Кавказа к России, как уже отмечалось выше, носило продолжительный характер и отличалось разнообразием стратегий и Российского государства, и самих кавказских народов. Часть кавказских этносов присоединилась к Российскому государству добровольно, следуя собственным политическим и экономическим интересам, другие были присоединены в результате Кавказской войны.

Следующей важнейшей вехой межкультурного взаимодействия становится XIX в.

Первая треть XIX века оказалась наполнена войнами, которые вела Россия с Персией (1804–1813 и 1826–1828 гг.) и Османской империей (1806–1812 и 1828–1829 гг.) Их результатом явилось окончательное включение кавказских земель в состав России и начало установления здесь российских порядков [71].

В указанное столетие сложились условия для распространения влияния передовой русской культуры на северокавказские народы, для дальнейшего развития связей между русским народом и горским населением, для взаимного обогащения культур. В исторической литературе, посвященной политике России на Северном Кавказе с конца XVIII до середины XIX века, прослеживается ряд этапов в процессе включения и управления этими территориями в рамках общероссийской государственности. Как резонно полагают исследователи Т.А. Невская и А.С. Кондрашова: «Вначале были попытки перенести на кавказскую почву систему российских институтов управления (например, наместничество и губернии), которые сочетались с особыми административными и судебными органами по управлению горцами. Такая политика не достигла поставленных целей, поэтому через некоторое время власти осознали необходимость организации специфических управленческих структур, приемлемых для горского населения края» [72]. Ущербность унифицированного подхода такой политики объяснялась недооценкой ряда факторов, которые в условиях Северного Кавказа играли решающую роль. Прежде всего, игнорирование различий в уровне политического, социально-экономического, культурного развития горских народов, что неизбежно требовало не суммативного, а дифференцированного подхода к разработке и применению на практике способов, средств и методов российской политики, в том числе, и в вопросах включения территории в общероссийское культурное пространство. Влияли и другие осложняющие факторы – постоянная дестабилизация ситуации, обусловленная конкуренцией России с Турцией, Ираном и Англией в этом регионе, пагубным воздействием событий Кавказской войны и другие обстоятельства. Крайне необходимо в выработке управленческой стратегии российской администрации следовало учитывать «уникальную культуру и богатые традиции многочисленных горских народов, находившихся в процессе включения в политико-правовое и социально-экономическое пространство российского общества и государства» [73].

В этих условиях успех реализации государственной политики по отношению к горцам Северного Кавказа во многом зависел от продуманной деятельности российских властных структур, в значительной степени концентрировавшейся в руках Наместников, получивших неограниченные полномочия по руководству регионом.

Значительным шагом в этом направлении стало создание Кавказского наместничества и деятельность Наместника генерал-поручика П.С. Потемкина. Результатом его пребывания на этом посту, трудов по водворению российской гражданственности в крае стало основание 34 населенных пунктов, в которых было расселено 30 тысяч человек, «и при нем же впервые была высказана мысль, что для прочного утверждения здесь русского влияния нужно не одно оружие, но также развитие земледелия, промышленности и торговли» [74].

Кавказское Наместничество просуществовало с 1785 по 1796 годы. Характерной особенностью данного управленческого института стала слабая активность властей в отношении горцев. Именно в этот период, считают исследователи Т.А. Невская и А.С. Кондрашева, была разработана стратегия «невмешательства» во внутренние дела местного населения. По их мнению, все усилия были направлены на развитие, прежде всего, торговых отношений с горцами, установления над ними контроля и сбора всесторонних сведений о горских племенах. Примером может служить тот факт, что сам Кавказский Наместник составил «Краткое описание о кабардинских народах». Это объяснялось рядом объективных и субъективных причин: во-первых, необходимо было обеспечить прочный тыл в борьбе с Турцией и Ираном; во-вторых, следовало создать условия для распространения русского влияния, выражавшегося в территориальном обустройстве полиэтничного населения и внедрении русского законодательства; в-третьих, экономическое состояние самой империи не позволяло быстрыми темпами вовлечь регион в орбиту общероссийской экономической жизни.

В период деятельности наместничества был получен первый опыт привлечения горского населения к управлению через участие знатных горцев в выборе судей для учрежденных родовых судов и расправ в Кабарде и Верхнего пограничного суда в Моздоке. Последний рассматривал уголовные дела всего горского населения Моздока и прилегающих к нему территорий

и являлся высшей апелляционной инстанцией для кабардинских родовых судов.

Следующая страница в работе по преобразованию системы управления на Северном Кавказе связана с деятельностью Главноуправляющего Алексея Петровича Ермолова, который занимал эту должность с мая 1816 по март 1827 года. Несмотря на жесткие меры, предпринимаемые им в отношении горского населения с целью его подчинения российской административной власти, именно благодаря деятельности Ермолова к началу 30-х годов XIX века был разработан и стал реальностью план по фактическому присоединению горских народов Северного Кавказа к России. Он предполагал, с одной стороны, тесное переплетение военных методов, а с другой – ряд планомерных мероприятий политического и экономического характера. Его стараниями были постепенно внедрены органы управления аналогичные существующим на других российских территориях, разработана система повинностей местного населения, утверждались должности приставов, создавалось судопроизводство, были разработаны основы переселенческой политики, меры по развитию экономической жизни, борьба с работорговлей.

В рамках культурного взаимодействия был дан новый толчок работе по изучению истории взаимоотношений России с народами Кавказского региона, результатом которой явилось составление сборника военно-исторических документов о Кавказе (1800 – 1815 гг.), содержащего ценную информацию о местных народах, карты, дипломатическую переписку, указы, хронологию событий.

Усилиями Ермолова наметились основы культурно-просветительной политики российской администрации в среде горского населения, предполагавшей постепенное распространение христианских идей с помощью миссионерской деятельности, а также использование идей Корана для создания новых мусульманских молитв, которые могли бы обеспечить лояльность местного населения к новой власти. Примечательно, что сам А.П. Ермолов составил мусульманскую молитву.

С 1827 по 1831 гг. пост Главнокомандующего Кавказом занимал Иван Федорович Паскевич. Его пребывание на Кавказе было не долгим. Заслуживает внимание следующий факт, являющийся веским аргументом подтверждения правильного курса администрации Паскевича в отношении горского населения: горцы стали называть своих детей именем Паскач в честь Главноуправляющего.

В его бытность были сделаны попытки подчинения местного населения общероссийскому законодательству, предприняты меры по переселению местного населения, формирования податной системы, создана система поощрительных мер для развития торговли, а также дальнейшего совершенствования политико-административной системы.

В области дальнейшего развития культурно-просветительной деятельности при Паскевиче основной целью провозглашалось приобщение северокавказских горцев к культуре, порядкам и законам Российской империи, обеспечение административного и военного аппарата грамотными специалистами из числа местного населения. Для достижения этой цели российская администрация с разной степенью успешности применяла эти средства как попытки познакомить горцев с историей России, христианской литературой, которая переводилась на местные языки, открыть учебные заведения, направлять горскую молодежь на обучение в империю. Делались даже попытки распространить идеи христианства в совокупности с применением системы вознаграждения лиц, принявших православия (в виде денежного поощрения, раздачи чинов, оружия, земли).

Активизировалась работа по сбору сведений о горских народах, что было продиктовано практическими потребностями – развитием торговых отношений и хозяйственной деятельности в среде горцев. Эти обязательства были возложены на русских офицеров, среди которых были П. Зубов, Г. Новицкий и др. В результате были собраны ценные статистические, топографические, этнографические материалы о горцах. Кроме того, стала более широко применяться практика обращения к опыту офицеров из числа горцев. В этой связи заслуживает внимание деятельность представителя кабардинского княжеского рода, генерал-майора Ф.А. Бековича-Черкасского, разработавшего «Замечания касательно управления Кабардинского народа и средства улучшения благосостояния онога», где рассматривались возможные меры, призванные обеспечить лояльность кабардинцев (развитие образования, воспитание преданного духовенства и т.д.).

Кавказская война явилась мощным стимулом для решительных преобразований на Кавказе. Возникла необходимость в оперативном разрешении целого комплекса задач. С ними предстояло разобраться новому Главноуправляющему Григорию Владимировичу Розену, занимавшему этот пост 6 лет, до 1837 года.

В период деятельности барона Розена более активно, чем при его предшественниках, офицеры-горцы предлагали кавказской администрации комплексы мер по управлению горскими народами. Их рассуждения содержали ценную информацию, которая объясняла специфические условия жизни Северо-Кавказского региона, менталитет горцев. Примером служат «Предложения о средствах приведения черкесов в гражданское состояние кроткими мерами и возможным избежанием кровопролития» и проект «Положения об управлении горскими народами», составленные российским офицером, адыгским этнографом и историком Хан-Гиреем. Эти документы представляли собой программу преобразований систем управления и судопроизводства Закубанского края. Изложенные Хан-Гиреем в «Записках о Черкесии» материалы содержали важную информацию, которая вызвала заинтересованность Генерального штаба.

Очередной импульс получила деятельность по сбору материалов о горских этносах. В этот период офицером Генерального штаба И. Бларамбергом были систематизированы исторические и этнографические сведения о всех кавказских народах. Известны первые попытки практического применения собранного материала для создания осетинского алфавита и грамматики, для изучения древней истории территорий Северного Кавказа, чем занималась в Анапе первая археологическая экспедиция полковника Гринфельда (1836–1837 гг.).

В конце 1844 года был учрежден институт Кавказского Наместничества – высшего государственного органа в этом регионе. Наместником был назначен генерал-лейтенант Михаил Семенович Воронцов. С его именем связано формирование основ системы военно-народного управления как политического компромисса между российской властью и горцами. Это позволило получить ценный опыт предоставления местному населению административно-судебных функций под контролем российских чиновников.

Значительный вклад в выработку стратегии управления кавказскими территориями внес Наместник А.И. Барятинский. С его именем связано оформление и расцвет системы военно-народного управления в условиях Кавказской войны. В разработанной им «Особой инструкции для управления горцами» был поставлен ряд задач, в числе которых – пресечь развитие мюридизма, приобщить горцев к мирной жизни без нарушения народных традиций

и обычаев, что должно было дать мощный толчок для их политического, социально-экономического и культурного развития. Одной из важнейших задач предложенной им программы было «создание условий, направленных на развитие и поддержку национальной культуры горцев, вовлечение их в сферу культурного влияния России». Во время нахождения Барятинского на посту Наместника российская власть применяла более мягкие способы, рассчитанные на безболезненное слияние региона в империю. Это невмешательство во внутренние дела горцев, сохранение независимости судебной власти и традиционных общественных институтов горского населения. Это время формирования профессионального, компетентного аппарата сотрудников военно-народных управлений, который представлял элиту кавказской администрации. Большинство российских военных чинов и вместе с ними ученых – языковедов, этнографов, экономистов, географов в силу длительного пребывания на Кавказе имели возможность изучить местные особенности, обычаи и жизнь горцев, что позволило им применить свои знания на практике, способствовать развитию экономики и культуры края.

За двадцать лет деятельности системы военно-народных управлений на северокавказских территориях наряду с другими положительными результатами была достигнута активизация культурно-просветительной работы в среде северокавказского населения, в частности, развитие письменности, учреждение специальных школ для горцев, где большинство учащихся содержалось за счет правительства, обучение горской молодежи в России, подготовка из ее числа квалифицированных специалистов, знакомство с русской культурой, что оказывало позитивное влияние на духовную жизнь горцев – ослабевало влияние религиозного фанатизма, кровной мести, родоплеменных междоусобиц и т. д. В этот период осуществлено накопление ценной коллекции материалов, содержащих объективную информацию статистического, исторического, этнографического, топографического характера, имевшую практическое применение в освоении северокавказских территорий.

В пореформенное время активное сотрудничество с русским населением способствовало распространению среди горцев занятию огородничеством, пчеловодством, перевозкой различных грузов, разведением садов, виноградников, что позволило развиваться успешному производству вин и т. д. Установившиеся

экономические связи с русским населением дали толчок развитию многих промыслов: ткачества, вышивания, изготовления строительных материалов и т.д. Местные промыслы являлись дополнительным подспорьем в хозяйстве горцев, расширяющим возможности сбыта на рынках некоторых излишков производимой продукции. В целом, по свидетельству современников, российская администрация рассматривала «...сближение горцев с русскими как... средство, способное содействовать к успокоению Кавказского края не менее как военные меры» [75].

Заметные изменения произошли в материальной культуре горских народов. Особенно они стали проявляться в новых поселениях, создававшихся на равнине, куда шло планомерное переселение горцев. В значительной степени они стали напоминать казачьи станицы своей правильной планировкой улиц. Изменился и тип жилища. Горцы на равнине стали строить жилища с несколькими смежными комнатами, получил распространение длинный прямоугольный дом, у богатых горцев появился квадратный деревянный дом, что объяснялось «влиянием городов и русской строительной техники» [76]. Возводимые дома в городах зачастую сооружали из саманного кирпича. Лекарь Дагестанского полка И.С. Костемеровский сообщает, что дома «как и везде на Кавказе, строятся по одному известному плану, напоминающему собою русские избы с сенями, чуланом и горницею. Дома эти кроются... легкими плетенками из хвороста, тщательно смазанными смесью глины с саманами». Описывая архитектурные особенности г. Темир-Хан-Шуры XIX века, очевидец свидетельствует: «Дома в ней (в Темир-Хан-Шуре – В.Н.), улицы, казенные здания, лавки, базар, словом все, носит русскую физиономию» [77]. Русская домостроительная культура оказала большое влияние на жилище горцев. Уже в XVIII веке горцы, жившие на равнине, строили дома русского типа с прихожей, коридором, сенцами, печкой и т.п. В первой половине XIX в. эта традиция получила дальнейшее распространение. Изменилась обстановка и внутреннее убранство жилья у имущих горцев за счет притока покупных предметов (стулья, столы, шкафы и т.д.). В Ингушетии, например, в XIX веке возникло на плоскости много аулов, в связи с этим изменился тип жилища. На плоскости стали строить дома из камня или самана. Появились длинные прямоугольные дома. Вместо традиционного очага появился пристенный камин. Появились застекленные окна, дверная коробка, к которой дверь при-

креплялась с помощью петель. Земляные полы заменялись деревянными. Значительная часть населения стала строить дома из самана, обожженного кирпича. У зажиточных семей увеличилось число предметов обихода утвари, постельных принадлежностей, появилась деревянная мебель, а также зеркала, покупные ковры, керосиновые лампы, привозная фаянсовая посуда, самовар [78].

Со второй половины XIX в. начинается новый период в развитии материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа. Передовая русская культура, создавая ценности непреходящего значения, оказывала могучее воздействие на культуру народов Северного Кавказа и на судьбы его народов в целом. В этот период завершился процесс окончательной интеграции северокавказских народов в состав России. Не имея собственной светской культуры, горские народы втягиваются в процессы модернизации. Северокавказские горские общества в первой половине XIX в. почти исключали возможность внутреннего прогресса. Основным его социальным сословием являлось сельское население, крестьянство. Вторая половина XIX века в истории горских народов стала временем адаптации местного населения к системе российского просвещения. Появляется практический интерес и альтернатива конфессиональной, арабоязычной школе в пользу светского образования.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит трансплантация в северокавказскую культуру российского просвещения и русской национальной культуры, затронувшей в предыдущий период лишь часть горской элиты, принявшей русскую ориентацию. С другой стороны, традиционная культура народов Северного Кавказа включается в универсальную систему российской культуры и постепенно адаптируется к ней. При поддержке государства и российской общественности происходит становление этнической кавказской интеллигенции [79].

С 1870-х гг. открывается качественно новая страница в развитии светского образования в России в целом и на Северном Кавказе в частности. В 1869 г. Министерство народного просвещения издало «Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев», в котором отмечалось, что «конечной целью образования всех инородцев в пределах отечества, бесспорно, должно быть обрусение их» [80]. К концу XIX века светские школы функционировали во всем регионе. Власти констатировали, что многие туземцы уже убедились в полезности и необходимости для

него русской речи и грамоты и вполне сознательно стремятся к их усвоению [81].

Такая тяга к обучению русскому языку приобрела всеобщий характер. Так, «Терские ведомости» в 1891 году (№ 68) писали: «Городским жителям известно, например, что осетины и ингуши охотно отдают своих детей в услужение без всякой платы, с единственным условием – научить ребенка читать, писать и говорить по-русски» [82].

Русская школа, демократическая русскоязычная педагогическая интеллигенция сыграли существенную роль в формировании молодого поколения горцев. Новые идеи, проникавшие в школу, оказывали влияние на горскую молодежь, вовлекали ее в водоворот происходящего общественно-политического движения.

Все эти процессы, как справедливо указывают Ш.И. Аюбова и Д.М. Шигабудинов, стимулировались активным развитием русского капитализма, который втягивал в свою орбиту интегрированные национальные районы, нивелировал местные особенности, внедрял в эти регионы новые социально-экономические, производственные отношения, вызывал растущую потребность в специалистах производственной, социально-культурной и духовной сфер.

В результате данных процессов у горских народов появляется слой квалифицированных педагогов, просветителей, деятелей культуры, которые в значительной степени разнообразили и углубили исследовательские интересы русских ученых. Занимаясь описанием материальной и духовной культуры, исследованием истории народностей горного края, народившаяся северокавказская интеллигенция продолжила начинания русских военных и гражданских исследователей. Обратившись к изучению истории, культуры и быта своего народа, они заложили основы национальной этнологии и этнографии. Убедительно это показано в исследовании М.Ш. Абдуллаевой, которая на примере деятельности дагестанских ученых, по сути, указала на общие направления деятельности северокавказских просветителей. В частности, ею было подчеркнуто, что исследование деятельности дагестанских просветителей и отдельных представителей дагестанской интеллигенции XIX в. показало, насколько мощным оказалось воздействие на них русской культуры. Влияние русской культуры осуществлялось в нескольких направлениях:

- Общественно-политическая мысль постепенно склонялось в сторону лояльности по отношению к России. Просвещенные

дагестанцы восприняли Россию в первую очередь как носителя передовой культуры; они признали, что только с помощью России и русской культуры возможно преодоление культурного отставания народов Дагестана.

- Дагестанские просветители, получившие первоначальное образование в арабо-мусульманских школах, приветствовали появление в Дагестане светского образования, призывали горцев обучать детей в русских школах, признавая, таким образом, приоритет светского образования и перспективу, которую оно дает.

Горцы, получившие образование за пределами Дагестана, стал•и первыми представителями русскоязычной дагестанской интеллигенции. «Новые» дагестанцы понимали, что только благодаря просвещению человек может состояться как полноценный член социума. Светское образование стало реальной возможностью для повышения социального статуса дагестанца.

- Дагестанские просветители имели возможность общаться с представителями русской интеллигенции, преподавать в учебных заведениях страны, публиковаться в различных русскоязычных печатных изданиях.

- По примеру русских исследователей дагестанцы стали заниматься собиранием этнографического и исторического материала горного края. Наиболее ярко это выразилось в их стремлении донести до широкого круга читателей сведения из жизни своего народа [83].

Аналогичные тенденции наблюдались и на других территориях Северного Кавказа, вовлеченных в процессы модернизации. Аграрная, судебная и административная реформы 60-80-х гг. XIX в. при всей их половинчатости, издержках и противоречиях сыграли положительную роль в развитии народов края, создали предпосылки для интеграции их в социокультурную систему России.

Активное влияние русской культуры отразилось на различных аспектах культуры северокавказских народов. Культура народов Северного Кавказа в результате взаимодействия с русской культурой приобрела светскую ориентацию, которая, обогатив духовный опыт народов горного края, способствовала постепенной интеграции горцев в европейское культурное пространство.

Основные аспекты, характеризующие влияние русской культуры на становление культуры светского типа северокавказских народов заключалась в том, что общение кавказцев

с представителями русской культуры содействовало формированию лояльного отношения ко всему русскому народу. Пример российских исследователей истории и культуры горских народов стал отправной точкой и положил начало в сложении исследовательской традиции самих горцев, усилил интерес местного населения к деятельности по написанию истории своих этносов, изучению грамматического строя своих языков, созданию алфавитов.

Как справедливо отмечает Х.Г. Тхагапсоев, XIX век стал для кавказского этнокультурного мира эпохой глубокого кризиса, который предварил длительный цикл трансформации, завершившийся в 60-70-е годы XX в. формированием новой – светской парадигмальной архитектоники культуры региона. В этом контексте в рассматриваемую эпоху в регионе начинают складываться и играть активную роль русская городская культура, светское образование, капиталистические формы хозяйственного уклада, а главное – сопутствующие им процессы социальной и профессиональной дифференциации. К этому надо добавить, что в условиях практикуемого царской администрацией диффузного расселения автохтонных народов Кавказа и русского населения многие формы русско-европейской культуры и искусства (например, театр, живопись и т.п.), активно проникают в культуры кавказских этносов. На фоне общего кризиса этнических культур возникают предпосылки к появлению персоналистических форм культуры, доселе неведомых культурному миру Кавказа [84].

Отдельными исследователями (Абдулаева М.Ш., Хашхожева Р.Х., Блиев М.М., Бзаров Р.С., Гамзатов Г.Г., Суздальцева И.А. и др.) отмечается, что начавшееся со второй половины XIX века внедрение системы светского образования обусловило необходимость изучения горцами русского языка, знание которого было одним из главных условий для продолжения образования в средних и высших учебных заведениях России. Начавшийся процесс формирования русскоязычной национальной интеллигенции привел к появлению просветительского движения в регионе. Северокавказские просветители, общаясь с представителями русской интеллигенции, публикуя свои работы в различных печатных изданиях, получили, таким образом, широкие возможности для интеграции в общероссийское культурное пространство. Создание в регионе печатного и книгоиздательского дела содействовало укреплению позиций русского языка, который стал «языком приобщения народов к достижениям передовой культуры».

В целом, если в XIX в. развитие Северного Кавказа неразрывно было связано с социально-экономическим, политическим, духовным развитием России, то в течение последующего XX в. эти связи упрочились, приобрели значение гаранта стабильного функционирования всех сфер общественной (в том числе культурной) жизни региона. Духовная жизнь народов Северного Кавказа становится тесно связанной с русской культурой.

Третий период – советский, продолжавшийся с 1917 по 1993 г.

На рубеже XIX и XX вв. культурные пространства России и Северного Кавказа пришли в тесное взаимодействие. Этот процесс шел под усиливающимся воздействием русской культуры. Активно шли процессы адаптации культуры северокавказских этносов к общероссийскому культурному пространству. Наиболее активно эти процессы проявлялись в материальной культуре, развитии производства, освоении новых технологий, новых форм хозяйствования и т. п. В сфере духовного влияния русской культуры взаимодействие зачастую носило опосредованный характер, если не сказать весьма ограниченный, в силу многих причин – языковых барьеров, конфессиональных различий, крайне низкого уровня образования кавказского населения (в начале XX в. уровень грамотности в регионе едва достигал 0,3–0,5 %)

После установления Советской власти на Северном Кавказе в 1920-х годах и создания национальной государственности горских этносов, начался новый этап в культурной жизни северокавказских народов.

В условиях Советской власти на государственном уровне пришлось ускоренными темпами решать сложные задачи по созданию новых социально-культурных отношений.

В 20-е годы прошлого столетия были осуществлены мероприятия по реализации культурной политики, главная задача которой на начальных этапах заключалась «в преодолении языковых и прочих коммуникативных барьеров между культурами за рекордно короткие сроки. Уже к 30-м годам в Южном регионе (как и по всей России) была преодолена массовая безграмотность, а русский язык стал языком диалога всех российских культур ..., что резко расширяло базисные (ресурсные) основы развития культур региона» [85].

В целях координации усилий всех заинтересованных органов и осуществления руководства культурным строительством во всех субъектах Северного Кавказа уже в первые годы Советской

власти были созданы органы, отвечающие за развитие культурной жизни территории. В начальный период осуществления культурного строительства и реализации культурной политики партийные и государственные органы действовали весьма осмотрительно, учитывая особенности и национальную специфику регионов. Однако со временем в их деятельности стал превалировать административный нажим и запретительные меры, тотальный контроль, что нанесло значительный урон культуре.

Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что в период так называемого «выравнивания культурно-образовательного уровня народов» произошло мощное развитие этнических культур. В 1960-е годы в республиках Северного Кавказа была создана мощная инфраструктура культуры – сеть учебных заведений всех ступеней, научных учреждений, театров, библиотек, музеев, клубов. Огромное значение имело создание собственной письменности большинства народов Северного Кавказа. Это дало толчок для развития театрального искусства и художественной литературы. Особое развитие получило театральное искусство. Во всех республиках были образованы театры коренных народов – только в Дагестане функционировало 11 государственных театров, работающих на языках титульных народов. Мощное развитие получила художественная литература и особенно поэзия, имеющая давнюю традицию в культуре кавказских этносов. Неоценимую помощь в развитии северокавказских литератур сыграла русская литература. Заимствование художественных приемов, литературных форм и жанров позволила этническим литературам Северного Кавказа выйти на видное место в общероссийском литературном процессе. Бурное развитие указанных видов художественного творчества в значительной степени объясняется наличием глубоких традиций кавказских этносов в народном театральном искусстве, а также развитой системой поэтического творчества. В советское время под влиянием русской культурной традиции в регионе складываются и не имевшие национальных истоков такие сферы культуры и искусства как живопись, графика, скульптура и такие «большие формы» художественной культуры как архитектура и др.

Наряду с явными успехами развития этнических культур в стране стали меняться стратегические цели развития, одной из которых явилась тенденция к ускоренному формированию «новой исторической общности – советского народа». Это негативно сказалось на дальнейшем развитии культур всех народов,

т.к. неизбежно вело к нивелированию культур, к сужению функционирования этнических языков, вытеснению их из сферы образования. Все это воспринималось как насаждаемая идеологией «руссификация», что неизбежно порождало не просто недовольство, но и скрытое сопротивление. В результате распада советской культурной системы под воздействием кризисных явлений все этнические культуры устремились к собственным истокам – архетипам и смысловым мирам собственных традиционных культур.

Четвертый период – постсоветский, с 1993 г. по настоящее время.

Описанные выше процессы получили развитие в постсоветский период и привели в итоге к ситуации, в результате которой «за короткое время южно-российский регион, как и все постсоветское пространство, обрел культурно-мозаичную структуру, состоящую из весьма разнородных в типологическом отношении элементов и систем – традиционных этнических, православной, исламской, казачьей (русско-казачьей), современной (западной) массовой культур и элементов советской культуры, которые находятся в сложных взаимоотношениях, а точнее, в состоянии открытой или латентной конфликтности» [86].

Экономический кризис постсоветского времени тяжело сказался на развитии культуры в России. Пострадали образование, сфера науки, хотя именно в этих областях деятельности закладывается главный потенциал будущего развития общества и государства. Возникла и продолжает существовать опасность подмены русской культуры западной «интеркультурой». Поэтому особую важность приобретают сохранение и приумножение памятников русской культуры, их повсеместной популяризации.

В этой ситуации требует особого внимания поддержка традиционных направлений русской культуры, более широкие взаимодействия русских с другими этническими общностями.

Анализируя причины кризисных явлений в вопросах взаимодействия культур на Северном Кавказе доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского университета им. Х.М. Бербекова Х.Г. Тхагапсоев отметил, что «в 1990-е годы произошла приостановка культурного диалога едва ли не на всем пространстве российской цивилизации» [87]. В качестве причин названы: демонтаж прежних форм и механизмов взаимодействия российских культур и отсутствие новых. Условия же последних десятилетий были направлены главным образом на взаимное

отчуждение культурных сообществ, на поиски и всяческое подчеркивание культурных различий.

К указанным проблемам добавились и такие: не с одинаковой степенью осуществлялась поддержка русской культуры в республиках Северного Кавказа, также сказалась на положении русской культуры неудовлетворенность объемом и качеством преподавания русского языка в школах, а также перекосы в преподавании отечественной и местной истории. В целом русская культура в республиках оказалась представленной на приземленном уровне, развитие ее осуществляется по остаточному принципу, а по существу – организацией эпизодических концертов и ежегодными фестивалями казачьей культуры.

Трудности на Северном Кавказе в 1990-е годы и в последующее время, считает один из ведущих российских историков Н.Ф. Бугай, – усугублялись тем обстоятельством, что исторически Россия, точнее русскоязычная культура утрачивала в этом сложном регионе безраздельное доминирование. Именно на этой территории особенно в 1990-е годы все негативы отношения к русским, казачеству проявились с полнотой [88].

Заслуживает внимание точка зрения на происходящие в постсоветский период изменения в культуре кавказских этносов профессора Х.Г. Тхагапсоева, который отмечает, что если оценивать суть постсоветской ситуации в культуре региона (прежде всего в пространстве этнических культур) в целом, речь идет не только о снятии прежних (советских, идеологических) барьеров на пути культурного развития, но и о появлении принципиально открытых пространств, направлений и форм развития, что порождает ситуацию «культурного шока», чреватого как глубоким кризисом культур, так и возможностями культурного расцвета. Судя по всем фактам, этот шок пока не преодолен и культурная ситуация в регионе остается двойственной. С одной стороны, налицо признаки стагнации и кризиса этнических культур (что относимо и культуре казачества), с другой – этнические культуры постепенно начинают осваивать новые формы, прежде всего формы массовой культуры [89].

Итак, анализируя культурное наследие северокавказских этносов, следует отметить, что начало сближения с Россией имеет давние исторические корни. Однако процесс сближения и объединения кавказских этносов с Россией шел далеко не просто – с осложнениями и откатами, растянулся почти на три столетия

и завершился лишь в XIX в. Несмотря на все сложности, имевшие место в культурогенезе региона, к концу XVIII в. Россия становится доминирующей политической силой и цивилизационным фактором в регионе, а контакты горцев, установленные в далеком прошлом с Русским государством, несмотря на многие драматические эпизоды этих взаимоотношений, объективно оказали огромное влияние на становление их культуры.

Важнейшей вехой в развитии культуры северокавказских этносов стал XX век. С установление Советской власти начался реальный процесс становления национальных культур, который обеспечил развитие образования, создание национальной интеллигенции, развитие многих видов художественной культуры на профессиональной основе, создание инфраструктуры культуры в каждом субъекте Юга России.

Конец XX в. был ознаменован серьезными кризисными явлениями, в том числе и в области культуры. Новый общественный строй, к сожалению, не предложил положительных начал в консолидации общества. Как это бывает на поворотных этапах истории, развитие культуры региона в постсоветское время носит противоречивый характер. Открывшиеся возможности культурного возрождения народов региона, ставшие доминантными в конце XX – начале XXI вв. с одной стороны подняли и переосмыслили те пласты и аспекты этнической культуры, которые были под запретом советской системы, а с другой стороны открыло простор популяризации идей массой культуры.

Дальнейшему совершенствованию взаимодействия русской и этнической культуры северокавказских этносов могли бы способствовать следующие мероприятия:

- прекращение дерусификации республик Северного Кавказа, принятие органами государственной, законодательной и судебной власти конкретных и неотложных мер по стабилизации в регионе русского населения;
- восстановление и усиление диалога культур – русской и культур народов Северного Кавказа по разным направлениям;
- расширение, а также повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления субъектов с институтами гражданского общества;
- обеспечение реализации государственной культурной политики Российской Федерации соответствующими организационными и финансовыми ресурсами;

- разработка и реализация долгосрочных программ по формированию национальной терпимости средствами культуры, особенно в молодежной среде;
- усиление эффективности средств массовой информации, кино, радио, телевидения в культурно-просветительной работе, использование их в качестве действенных средств распространения знаний о культуре среди широких масс населения республик;
- содействие повышению роли институтов гражданского общества – национально-культурных автономий, национальных общественных организаций, ассоциаций, землячеств, центров национальной культуры, религиозных организаций – в пропаганде лучших образцов культуры народов России, воспитании культуры межэтнического общения, что является основой в этнокультурном развитии народов, формировании национального самосознания, толерантности в обществе в новых рыночных условиях.

Глубоким содержанием наполняется мысль Ю.А. Жданова о том, что «для передовой русской культуры встреча с народами Кавказа отнюдь не исчерпывалась впечатлениями этнографического, экзотического, романтического характера. Напротив, эта встреча оказала глубокое, неизгладимое и плодотворное влияние на передовую общественную мысль России, содействовала постановке крупных теоретических проблем, стимулировала освободительное движение, обогащала интернациональные связи» [90].

В. К. Чумаченко

**Русский язык как средство
межнациональной коммуникации
на Северном Кавказе**

В средние века на Северном Кавказе межнациональные коммуникативные функции выполняли тюрские языки (азербайджанский, кумыкский). В западных районах подавляющее большинство населения говорило на различных диалектах адыго-черкесского языка. Арабский имел только религиозно-прикладное значение.

Некоторые ученые относят появление русского языка на Кавказе к IX веку, когда стали налаживаться торговые отношения между Древней Русью и кавказскими народами. Но более правильно все же говорить о том, что русский язык в регионе стал распространяться с середины XVI века, с появлением здесь постоянных поселений терских казаков и началом вхождения кавказских племен в состав Московского государства (с 1567 года). С этого времени русский язык постепенно становится для кабардинцев, балкарцев, народов Дагестана, адыгейцев, народов Грузии и Армении, а позднее – и народов Чечни, Карачая и Азербайджана – государственным языком и языком межнационального общения, мощным рычагом духовного и экономического влияния на подвластные кавказские народы.

Несмотря на десятилетия межнациональной военной конфронтации, среди горцев, благодаря владению русским языком и нахождению в российском культурном пространстве, в XIX веке появлялось все больше грамотных и достаточно образованных для того времени людей. К концу XIX – началу XX века на Северном Кавказе уже существовал сформировавшийся слой горской национальной интеллигенции, возникшей благодаря возможности получения образования на русском языке.

Культурообразующая роль русского языка и русской культуры в процессе становления национальных культур народов Северного Кавказа была главенствующей, как бы сейчас определенные силы не пытались приуменьшить этот факт. Во многом благодаря

русскому языку, связавшему между собой многочисленные горские народы, Северный Кавказ стал восприниматься не только как географическое, но и как самостоятельное и единое духовно-культурное пространство. Знакомство горцев с русской культурой, а через нее с культурой мировой – шло постепенно, начиная с восприятия и знакомства с произведениями русских классиков, с русской драматургией, с русским театром и периодикой.

В конце XIX века особенно активной стала тяга горцев к русской культуре, к русскому языку и литературе. Передовые представители горской интеллигенции явились активными поборниками усвоения горскими народами передовой русской культуры. Они понимали, что для достижения этой цели необходимо знание русского языка, изучение его как в школе, так и в обыденной жизни, в тесном общении с русским населением. Х. Уруймагов (Осетия), И. Крымшамхалов (Карачай), Т. Эльдерханов (Чечня) и многие другие указывали на значение русской культуры и русского языка в прогрессивном развитии горцев, выступали за широкое распространение русской грамоты среди своих народов. Они также отмечали важную роль, которую должен был сыграть русский язык в экономическом и духовном развитии народов Северного Кавказа.

Среди русских писателей, которые не только близко познакомились с кавказскими народами, но и верно отразили их жизнь в своих произведениях, первыми были декабристы, сосланные на Кавказ. Трудно переоценить вклад в создание поэтического образа Кавказа и кавказцев А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского, Л.Н. Толстого, а также множества талантливых литераторов второго и третьего ряда (Н. Воронов, Е. Марков. В. Немирович-Данченко, В. Желиховская и др.) [91]. Их творческая деятельность подвигла местные народы к созданию собственных национальных литератур. Конец XIX – начало XX в. осетины и народы Дагестана встретили, уже имея свою литературу, сформировавшуюся как искусство письменного слова. У карачаевцев, черкесов, кабардинцев и балкарцев одновременно с творчеством самобытных поэтов-одиночек, писавших на родных языках, на изобретенных ими самими алфавитах (Б. Пачев, К. Мечиев, И. Крымшамхалов), продолжали творить народные певцы и поэты (адыги – Цуг Теучеж, Джанчатов Куйпеш, Хамахов Хапат, Пшизов Татун; чеченцы – Мази из Катарюрта, Уддин Эфи из Гехи; карачаевцы – Каспот Кочкаров, Аппа Джанибеков,

Исмаил Семенов; ногойцы – Баймурза Моната, Негмота Айбата и др.).

Конец XIX – начало XX вв. в истории развития литературы народов Дагестана также стал временем смены и обновления литературных традиций. В это время еще продолжали творить представители блестящей плеяды лирических поэтов XIX в.: Чанка (1860–1909), Сукур Курбан (1848–1922), Омарла Батырай (1826–1910), Махмуд из Кохаб-Росо (1873–1919), ярких и самобытных представителей романтического направления дагестанской литературы. Вместе с ними активно включились в создание и развитие национальной литературы поэты нового поколения, многим из которых суждено было впоследствии стать основоположниками многонациональной советской литературы Дагестана.

Большие эпические произведения – повести и романы появились в дагестанской литературе уже в конце XIX – начале XX ст. Нухай Батырмурзаев выступил со своими повестями «Бедная Хабибат», «Давуд и Лейла», «Несчастливая Джанбике», Сайд Габиев – с повестью «В народ», А. Ибрагимов – с романом «Аманхор». В переводе на дагестанские языки вышли в свет «Кавказский пленник» Л.Н. Толстого, «Бэла» и «Узник» М.Ю. Лермонтова, а также ряд произведений азербайджанской, татарской и других литератур.

В начале XX в. в литературе народов Северного Кавказа накапливались черты реализма. Реалистическая литература постепенно вытесняла романтическую. Особенно ярко это проявлялось в творчестве Сулеймана Стальского (1869–1937), Гамзата Цадаса (1877–1951) и Цуга Теучежа (1855–1950). Становление нового человека стало предметом художественного воплощения в их реалистической поэзии.

Первые и наиболее яркие ростки влияния русского языка на культуру горских народов можно увидеть в появлявшихся в XIX веке периодических изданиях Северного Кавказа. Первенец северокавказской периодической печати, газета «Ставропольские губернские ведомости», выходявшая с 1850 г., печатала в 1850–1860-е годы много разнообразных сведений о народах Северного Кавказа. Во второй половине XIX в. в связи с ростом социально-политических, хозяйственных, административных и культурных потребностей периодические издания появляются во Владикавказе, Екатеринодаре и в других городах Северного Кавказа («Кубанские войсковые ведомости» – Екатеринодар, с 1863г.) и «Терские

областные ведомости» (Владикавказ, с 1868 г.). С 1880-х годов появляются и частные газеты: «Владикавказский листок объявлений» (1881–1882 гг.) и «Кубань» (Екатеринодар, в 1883–1885 гг.).

Именно в периодической печати публиковались историко-этнографические, экономические, публицистические и иные материалы, статьи, документы, касавшиеся Северного Кавказа. Передовые деятели русского и горских народов использовали страницы периодики для публикации материалов, освещавших различные аспекты социально-экономической и духовной жизни горских народов. На страницах местной русской печати протекло развитие прогрессивной обществено-политической мысли горцев. Прогрессивные деятели из горцев использовали печать для налаживания связей и плодотворных контактов между передовыми людьми Северного Кавказа и России.

В 1868–1871 гг. выдающуюся роль в развитии истории и этнографии горцев, в формировании горской интеллигенции играла газета «Терские ведомости», редактором которой в эти годы был демократически настроенный, талантливый журналист А.-Г. Кешев. Газета «Северный Кавказ» в 1893–1897 гг., когда в ней работал ответственным сотрудником К.Л. Хетагуров, стояла на прогрессивно-демократических позициях. Интересные материалы о жизни народов Северного Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе и Баку газетах «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (с 1880 г.) и др. Во второй половине XIX в. по Северному Кавказу расходились такие газеты, как «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (Баку, с 1880 г.). В них публиковались важные материалы культурно-исторического и политического характера о жизни народов Северного Кавказа.

С 1868 по 1881 г. при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 томов издания, специально посвященного истории и этнографии народов Кавказа, — «Сборник сведений о кавказских горцах». Редактором издания был Н.И. Воронов, который переписывался с А.И. Герценым и Н.П. Огаревым. В сборниках впервые были напечатаны некоторые собрания адатов кавказских горцев, сказания о нартах. Для материалов сборника характерно доброжелательное освещение истории горцев. Важные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей

и племен Кавказа» (с 1881 г.), а также «Записках» (с 1852 г.) и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Издавались «Кавказский сборник» (с 1876 г.), «Кавказский календарь» (с 1845 г.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871—1885 гг., 9 выпусков) и др.

Серийные и периодические сборники и календари в описываемое время стали издавать областные органы царской администрации на Северном Кавказе. Это такие издания, как «Кубанский сборник» (с 1883 г.), «Терский сборник» (с 1890 г.) [92].

Важнейшими центрами распространения передовых идей были библиотеки городов Северного Кавказа. Их фонды знакомили читателей с жизнью других народов и стран, с работами великих мыслителей, с замечательными произведениями русской литературы.

Богатыми фондами отличались библиотеки Ставрополя и Владикавказа, Пятигорска и Екатеринодара, Майкопа и Темир-Хан-Шуры. Только в школьной библиотеке Темирханшуринского реального училища насчитывалось 11 тыс. томов. В 1900 г. в Порт-Петровске была открыта первая в Дагестане публичная библиотека в несколько тысяч томов, при ней имелась небольшая читальня. Имелась частная читальня в Дербенте, располагавшая в основном периодическими изданиями. В 1914 г. в Дагестане функционировало 16 библиотек, из которых 11 библиотек было при учебных заведениях. Книжный фонд всех библиотек пока еще не превышал 70 тыс. томов, причем фонд библиотек при учебных заведениях состоял из 55 томов.

В Северной Осетии передовые учителя и демократическая интеллигенция организовали библиотеки не только в городе Владикавказе, но и в сельских населенных пунктах – Ардоне, Христиановском, Алагире, Ольгинском, Гизеле и т.д. Первая общественная библиотека в Нальчике появилась лишь в 1910 г., ее книжный фонд не превышал 1 тыс. томов.

Майкопской городской библиотеке было присвоено имя Л.Н. Толстого, что было приурочено к 80-летию великого писателя [93].

Хранителями прошлого, сокровищницами образцов природных богатств и творчества кавказских народов стали северокавказские музеи, повсеместно создававшиеся в последней четверти XIX столетия. Основателем Ставропольского музея был нотариус Г.К. Праве, который увлекся собиранием естественноистори-

ческих коллекций. Все свои коллекции и библиотеку он подарил городу для основания музея. Музей и далее пополнялся новыми экспонатами и вскоре стал одним из крупнейших музеев Северного Кавказа. В Екатеринодаре основателем войскового музея стал Е.Д. Фелицын, основу которого также заложили созданные им лично коллекции. В 1912 г. в Темир-Хан-Шуре первый музей был открыт в результате самоотверженного труда врача И. С. Костемревского, пожертвовавшего на музей все свои сбережения. В том же году был открыт и Кустарный музей, где экспонировались до 300 образцов изделий кустарной промышленности Дагестана [94].

Первым русским театром на Кавказе был Ставропольский. Труппа не ограничивала своей деятельности городом Ставрополем, а выезжала с гастролями в другие города Северного Кавказа и Закавказья.

Огромное влияние на развитие культуры и общественной мысли горских народов, на формирование национальной интеллигенции и воспитание у нее художественных вкусов оказал Владикавказский театр. Многие представители горской интеллигенции были его горячими поклонниками. К.Л. Хетагуров работал во Владикавказском театре художником-декоратором. Человек разносторонних талантов, он играл в любительских спектаклях и сам писал пьесы на злободневные темы. Его пьеса «Дуня», рассказывавшая о тяжелом положении женщины, пользовалась популярностью у местных зрителей.

Актером и режиссером театра стал осетин А.А. Туганов, унаследовавший лучшие традиции владикавказской сцены. С успехом выступал он и в столичных театрах и в других городах, стал опытным режиссером. С рецензиями на спектакли русского театра выступали многие выдающиеся деятели осетинской интеллигенции, например экономист Г. Цагалов. Зрителями же были не только образованные представители осетинского народа, но и простые крестьяне, которые, приезжая во Владикавказ, стремились посетить и театр.

Параллельно развивался любительский театр. Грозненский любительский театр постановкой пьес А.П. Чехова и Л.Н. Толстого пробудил интерес к сцене у широкой группы любителей. Любительские труппы появились не только в среде интеллигенции, но и на нефтяных промыслах, где актерами были рабочие. Любительскими спектаклями в Грозном, Владикавказе, Кизляре руководил начинающий русский актер и режиссер Е.Б. Вахтангов,

поставивший в Грозном пьесу Г. Гауптмана «Праздник мира, или Вольные люди» и комедию «Дядя Ваня» А.П. Чехова. Став режиссером городского театра, Вахтангов установил льготные билеты для рабочих и учащихся. Интерес к театру в Чечне и Ингушетии породил и своих драматургов. Назарбек Шерипов написал на родном языке и поставил пьесу «На вечеринке», которая заслужила одобрительный отзыв местной печати. В период первой русской революции 1905—1907 гг. он выступал с чтением «Песни о буре-вестнике» и «Песни о соколе» А.М. Горького.

Екатеринодарская адыгейская труппа поставила по мотивам народных сказаний в 1914 г. героическую драму «Набег Канчука на Азов». Приблизительно в то же самое время в Нальчике в стенах реального училища был создан кабардинский любительский театр во главе с Шеретлоковым. Им были написаны и поставлены «Кушук и его невеста», «Джабаги Казаноко» и другие небольшие пьесы, насыщенные фольклором и народными танцами.

На развитие сценического и музыкального искусства городов Северного Кавказа большое влияние оказывали гастроли многих замечательных артистов и музыкантов, театральных коллективов, приезжавших из Москвы и Петербурга и других городов. На сценах кавказских городов пели Ф.И. Шаляпин и Л.В. Собиннов, поражали своей игрой драматические актрисы М.Г. Савина и В.Ф. Комиссаржевская, Г.Н. Федотова, играли В.И. Качалов, С.В. Рахманинов и др. [95]

С конца XIX в. в результате изменяющихся социально-экономических отношений и влияния передовых общественных сил, царское правительство несколько расширило школьную сеть на национальных окраинах империи. Развитие экономики края настоятельно требовало увеличения числа грамотных людей, могущих обслуживать производство. И все же общий уровень просвещения в Северо-Кавказском крае оставался низким. По данным переписи 1897 г., грамотность среди населения Дагестана составляла 9,2%, Кабарды – 3,2, Балкарии – 1,4, Адыгеи – 7, Карачая – 4,6%. На каждые 1 тыс. человек населения в Дагестане приходилось 3 учащихся, а одна школа – на 25 тыс. человек. Особенно незначительным было число девочек, охваченных обучением.

Обучение велось только на русском языке. Алфавиты, созданные на русской графической основе П.К. Усларом (для дагестанских и чеченских школ), Л.Г. Лопатинским (для адыгских), абадзехом Х.Ш. Анчеком, кабардинцем К.Х. Атажукиным,

балкарцем С. Урусбиевым и другими, были преданы забвению. Лишь в самом начале XX в. общественно-демократическое движение за развитие народного образования в стране, охватившее весь Северный Кавказ, заставило царизм пойти на некоторые уступки и даже признать, что обучение в начальных училищах края должно вестись на родном языке, а на учительские должности следует назначать лиц, владеющих родным языком учащихся. Были сделаны попытки создать новые буквари на русской основе.

Все сельские школы народов Северного Кавказа были одноклассными или двухклассными. Программы этих школ ограничивались узкими рамками элементарного курса русского языка и математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище). Для народов Северного Кавказа светские школы, вопреки намерениям царизма, сыграли объективно прогрессивную роль. Несмотря на ограниченность программы и большие педагогические и организационные пороки, дореформенная светская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных: она давала учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре.

Деятельность прогрессивных русских учителей также сыграла положительную роль в формировании и росте местной интеллигенции, в развитии передовой общественной мысли на Северном Кавказе. Они сделали многое для приобщения горцев к русской грамоте, для поднятия их культурного уровня.

Зарождавшаяся горская интеллигенция стремилась использовать для просвещения своего народа культурно-просветительские организации. С конца XIX в., как известно, в Нальчике было создано «Нальчикское благотворительное общество», позднее в Кисловодске – «Общество образования горцев Северного Кавказа», а в Адыгее – «Черкесское благотворительное общество». Во Владикавказе – «Терское медицинское общество», «Терское сельскохозяйственное общество», Терский музей, а на Кубани – «Общество любителей изучения Кубанской области», Екатеринодарский музей краеведения, Публичная библиотека. В Пятигорске – «Горское общество». Деятельность этих обществ содействовала не только развитию народного образования, развитию культуры, изучению русского языка, распространению научных и экономических знаний.

В начале XX в. в Кабарде и Балкарии работали «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа», «Просветительский кружок кабардино-горской молодежи» и «Нальчикское благотворительное общество вспомоществования больным и бедным учащимся высших учебных заведений и учащимся народных училищ». В организации «Общества распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» видную роль сыграли прогрессивные деятели просвещения И. Кармов, Т. Блаев, П. Кешоков, М. Абаев и др. Общество оказывало материальную помощь кабардинцам и балкарцам, обучавшимся в средних и высших учебных заведениях.

Таким образом, русский язык сыграл огромную роль в развитии социальной культуры народов Северного Кавказа. Многие горские народы стали считать его своим вторым родным, активно пополняя словарный запас своих национальных языков русскими словами и выражениями. Одновременно и русский язык многое почерпнул из языков горских народов, т.е. происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и горских народов Северного Кавказа.

Если целью развития образования на Северном Кавказе на протяжении второй половины XIX в. являлась унификация образовательного пространства на основе русской школы, то революционные события первой половины XX в. поставили на повестку дня в качестве главной проблему создания национальной школы. Проблема русификации региона как бы на время уступила место претворению в жизнь задачи, зафиксированной в программах левых и социал-демократических партий. Так, еще в 1903 году в Программе РСДРП, озвученной на ее II съезде, в качестве целей большевистской партии провозглашались отмена ограничений в образовании по национальным признакам и создание условий обучения на родном языке. 31 октября 1918 г. появилось постановление Наркомпроса РСФСР «О школах национальных меньшинств», а 26 декабря 1919 г. был подписан декрет о том, что всё население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязывалось обучаться грамоте на родном или русском языке – по желанию [96].

В течение первых 10–15 лет советской власти усилиями российских ученых и педагогов была создана письменность для ранее бесписьменных народов (абазинцы, лакцы, ногайцы, балкарцы, адыгейцы и др.). Впервые в истории они получили учебники и

учебные пособия на родном языке. Для этого Народным комиссариатом по делам национальностей 14 декабря 1922 года было создано Центральное Восточное издательство, а 29 марта 1923 года – Центральное Западное издательство. Созданы они были в рамках реализации решений XI съезда РКП(б), который рекомендовал обратить особое внимание партии на издание «литературы народов национальных меньшинств». Для координации и общей направленности их деятельности 1 мая 1924 года их объединили и 13 июня того же года новое (объединённое) издательство стало называться Центральным издательством народов СССР при Президиуме ЦИК. Функции нового издательства призваны были содействовать культурному развитию всех народов и народностей, населяющих Советский Союз. Центроиздат выпускал книги на 50 языках. По мере возникновения в республиках и автономных областях своих издательств, сокращался или вовсе прекращался выпуск литературы на языках населявших их народов. Но сначала для многих народов в местах их проживания приходилось создавать письменность, издавать учебники, выпускать издания всех видов, искать и обучать авторов, редакторов, рабочих – печатников [97]. Сходные функции в северокавказском регионе выполняло действующее в Ростове-на-Дону (до 1932 г. краевом центре всего объединенного Северо-Кавказского края) издательство «Северный Кавказ». Теоретическое обоснование и методическое руководство осуществлял Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С. М. Кирова (1926–1937 г.), также начинавший свою деятельность в Ростове-на-Дону, а после 1932 г. – во Владикавказе [98]. Изучение проблем преподавания русского языка сосредоточилось на языковедческих кафедрах вновь создаваемых педагогических институтов (Ростов-на-Дону, Краснодар, Ставрополь). При этом проблема комплексного решения двух этих проблем: создание национальной школы и активное продвижение в регионе русского языка из соображений толерантности пока не обсуждалась даже на теоретическом уровне.

1920-е гг. характеризовались острой идеологической борьбой против тех, кто отстаивал необходимость сохранения традиционной арабской письменности. В результате в 1925–1927 году письменность многих кавказских языков утвердилась на латинской графической основе, что в определенной мере способствовало расширению преподавания родных языков. Однако разрешение

всего комплекса методологических и методических проблем пришло лишь с окончательным переходом местной письменности на кириллическую графическую основу (1938 г.). 13 марта 1938 года было издано совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». А через два месяца – Постановление Совнаркома РСФСР от 13 мая 1938 г. № 107 «О ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 марта 1938 г. Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Издание этих документов свидетельствует о предстоящей серьезной корректировке языковой политики государства.

К идее приоритетного изучения в национальных республиках русского языка вернулись в послевоенные годы. В ряде публикаций и на совещаниях деятелей просвещения было обращено внимание на недостаточно высокий и качественный уровень образования в национальных регионах Северного Кавказа, что подтверждалось небольшим количеством среди студентов вузов представителей коренных национальностей. Преодоление этой тенденции виделось в усилении подготовки учащихся по русскому языку и математике, слабые познания в которых в первую очередь становились препятствием для поступления в высшие учебные заведения.

Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР», вышедшем после XX съезда партии, родителям было предоставлено право выбора языка обучения своих детей. В 1960 г. в регионе открывается начальное обучение в нерусских классах с русским языком обучения. В 1965/66 гг. уже все первые классы начальной школы в республиках были переведены на русский язык обучения. Национальное образование, которое понималось как обучение на родном языке, распространялось сначала только на начальную школу, а в последующем было вытеснено и из этой области.

Язык вводит в мир этнической культуры, но он же является средством приобщения индивида к общечеловеческой культуре. Довольно быстро задачи индустриализации и быстрого подъема общекультурного (в социально-экономическом плане) развития населения национальных регионов России в советский период выдвинули на первый план освоение русского языка. Но социально-политическая и экономическая

ситуация в республиках Северного Кавказа в 1990-х гг. резко и принципиально изменилась. Теперь национальные языки получили статус государственных. Под национальной школой стала пониматься система образования детей, строящаяся на принципе их включения в родную этнокультурную традицию с целью становления новых поколений ее носителей на основе полноценного владения родным языком. В содержании образования помимо общероссийского стандарта должен быть весомо представлен национальный компонент.

Сегодняшнее осмысление проблемы национального образования в северокавказских республиках во многом напоминает дискуссии российских педагогов рубежа XIX – XX веков применительно к русскому образованию. Если К.Д. Ушинский ориентировал национальное образование на прошлое как идеал и образец, то С.И. Гессен считал, сохранение одного национального предания недостаточно для полноценного развития народа, для этого требуется дальнейшее развитие культуры, культурные новации.

На волне суверенизации в республиках Северного Кавказа многие считали необходимым построение национального образования для решения социокультурных проблем этноса, т.е. восстановления и трансляции утрачиваемой культуры и, что не менее важно, консолидации на базе образовательного института этнической общности.

В то же время необходимость поддерживать языковые и культурные контакты, совершенствовать политические и социальные системы диктует условия для реализации образовательных программ, направленных на формирование у учащихся билингвизма. Для российской школьной системы характерна интеграция программ на русском языке с программами национальных образовательных систем, которые призваны сохранить многоязычие и способствовать формированию би- и мультилингвизма уже на ранних стадиях обучения ребенка. Учебные планы современных билингвальных российских школ предполагают определенное соотношение языков в реализации программ, призванных обеспечить усвоение материала на родном и втором языках [99].

Социолингвистический аспект двуязычия обычно рассматривается в исследованиях в связи с историческими условиями использования языка; государственной культурной политикой, устанавливающей правила языкового взаимодействия; социальными отношениями между носителями языков. Данным аспектам

посвятили свои труды В.А. Аврорина, З.Я. Блягоз, И. К. Илишкина, Н.И. Исаева, Н.А. Баскаков, Л.В. Никольский, М.Р. Овхадов и др. языковеды [100]. Особое значение всестороннее исследование этого вопроса, его региональной и языковой специфики имеет для Северного Кавказа с его поистине уникальным полиязычием.

Серьезное внимание уделяется этому вопросу, например, в Центре билингвизма Адыгейского государственного университета. Как отмечает доктор филологических наук, профессор З.У. Блягоз: «это явление – процесс длительный, сложный, имеющих разные аспекты реализации: социальную, лингвистическую, психологическую и педагогическую. Роль каждой из этих сторон двуязычия стала более заметно проявляться в нашей республике после принятия Закона «О языках народов Республики Адыгея» (1994 г.), согласно которому «...русский и адыгейский являются государственными языками». Этот закон дает адыгейскому языку юридическое право свободно функционировать в письменной и устной форме: из бывшего бытового адыгейского языка он превращается в язык обучения (в начальной школе), в средних школах и высших учебных заведениях становится предметом изучения. Такой подход способствует становлению и развитию билингвизма – формированию навыков речевой деятельности на русском и адыгейском языках, взаимообогащению языков и культур народов» [101].

Интересны данные по проблеме формирования билингвизма в Чечне и Ингушетии, приводимые аспиранткой кафедры общего языкознания З.С. Точиевой. Согласно данным переписи, в 1959 году в ЧИАССР проживало 48,3 тыс. ингушей, 348,3 тыс. русских и 244 тыс. чеченцев. Представители всех остальных национальностей (так называемое русскоязычное население) в совокупности составляли 69,8 тыс. чел. Таким образом, ингуши (как и чеченцы) оказались в полиэтнической русскоговорящей среде, многократно превосходящей их по численности. Этот фактор непосредственно повлиял на количественный и качественный уровень владения ингушами русским языком, а именно: 71,5 % ингушей, проживавших на территории Чечено-Ингушетии, свободно владело русским языком. Примечательно, что чеченцы при одинаковых условиях отставали от ингушей по уровню владения русским языком, хотя в количественном отношении значительно превосходили их. Здесь речь может идти скорее не о способностях к языкам, а о ментальной предрасположенности к ассимиляции

в инациональной среде. Однако основная тенденция очевидна – чем меньше количественный показатель нации, выше темпы ее ассимиляция в более обширной инациональной, иноязычной, инокультурной среде, считает исследовательница [102].

Сегодня большинство населения республик Северного Кавказа воспитано в условиях устойчивого билингвизма, родители сами выбирают язык обучения своих детей, что закреплено в законе об образовании. Большинство проживающих в городах отдают предпочтение обучению на русском языке, что объясняется заботой о последующей социальной мобильности детей. Главной базой национальной культуры выступают жители села, и именно здесь посредством системы образования гарантируется «сохранение культурных традиций народа». Но при этом углубляется образовательный разрыв между выпускниками сельских и городских школ, национальное образование становится основной причиной социального расслоения этноса.

Возможно, поэтому подавляющее большинство учителей рассматривают национальную школу как дополнительную к общему среднему образованию, конечная цель которого «вписать» молодое поколение в современное общество, подготовить его к восприятию мировой культуры. Национальная культура, считают они, должна осваиваться учениками на родном языке, а учебные предметы «универсальной» культуры (математика, естествознание и т. п.) предполагают использование более терминологически разработанного для этих целей русского языка. Он же требуется и для освоения общероссийского культурного наследия, основу которого составляет русская литературная, музыкальная, театральная классика.

Современная действительность говорит о неперспективности сохранения замкнутого (ограниченного рамками республик) культурного пространства и требуют поиска более эффективной модели межкультурного взаимодействия народов. Пока же переход каждой из республик к модели национального образования не способствует развитию тенденции культурного сближения народов.

Если исходить из важнейших государственных задач современной России и долговременных интересов северокавказских этносов, то в качестве основной образовательной цели в регионе должно быть формирование у молодого поколения прочной установки на культурное и историческое единство всего Северного

Кавказа и рассмотрение его как неотъемлемой составной части России. Ориентация на трансляцию и укрепление этнических ценностей должна проходить сквозь призму общероссийской культуры. Именно на этой основе возможно дальнейшее развитие межкультурного диалога населяющих Северный Кавказ народов.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Вхождение народов Северного Кавказа в Россию, приобщение к русскому языку как средству межнационального общения имело для них прогрессивные цивилизующие последствия.

Широкая сеть школ с преподаванием русского языка и литературы обеспечили формирование в национальных республиках гармоничного национально-русского двуязычия.

Распространение двуязычия оказало обогащающее влияние на языки народов Северного Кавказа, привел к обогащению словарного запаса, возникновению в них новых языковых жанров и стилей.

Знакомство с русской литературой пробудило собственные творческие художественные потенции народов Северного Кавказа, способствовало становлению и развитию национальных литератур, местной национальной и русскоязычной печати, театрального искусства.

Распространение русского языка в регионе обеспечило открытие в регионе средних и высших учебных заведений и привлечение для работы в них известных русскоговорящих ученых и подготовке высококвалифицированных кадров, созданию региональных научных школ.

Возникновение переводческой практики (с русского на национальные языки) привело к появлению в них ранее неизвестных в них понятий и риторических фигур, фразеологических оборотов, метафор, сравнений. Высшей степенью билингвизма стало творчество национальных авторов на русском языке.

Русский язык как средство межнациональной коммуникации на Северном Кавказе – актуальная многоаспектная проблема, что обусловлено сложной этнолингвистической пестротой данного полиэтнического региона, а также спецификой социальных сфер, обслуживаемых русским языком, значение которого будет только возрастать.

А.Н. Еремеева

**Деятельность научных организаций
Северного Кавказа
в контексте межнациональной
коммуникации в регионе**

Теоретические основания исследования темы во многом заложены трудами академика Д.С. Лихачева о русской культуре («Культура как целостная среда», «Историческое самосознание и культура России», «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт», «Ценности культуры» и др.). Говоря о ее универсальном характере и тяге к другим культурам, Лихачев в качестве «лучшего доказательства» приводил «многонациональные интересы» русской науки, «положение дел, спектр и объем исследовательских работ», проводившихся в незначительной по численности дореволюционной Академии наук, среди членов которой были выдающиеся славяноведы, востоковеды, кавказоведы, специалисты в финноугроведении и др. Петербург и Москва были центрами армянской и грузинской культур. [103] Ученый отмечал, что для русских другие народы, особенно слабые, малочисленные, всегда представляли «особую притягательную силу» [104].

Последние десятилетия XIX – начало XX в. характеризовались ускорением темпов развития науки в России, как и в других странах Европы и США. Система организации российской науки включала в себя Академию наук, высшие учебные заведения, научные общества. Исследовательские учреждения, имеющиеся помимо лабораторий Академии наук, были немногочисленны. В то же время активно действовали и множились *научные и научно-технические общества* – негосударственные организации, способствовавшие координации ученых в проведении исследований, укреплению связей науки и промышленности, формированию гражданского общества в России.

Быстрый количественный рост научных обществ происходит в начале века. Наибольшее количество новых обществ было создано в 1905-1910 гг. и в годы Первой мировой войны. К 1917 г. общее число научных обществ превысило 300 [105].

Неравномерность распределения российских вузов и научно-исследовательских учреждений по территории империи [106] предопределила большое значение научных обществ в губернских и областных центрах. Научные общества являлись здесь главными интеллектуальными центрами, ставившими перед собой задачу распространения научных знаний. Формировались они вокруг незаурядных личностей, нередко талантливых исследователей, сосланных из крупных городов по причине политической неблагонадежности.

Широкий размах приобрело создание обществ естественно-научного, краеведческого и гуманитарного профиля в провинции на рубеже веков [107]. Одновременно свои отделения на местах, главным образом, на Кавказе и в Сибири, учреждали Русское географическое, Русское техническое общества и др. Исследовательские интересы большинства провинциальных научных обществ были сосредоточены в сфере краеведения.

Изучение истории, этнографии, охрана памятников народов Северного Кавказа входили в орбиту деятельности целого ряда научных учреждений. Выделим, например, *Общество любителей Кавказской археологии (основано в 1873 г.)*, его покровителем стал великий князь Михаил Николаевич, деятельность которого была сфокусирована на поддержании и охране от разорения и расхищения «замечательных сооружений» на Кавказе и исследовании местных памятников древности и старины.

Становление отечественной этнографической науки, ее институционализация значительно продвинули изучение народов Российской империи. Крупным центром этнографической науки стало, в частности, отделение этнографии ИРГО. Среди этнографических исследований, посвященных народам Российской империи, известность и признание в научном мире (в т.ч. и у ведущих этнографов зарубежных стран) получили «Закон и обычай на Кавказе» М.М. Ковалевского, «Осетинские этюды» В.Ф. Миллера и др.

Значительную работу по сбору и публикации документов по истории, этнографии и культуре народов Северного Кавказа России проводила Кавказская Археографическая комиссия. Отметим, однако, что предлагаемые к публикации документы жестко цензурировались. Своеобразную конкуренцию ей составлял Военно-исторический отдел Кавказского военного округа. В «Кавказских сборниках» публиковались материалы, связанные с историей и

этнографией народов Кавказа. Среди них – «Этнографический очерк черкесского народа» барона К.Ф. Сталья, посвященный адыгам и кабардинцам [108].

Среди периодических научных изданий по истории, лингвистике, этнографии, археологии Кавказа нельзя не упомянуть «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», издававшийся Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе. В «Сборнике...» публиковались сказания о нартах, другие тексты, материалы по различным аспектам этнографии народов Кавказа.

Большое значение в области изучения и охраны культурного наследия имела деятельность возникших соответственно в 1834 и в 1884 гг. губернских/областных *статистических комитетов и губернских ученых архивных комиссий*. Кроме подготовки различной статистической информации, организации переписей и пр. статистические комитеты занимались экспедиционным изучением регионов, изданием сборников. «Кавказский календарь» с 1870 г. стал включать материалы, касающиеся Северного Кавказа, что было связано с информационными потребностями государства. Кубанский областной статистический комитет выпускал с 1883 по 1916 гг. «Кубанские сборники» с многочисленными материалами по географии, климату, природным ресурсам, экономике, археологии, этнографии, истории многонациональной Кубани.

«Статистические таблицы населенных мест Терской области», издаваемые Терским статкомитетом, включали материалы не только о войсковых территориях, но и землях караногайцев, описания Владикавказского, Хасав-Юртовского, Нальчикского и Грозненского округов. В «Терском сборнике» печатались такие статьи как «Осетины», «Чеченцы» Е.Д. Максимова, «Ингуши» Г.А. Вертепова, «Караногайцы» Г.Ф. Малявкина. В экономические очерки Е.З. Баранова были включены разносторонние сведения по истории и этнографии народов, населяющих Терскую область [109].

Результатом деятельности образованного в 1899 г. Дагестанского областного статистического комитета стали, помимо прочего, публикации историко-этнографического характера о народах Дагестана.

Широкий размах приобрело создание обществ естественно-научного, краеведческого и гуманитарного профиля в провинции

на рубеже веков. На Северном Кавказе это были ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Кавказское горное общество (1902), Ставропольское общество для изучения Северо-Кавказского края (1910), Терское общество защиты и сохранения памятников старины (1915). Последнее возникло в разгар Первой мировой войны под покровительством Наместника российского императора на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова. Уже на первом собрании Общества (29 марта 1915 г.) под председательством атамана Терского казачьего войска была отмечена важность охраны памятников, предотвращения вывоза ценностей за границу, общность судеб русского народа и народов Кавказа [110].

Данные общества являлись пространством межнациональной коммуникации. Рассмотрим это на примере ОЛИКО (с 1920-х гг. ОЛИКК – Общество любителей изучения Кубанского края), одного из немногих научных объединений, «перешагнувших» революционный рубеж.

Неотъемлемой составляющей творчества ведущих ученых ОЛИКО (П.П. Короленко, А.Н. Дьячкова-Тарасова, Б.М. Городецкого, В.М. Сысоева и др.) была северокавказская тематика [111].

Член ОЛИКО с 1907 г. Султан Давлет-Гирей (1875–1918) активно изучал историю и этнографию народов Кавказа. В «Известиях ОЛИКО» были опубликован его, сопровождавшийся иллюстрациями труд, посвященный бжедуховским памятникам в местечке Горячий Ключ Кубанской области [112]. Заметим, что сразу после окончания Гражданской войны коллега С. Давлет-Гирея по ОЛИКО, инструктор секции охраны памятников старины и искусства ОНО Г.В. Доброскок инициировал поездку с этнографическими целями, в том числе в Горячий Ключ для «водружения на свое место древнего черкесского намогильного мраморного памятника» [113].

Член ОЛИКК Сефер-Бей Сиюхов (1887-1966 гг.) – адыгский просветитель, педагог и публицист еще до революции был известен как исследователь национального образования на Северном Кавказе, а также истории и этнографии адыгов. Как верно заметил исследователь творчества С. Сиюхова А.К. Бузаров, опубликованный в VII выпуске «Известий ОЛИКК» очерк по истории и традиционной культуре коренного населения Кубани «Черкесы-Адыге: Историко-бытовой набросок», несмотря на известную

публицистичность и стремление «опоэтизировать» историческое прошлое адыгов, в целом был благожелательно воспринят научно-краеведческим сообществом. Одним из несомненных достоинств публикации являлась её основательная источниковая база, включавшая малоизвестные и редко используемые работы И. Клингена, Л. Личкова, Л. Симонова, П. Цирульниковца, других русских авторов [114].

Ибрагим Цей (1890-1936) – писатель, фольклорист, переводчик с множества произведений русской классики на адыгейский язык, основатель адыгейского театра, общественный и государственный деятель. На страницах «Известий Общества любителей изучения Кубанского края» (преемник «Известий ОЛИКО») были опубликованы его два произведения – историческая драма «Кочас» [115] и «Кожа: очерк из быта адыгейцев» [116].

Печатные органы южнороссийских научных обществ стали площадкой для публикации материалов по истории народов Северного Кавказа, в т.ч. полученных в рамках естественнонаучных экспедиций. «Записки Крымско-Кавказского горного клуба» печатали путевые заметки В.Г. Поварниной: в двух сдвоенных номерах 1915 г. вышли ее материалы о командировке летом 1914 г. по поручению Московских высших женских курсов в Дагестан для сбора растений [117]. Этот же журнал напечатал этнографический очерк участницы инициированной руководством Кубанской области радиологической экспедиции В. Бурксер «В стране карачаевцев» [118].

Важным совместным направлением деятельности русской и национальной интеллигенции стала охрана природного и культурного наследия Северного Кавказа.

В результате инициатив «снизу» в Российской империи стали возникать охраняемые природные зоны. В «Записках» и «Известиях» Кавказского отдела ИРГО, «Записках Новороссийского общества естествоиспытателей», «Известиях ОЛИКО» отразились охранные мероприятия на Юге России, особенно активизировавшиеся в годы Первой мировой войны. Так, Кавказский отдел ИРГО по предложению графини П.С. Уваровой (председателя Московского археологического общества) постановил принять меры к охране старого гигантского бука близ Гагр [119]. Та же П.С. Уварова указала на ненадлежащее отношение к природному и историческому памятнику – Гунибской березовой роще (неподалеку от места пленения Шамиля). На страницах «Изве-

ствий Кавказского отдела РГО» в ответ сообщалось, что в течение двух лет «по обстоятельствам военного времени» с Гунибской дачи отпускались дрова для местного гарнизона, что «ныне эти отпуска и вырубki леса прекращены» [120]. В разделе «Охрана природы на Кавказе» этого издания публиковались материалы, отражавшие позитивный (например, охранные мероприятия в Пицундской сосновой рощи) и негативный (уничтожение зарослей папоротника близ Адлера) опыт. Авторы статей выступали с предложениями о создании новых заповедных зон [121].

В записке географа, члена КЕПС от Русского географического общества В. Семенова-Тян-Шанского «О типах местностей, в которых необходимо учредить заповедники типа американских национальных парков» (2.10.1917 г.) обосновывалась необходимость основания в России не менее 46 национальных парков, в т. ч. на Кавказе – не менее 4 (имелись ввиду горнолесные заповедники Кубанский, Дагестанский, Лагодехский, Черноморский) [122]

Тема охраны природного и культурного наследия тесно увязывалась с развитием рекреационного потенциала территорий. В 1911 г. в Петербурге было основано Общество изучения Черноморского побережья Кавказа «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом». В 1912 году в Тифлисе возник Главный комитет поощрения туризма на Кавказе с многочисленными представительствами. На XIII (оказавшемся последним) съезде русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе в июне 1913 г. значительная часть докладов была посвящена освоению природных ресурсов Кавказа.

На I Всероссийском съезде по улучшению отечественных лечебных местностей (январь 1915 г.) было высказано немало предложений относительно курортного строительства на Северном Кавказе. В мае 1915 г. возникло Кавказское общество содействия развитию лечебных мест [123].

В результате интеллектуальной миграции на Северный Кавказ в 1914–1920 гг., создания здесь высших учебных заведений, научный потенциал местных обществ значительно усилился. Одновременно северокавказская тематика становится ближе все большему количеству ученых – как гуманитариев, так и представителей естественнонаучного знания.

Деятельность научных обществ стимулировала приобщение горцев к научно-исследовательской деятельности. Солидарная просветительская деятельность научной интеллигенции

и местного населения способствовала формированию кадров национальной интеллигенции, интеграции народов Кавказа в российский социум. Уже до революции многие представители народов Северного Кавказа играли заметную жизнь в научной и культурной жизни многонациональных регионов.

События революции и Гражданской войны внесли некоторые коррективы в исследовательский процесс на Северном Кавказе. Одним из первых было Осетинское историко-филологическое общество, изначально работавшее при Осетинской учительской семинарии [124]. Многие традиции дореволюционного времени нашли продолжение и в новых условиях. В регионе возобновили деятельность академические экспедиции. Как и раньше, в 1920-е гг. – «золотое десятилетие» краеведения – важным фактором жизнедеятельности научной интеллигенции были общественные организации. В ряде регионов продолжали работать дореволюционные краеведческие общества.

На базе краеведческих музеев и других учреждений, в результате инициатив отдельных энтузиастов создавались национальные научные общества. При музеях возникли Кабардино-Балкарское научное краеведческое общество, Общество изучения Адыгейской автономной области (ОИА(Ч)АО). Среди других научных объединений – Ингушское литературное общество, Научное общество Чеченского автономного округа.

Вопросы краеведения на Северном Кавказе фигурировали в повестках дня совещаний, проводимых Главнаукой. Краеведы Северного Кавказа выступали с докладами на всесоюзных и региональных форумах [125].

Костяк северокавказских краеведческих обществ формировался за счет национальной интеллигенции; к работе в них также привлекались авторитетные и известные в научном мире исследователи Кавказа. Например, с ОИА(Ч)АО тесно сотрудничали знаток библиографии Северного Кавказа Б.М. Городецкий, кавказовед А.Н. Генко, лингвист Н.Ф. Яковлев, востоковед и археолог А.Н. Грен. Последний заведовал кафедрой краеведения в 1923–1924 г. в Кубанском пединституте и выступил с инициативой педагогической и научной подготовки адыгейской молодежи. Ученые, проводившие в Адыгее экспедиции и иные изыскания, отчитывались о них, в т.ч. и на заседаниях ОИА(Ч)АО. Символом интернационального сотворчества стал научный труд С.Х. Сиюхова и Б.М. Городецкого «Адыгея:

историко-этнологический и культурно-экономический очерк», изданный в 1927 г. в серии «Республики и области СССР. Северный Кавказ». Позже данный труд подвергся критике как «буржуазно-националистический» и будет надолго изъят из научного оборота [126].

Краеведческая деятельность, в которую широко вовлекались ученые, трактовалась утилитарно (с упором на прикладные исследования). В разряд краеведческой входила, например, деятельность выдающегося офтальмолога С.В. Очаповского, организовавшего в 1921–1937 гг. 48 передвижных медицинских отрядов для лечения инфекционных глазных болезней и оказания офтальмологической помощи населению труднодоступных районов Черкесии, Карачая, Осетии, Ингушетии, Дагестана, Абхазии, Чечни [127]². Одна из работ выдающегося офтальмолога так и называется: «О краеведении в медицине». Краеведческой проблематики в медицине касался ректор Краснодарского медицинского института [128].

1920-е годы – время бурного развития инфраструктуры науки. Было создано множество научно-исследовательских учреждений, не имевших отношения к системе образования. Это, прежде всего, Северо-Кавказский институт краеведения, открытый в мае 1920 года во Владикавказе. Его директором стал известный геолог, сподвижник академика В.И. Вернадского С.А. Гатуев. Ежегодные этнографические и археологические экспедиции в отдаленные районы Северного Кавказа, проводившиеся, несмотря на финансовые трудности, голод 1921-22 гг., были достаточно плодотворны. Образцы материальной культуры народов Северного Кавказа стали фондовой основой научного музея при институте [129]. Институт действовал в тесном контакте с всероссийскими и всесоюзными учреждениями – РАН, Российской академией истории материальной культуры, Музеем народоведения и др., объединяя материальные и кадровые ресурсы.

В 1924 году в Дагестане был создан Институт национальной культуры по инициативе наркома просвещения этнографа и востоковеда А. Тахо-Годи. В 1938 г. он был переименован в Институт истории, языка и литератур.

² См.: *Очаповский С.В. Ты опять поедешь в Карачай: Дневники и воспоминания* / Сост. и ред. Ф. Байрамукова; под. ред. Р.Т. Хатуева. М.: Эльбрусид, 2009.

Формировался положительный опыт координации исследований, проводившихся в научно-исследовательских учреждениях, высшей школе (значительно возросшей численно в изучаемом регионе), общественных организациях и государственных органах. Еще в конце 1922 года на Северном Кавказе была создана ассоциация кавказоведов. В 1924 г. в Махачкале состоялся учредительный съезд Северо-Кавказской горской краеведческой ассоциации. Северо-Кавказская Ассоциация научно-исследовательских институтов (СКАНИИ), основанная в 1925 г., не имея серьезных административных полномочий и испытывая постоянный недостаток финансирования, смогла сплотить вокруг себя лучшие научные силы Северного Кавказа, стать подлинным центром интеллектуальной жизни региона [130].

Для второй половины 1920-х-начала 1930-х гг. характерно усиление централизации и политизации в управлении наукой. В национальных областях Северного Кавказа были открыты НИИ краеведения. В 1926 г. постановлением Президиума облисполкома образован Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт краеведения. Его функции выполняли общество изучения местного края и кабинет краеведения. В декабре 1926 г. во Владикавказе возник Ингушский научно-исследовательский институт краеведения (ИНИИК) во главе с заведующим Ингушским областным ОНО О.С. Ахриевым. В 1931 г. был организован Чеченский НИИ краеведения; после чистки в 1932 г. его преобразовали Чеченский НИИ национальной культуры, а в 1934 г. после образования Чечено-Ингушской автономной области был создан единый Чечено-Ингушский НИИ во главе с видным ингушским филологом и писателем З.К. Мальсаговым [131]. Последний был выпускником факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ, входил в академическую комиссию по изучению племенного состава РСФСР. В 1929 г. в Краснодаре (тогдашней столице Адыгейской АО) был открыт Адыгский НИИ краеведения. В 1932 г. были образованы Черкесский и Карачаевский научно-исследовательские институты в г. Черкесске и в г. Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск).

Своеобразным координатором деятельности Северо-Кавказских НИИ стал, пришедший на смену Северо-Кавказскому институту краеведения, базировавшемуся в столице Северной Осетии, Северо-Кавказский горский НИИ краеведения в Ростове-на-Дону. Он открылся в 1927 г. при Северо-Кавказском краевом

исполнительном комитете и находился в ведении Краевого национального совета под общим наблюдением уполномоченного Главнауки по Северному Кавказу. Институт был призван изучать естественно-производительные силы автономных образований, культуру горских народов, организовывать краеведческое движение на местах. Ликвидация института (сменившего название на Северо-Кавказский горский историко-лингвистический НИИ им. С.М. Кирова) произошла в 1937 г. под предлогом административных изменений на Северном Кавказе и образованием здесь самостоятельных национальных административных единиц.

О заинтересованности государства в комплексном изучении Северного Кавказа свидетельствует, в частности, тот факт, что из пятнадцати национальных НИИ краеведения 1920–1930-х гг. девять располагалось на территории Северного Кавказа.

Многонациональные по составу Северо-Кавказские НИИ были центрами интеллектуального взаимодействия русских ученых и представителей горских народов, что обеспечивало взаимообогащение культур, ментальное, психологическое взаимопроникновение. Значительную кадровую и методическую поддержку стабильно оказывали ведущие научные учреждения страны.

Даже фольклорные экспедиции в рамках отдельных НИИ носили интернациональный характер. Например, Адыгейский НИИ краеведения отправлял в адыгейские аулы адыгейского писателя И.С. Цея и знатока казачьего фольклора, бывшего руководителя Кубанского казачьего хора Г.М. Концевича [132]. Собрание ингушского фольклора Е.И. Крупновым было бы проблематичным без помощи представителей национальной интеллигенции, в частности, известного ингушского художника Х.-Б. Ахриева [133]. Оба они являлись сотрудниками Ингушского НИИ краеведения во Владикавказе, в штате которого были также А. Генко, Г. Мартиросиан, Л. Семенов, И. Щеблыкин, Н. Яковлев и др., представлявшие различные национальности [134].

Важным проектом, объединивших ученых, стало создание письменности для ранее бесписьменных народов, унификация графической основы имеющихся письменных языков (латиница, а затем кириллица), развитие национальной периодической печати, делопроизводства, организация преподавания на родных языках, создание научно-технической и общественно-политической терминологии.

В 1930-е годы письменности народов Северного Кавказа были переведены на кириллицу. Начали издаваться двуязычные, орфографические, терминологические словари. Важным фактором успешной деятельности северокавказских НИИ было сотрудничество с ведущими отечественными лингвистами; они принимали непосредственное участие в создании алфавитов, грамматик, составлении словарей, справочников, учебников. Особое место принадлежит Н.Ф. Яковлеву, одному из основоположников Московской фонологической школы. Он создал около семидесяти национальных письменностей (вначале на латинской, а затем на русской графической основе), в том числе нескольких фундаментальных грамматик кавказских языков, разработал научные основы исследования их грамматики и лексического состава.

С 1920 г. и далее, в течение 30-ти лет Н.Ф. Яковлев организовывал экспедиционные исследования Северного Кавказа. Изначально они носили комплексный характер: изучались этнография, материальная и духовная культура. Этнографический характер носили его работы об ингушах и дагестанских кустарных промыслах. Однако уже тогда ведущее место в исследованиях занимает лингвистика. Фонологическая концепция Яковлева была впервые изложена в исследовании 1923 г. «Таблицы фонетики кабардинского языка». Блестящий кавказовед активно занимался просветительской деятельностью, консультировал начинающих литераторов, педагогов, в т.ч. во время выезда «на места».

В 1929 году при Северо-Кавказском крайисполкоме Центральной терминологической комиссии по обогащению горских языков Северного Кавказа приемлемыми для населения терминами и понятиями, необходимыми в культурной, бытовой, промышленной жизни. Профессор Н.Ф. Яковлев стал ее активным членом [135].

В Северо-Кавказском горском НИИ Н.Ф. Яковлев возглавлял абхазо-адыгейскую секцию (совмещая с работой в Институте этнических и национальных культур народов Востока). В 1930-е гг. он написал фундаментальные грамматики адыгейского, кабардинского, чеченского, ингушского и абхазского языков. До войны была издана лишь адыгейская (совместно с адыгейским ученым Д.А. Ашхамафом) и первая часть чеченской. Ингушская и абхазская грамматики не изданы до сих пор [136].

Талантливый лингвист и организатор науки Г.П. Сердюченко, основавший серию «Языки Азии и Африки», в 1930-е гг.

заведовавший отделом языка и литературы Северо-Кавказского горского историко-лингвистического НИИ (одновременно с работой в Институте востоковедения) также принимал активное участие в создании алфавитов для бесписьменных народов Северного Кавказа, занимаясь в основном абхазо-адыгскими языками. Он инициировал издание в 1935 и в 1949 гг. сборников «Языки Северного Кавказа и Дагестана» (соредактор второго – академик И.И. Мещанинов). Г.П. Сердюченко известен и как разработчик теории и практики перевода для младописьменных народов; он первым начал готовить переводчиков из местных кадров Северного Кавказа [137].

Значительна роль А.Н. Генко – сотрудника ленинградских научных учреждений, заведовавшим Кабинетом Кавказа в Институте этнографии АН СССР в подготовке кадров кавказоведов. Ученый, совершивший множество экспедиций в Адыгею, Абхазию, Черкессию, Южный Дагестан первым исследовал многие народы Северного Кавказа. Представления о грамотности в средневековом Дагестане изменилось после открытия А.Н. Генко цахурской письменности. Немало сделано им для изучения языка, истории и этнографии ингушей в контексте этнической истории их соседей [138].

Практически все лингвисты Северного Кавказа (включая столичных специалистов Н.Ф. Яковлева, Г.П. Сердюченко) были учениками и последователями академика Н.Я. Марра, восприняв, с одной стороны, его богатейшее наследие в области кавказоведения, с другой – «новое учение о языке» (яфетическая теория, материалистическое языкознание).

Развитие филологической науки на Северном Кавказе стало предпосылкой дальнейшего развития нартоведения, основы которые были заложены еще до революции, в частности, академиком В.Ф. Миллером. Теоретическим результатом исследований Е.И. Крупнова был вывод о самобытном (а не заимствованном) характере нартского эпоса, результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата [139].

Нартовский эпос – квинтэссенция философии, этики, эстетики народов Северного Кавказа – благодаря сотворчеству ученых постепенно становится доступным многонациональному населению СССР. Экспедиции, работа с текстами позволили

(уже в послевоенный период) подготовить национальные версии нартовских сказаний на языке оригинала и русском языке [140].

В 1930-е годы при поддержке государства началось написание историй отдельных народов Северного Кавказа. Президент Академии наук СССР В.Л. Комаров среди задач, поставленных планом третьей пятилетки перед учеными, назвал «марксистско-ленинское освещение истории героического прошлого народов нашей родины с древнейших времен и до наших дней». В перспективе планировался «выпуск большой книги по истории культуры народов СССР» [141]. Процесс этот затормозился из-за репрессий ученых – представителей местных народов и русских. Отдельные, уже готовые работы (например, 700-страничный труд Н. Г. Кулиша «Очерки по социально-экономической истории Адыгеи до Октябрьской революции и после Октября») так и не были опубликованы. Буквально накануне Великой отечественной войны Е.И. Крупновым в МГУ в качестве кандидатской диссертации было подготовлено первое в кавказоведении исследование по истории Ингушетии с древнейших времён до XVIII века с использованием как археологического, так и обширного этнографического материала. Однако вскоре ученый ушел добровольцем на фронт [142]. Последовавшие позже депортации народов Северного Кавказа – балкарцев, ингушей, карачаевцев и чеченцев, ликвидация республик и перераспределение территории – также внесли серьезные коррективы, в т.ч. в состояние научной коммуникации в регионе.

Депортации народов Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей) имели серьезные последствия для социокультурной и научной ситуации в регионе. Проводилась целенаправленная политика забвения, стирания памяти о данных народах. Уничтожались ценные артефакты – памятники материальной культуры, записи фольклора, книги, целые архивы. Даже герои революции и Гражданской войны из числа репрессированных народов объявлялись «вне закона». Происходила ревизия топонимики. «Присвоение ландшафта» «подтверждалось» фальсифицированными данными истории, археологии, этнографии.

Идеологические кампании эпохи позднего сталинизма также негативно воздействовали на процесс освоения исторического и культурного наследия народов Северного Кавказа, в т. ч. «не наказанных». Показательно в этом отношении обсуждение докторской диссертации объемом 45 п.л. известного адыговеда, рабо-

тавшего как в столице, так и в АНИИ в Майкопе Е.С. Зевакина «Очерки истории адыгейской культуры». В резолюции ученого совета указывалось: «В связи с развернувшимися дискуссиями на историческом фронте в минувшем году и предстоящим пересмотром концепций по истории народов Северного Кавказа защита данной диссертации задерживается до внесения в рукопись соответствующих поправок в зависимости от тех или иных решений на историческом фронте» [143]. Много раз обсуждалась, пересматривалась, рекомендовалась к печати и опять отклонялась рукопись «Очерков по истории Адыгеи» (основной текст написан Е.С. Зевакиным и С.К. Бушуевым), неоднократно переписывались очерки об Адыгее и адыгах для Большой Советской Энциклопедии и серии «Народы мира». Изменение на государственном уровне отношения к Шамилю (в предвоенной историографии он рассматривался как народный герой наряду с Б. Хмельницким, Салаватом Юлаевым, имя Шамиля присваивалось колхозам на Северном Кавказе), «ревизия» уровня развития феодализма у горских народов, характера национально-освободительного движения на Северном Кавказе в 19 в. (данные вопросы обсуждались, в частности, на специальной научной сессии 1950 г. в Нальчике) провоцировали конфликты между учеными и администраторами от науки, партийным руководством регионов, травлю наиболее принципиальных ученых.

В это же время многие столичные ученые – участники возродившихся по окончании войны экспедиций в Дагестан и Адыгею, Северную Осетию и Кабарду в общении с населением и местными коллегами, интенсивных научных исследованиях находили реальную отдушину.

Возвращение репрессированных народов Северного Кавказа из Средней Азии на места их прежнего поселения означало необходимость возобновления их изучения и оперативного создания фундаментальных трудов. Например, история карачаевского народа была «вверена» молодому талантливому византинисту, дочери репрессированных В.П. Невской. В 1951 она переехала в Черкесию, где работала доцентом учительского института, а с 1953 г. – заведующей сектором Черкесского (затем Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Проштудировав огромное число специальной и общей кавказоведческой литературы, изучив архивы, В.П. Невская написала монографию «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономиче-

ские последствия» (Черкесск, 1956). В 1957 г. она опубликовала историко-этнографический очерк, посвященный карачаевскому народу [144]. С этого времени Валентина Павловна практически каждый год издавала работы по истории и этнографии этого народа [145], став основателем важного научного направления в отечественном кавказоведении. Возглавив сектор истории Карачаево-Черкесского НИИ, В.П. Невская подбирала коллектив единомышленников, вела большую организационную работу. Ее работы имеют огромную ценность и сейчас; благодарный народ хранит память о В.П. Невской – «дочери Карачая» [146].

В Государственном музее этнографии (ныне Российский этнографический музей) велась активная работа по собиранию и экспонированию северокавказских артефактов. Одним из лучших знатоков обычаев народов Кавказа, особенно культуры карачаевцев, а также костюма народов Северного Кавказа была Е.Н. Студенецкая.

В период возвращения репрессированных народов из депортации шла работа над двухтомником «Народы Кавказа» в серии «Народы мира: Этнографические очерки» (М.: Изд-во АН СССР, 1960 (т. 1), 1962 (т. 2)). Очерки о народах Северного Кавказа вошли в первый том. Несмотря на то, что разделы об ингушах, чеченцах, карачаевцах, балкарцах писались достаточно оперативно, многонациональный авторский коллектив под руководством М.О. Косвена, Л.И. Лаврова, Г.А. Нерсесова, Х.О. Хашаева смог обеспечить высокий научный уровень издания. Среди авторов очерков – Л.И. Лавров, Е.Н. Студенецкая, М.Г. Аутлев, Е.С. Зевакин, Б.А. Калоев, Н.Ф. Такоева, А.Д. Даниялов, С.Ш. Гаджиева, З.А. Никольская.

В эти же годы возрождалось нартоведение. Первая научная конференция по нартоведению, проведенная в 1956 г. в Орджоникидзе Институтом мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) совместно с Северо-Осетинским НИИ, стала серьезным толчком к развитию данного направления. Место проведения данного форума было выбрано неслучайно – осетинские нартские сказания, собранные российскими этнографами и историками, увидели свет в 1946 году; в 1949 г. они были изданы на русском языке. Еще больший стимул нартоведению был дан поддержанными на самом высоком уровне движением ученых, культурной ответственности за «реабилитацию» эпосов, ранее подвергшихся вместе с исследователями идеологическому преследованию. В 1967 г.

редакционно-издательским советом АН СССР была утверждена двуязычная академическая серия «Эпос народов СССР». Республиканские институты занялись подготовкой томов, а ИМЛИ было поручено готовить их к публикации; главная редакция восточной литературы издательства «Наука» осуществляла издание серии. Пять книг академической серии посвящены «интернациональному» Нартскому эпосу ряда народов Северного Кавказа: адыгейцев, кабардинцев, черкесов (они составляют адыгскую этническую общность, и эпос этих трех народов принято называть собирательно – адыгский), абазин, абхазов, осетин, балкарцев и карачаевцев, чеченцев и ингушей, кумыков в Дагестане [147].

Важным фактором межкультурной коммуникации стала интенсифицировавшаяся подготовка научных кадров из числа представителей народов Северного Кавказа в ведущих вузах и НИИ страны. Целую плеяду кавказоведов, среди которых Б.А. Калоев, Н.Ф. Токоева, Т.Т. Шикова, И.Х. Калмыков, Э.Л. Коджесау, Л.Х. Акаба, воспитал М.О. Косвен. Более 14 лет (с 1943 по 1957 г.) он руководил сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии Российской АН). Его фундаментальный и многолетний труд «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке» стал настольной книгой каждого кавказоведа [148].

Во многом стараниями интернационального сообщества ученых Северного Кавказа в последнее советское тридцатилетие широко отмечались юбилеи присоединения отдельных народов к России. Причем акцент делался на добровольность и однозначно позитивные последствия. 400-летие вхождения в 1957 г. отметили Кабарда, Адыгея и Черкесия (в то время как некоторые народы только-только возвращались из депортации). 200-летний юбилей в Северной Осетии отметили в 1974 г. 200-летие вхождения Чечено-Ингушетии в состав России отпраздновали в 1982 г. Последний наиболее неоднозначно был воспринят интеллигенцией и вызвал споры среди историков, в т.ч. русских.

Память о событиях визуализировалась в соответствующих монументах. Одним из первых был открыт памятник «Дружбы» в Майкопе (скульпторы М.Г. Манизер и О.М. Манизер, архитектор И. Рогожин). Юбилейные празднования сопровождались выделением значительных средств, в т.ч. на создание обобщающих трудов по истории и культуре республик. В год юбилея

(«к 400-летию добровольного присоединения адыгов к России») вышла книга интернационального коллектива ученых «Адыги: историко-этнографический очерк» [149], а также первый том «Ученых записок» АНИИ, открывавшийся историческим очерком «400 лет с русским народом», включавшим статьи Л.И. Лаврова об истории русско-кавказских отношений в XV в., Э.Л. Коджесау о влиянии России на развитие материальной культуры адыгов, ее учителя М.О. Косвена о кабардинце Исмаиле Атажукове (источниками послужили документы ЦГИА). В этом же году вышел сборник материалов по истории русско-адыгских торговых отношений (составители А.О. Хоретлев и Т.Д. Алферова) и внепланово – монография профессора Краснодарского пединститута М.В. Покровского «Русско-адыгейские торговые связи».

В конце 1960-х гг. в Ростове-на-Дону при РГУ появляется центр, консолидировавший ученых всего региона – Северо-Кавказский научный центр высшей школы; возглавил его талантливый ученый и организатор науки Ю.А. Жданов. К тому времени на Северном Кавказе было более 50-ти вузов, 206 научно-исследовательских институтов, где работало более 520 докторов и 6600 кандидатов наук [150]. По инициативе Центра в университеты были преобразованы пединституты в Элисте, Ставрополе, Краснодаре, Нальчике, Грозном, Владикавказе, Майкопе.

Для разработки актуальных вопросов, касающихся Северного Кавказа, создавались проблемные группы; их члены входили в северокавказские секции научных советов академических учреждений. Научный потенциал вузов и НИИ был аккумулирован для решения комплексных, междисциплинарных задач. С 1973 г. стал выходить двухмесячный журнал «Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы» в трёх сериях: «Общественные науки», «Естественные науки» и «Технические науки». Уже в первом номере серии «Общественные науки» в обращении к читателю отмечалось, что «Северный Кавказ – самый многонациональный край нашей страны» и история его народов должна быть воссоздана. В соответствии с духом времени, акцент делался на изучение общих закономерностей и специфических особенностей строительства социализма у народов, миновавших капиталистический путь развития» [151].

Именно в стенах СКНЦ ВШ (инициаторы – Ю.А. Жданов, А.П. Пронштейн) родилась идея создания обобщающей истории народов Северного Кавказа. Идея была поддержана Дагестанским

филиалом АН СССР, университетами и НИИ Северного Кавказа, а также директором Института истории СССР АН СССР, академиком, специалистом по истории внешней политики А.Л. Нарочницким. Авторский коллектив включал почти всех ведущих специалистов по истории и культуре Северного Кавказа – около 200 человек из Москвы, Ленинграда, Грузии, всех научных центров Северного Кавказа [152].

Издание предполагалось выпустить в свет в виде четырехтомной серии трудов. Оно было «призвано дать целостное освещение истории народов Северного Кавказа в их взаимосвязи между собою, а также с русским и другими народами Советского Союза, подвести итоги ... достижениям науки, раскрыть особенности истории северокавказских народов как проявления общих закономерностей исторического процесса в условиях менявшейся в течение веков исторической обстановки жизни этих народов» [153].

Работа над «Историей народов Северного Кавказа» продолжалась более 10 лет и, как отмечают ростовские исследователи В.Ф. Патракова и В.В. Черноус, была построена таким образом, что значительно усилила научные коммуникации в регионе. Фактически в этом процессе начала складываться корпоративная научная культура кавказоведов, ставших реальным научным сообществом вне официальных формальных структур. В отличие от прекращенных по разным причинам проектов по истории Закавказья, истории Прибалтики и истории Средней Азии и Казахстана, «История народов Северного Кавказа» была завершена в четырех томах. Первые два тома были изданы в издательстве «Наука» в 1988 г. благодаря усилиям А.Л. Нарочницкого и Ю.А. Жданова, III и IV тома, посвященные советскому периоду, так и остались в рукописях [154].

Все северокавказские НИИ были вовлечены в масштабные международные и академические проекты – руководимый ИМЛ им. А.М. Горького «Многонациональный советский роман», патронируемый ЮНЕСКО «Лингвистический атлас Европы» (*Atlas Linguarum Europae*), в рамках которого производилось картирование грамматических и лексических черт всех языков, распространенных в Европе, и др.

Наступление эпохи «перестройки», политика гласности, упрощение доступа в архивы и рассекречивание многих архивных документов способствовали нарастанию критики национальной

политики России/СССР, в т.ч. на Северном Кавказе, переписыванию национальных историй. Серьезные разногласия наметились в связи с оценкой Кавказской войны (Д.И. Олейников даже предложил термин «Кавказская война историографий» [155]). Юбилейные конференции, особенно посвященные 130-летию окончания Кавказской войны, превращались в сражения идеологий [156]. Среди других острых тем – депортации народов Северного Кавказа, межнациональные отношения, локальные этнические конфликты.

«Войны историков» Северного Кавказа воплощаются в концентрации на этническом патриотизме, в отсутствии на страницах региональных учебников данных о соседних народах. Как справедливо утверждает К. Казенин, роль историка на Западном Кавказе регулярно выходит за академические границы. Со времени возвращения народов из сталинской депортации историк на Кавказе воспринимается, прежде всего, как защитник политических интересов своего этноса [157]. «Исторические войны» провоцируют «войны» исторической памяти, социальные и экономические конфликты, конкуренцию местных правовых систем и российских законов. Конфликтогенное противоречие между этноцентричными и общероссийскими подходами к истории Кавказа и русско-кавказскими отношениями становятся проблемой как развития исторической науки, так вызовом социокультурной безопасности страны, что осознается региональным сообществом ученых. Познавательная деятельность, в частности, исследование этносоциальных феноменов, отношений относится к числу рискованных в случае методологических изъянов [158].

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что и политика федерального центра не способствует укреплению общероссийской гражданской идентичности северокавказских народов. Например, День народного единства приурочен освобождению Москвы от польских интервентов в начале XVII в., когда большинство северокавказских и других национальных окраин России еще не были в составе государства. Другие праздники: День защитника Отечества – 23 февраля совпадает с датой депортации чеченцев и ингушей 1944 г.; Международный женский День – 8 марта – день депортации балкарцев [159].

В последнее десятилетие наметился конструктивный диалог представителей социогуманитарного знания республик Северного Кавказа и их коллег – кавказоведов из других регионов.

Среди авторитетных дискуссионных площадок – научные периодические издания «Научная жизнь Кавказа» (издательство Северо-Кавказского научного центра Высшей школы ЮФУ, Ростов-на-Дону), журналы университетов Северного Кавказа, электронный научный журнал «Наследие веков» и др. Ученые-гуманитарии вносят серьезный вклад в процесс оздоровления национальных отношений на Северном Кавказе [160].

На конференциях принимаются резолюции, направленные на преодоление политизации кавказоведения, конструктивный диалог между различными научными школами и направлениями (в частности, Хартия историков-кавказоведов (2013) [161]). Инициаторами форумов становятся не только академические структуры и вузы, но также учреждения Министерства культуры, в частности, Южный филиал НИИ культурного и природного наследия им. Лихачева. Конференции и ежегодные форумы «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» нацелены на выработку научно-методического обеспечения государственной культурной и этнокультурной политики, политики в области охраны и трансляции культурного наследия [162].

Выводы

Важным фактором продвижения русской культуры на Северном Кавказе была совместная деятельность русской и северокавказской интеллигенции в области изучения и охраны культурного наследия. Научные общества, активно создававшиеся в регионе на рубеже 19–20 вв., являлись пространством межнациональной коммуникации. Деятельность научных обществ стимулировала приобщение горцев к научно-исследовательской деятельности. Солидарная просветительская деятельность научной интеллигенции и местного населения способствовала формированию кадров национальной интеллигенции, интеграции народов Кавказа в российский социум. Печатные органы северокавказских научных обществ стали площадкой для публикации материалов по истории народов Северного Кавказа.

В 1920-е гг. – «золотое десятилетие» краеведения – важной составляющей социокультурного пространства были краеведческие общества, в т.ч. национальные. Формировался положительный опыт координации исследований (Ассоциация кавказоведов, СКАНИИ).

Появившиеся практически во всех национальных образованиях Северного Кавказа научно-исследовательские учреждения были интернациональными центрами интеллектуального взаимодействия, обеспечивавшими взаимообогащение культур, ментальное, психологическое взаимопроникновение. Значительную кадровую и методическую поддержку им стабильно оказывали ведущие научные учреждения страны.

Депортации народов Северного Кавказа имели серьезные последствия для социокультурной и научной ситуации в регионе. Возвращение репрессированных на места прежнего проживания сопровождалось возобновлением исследований и оперативным созданием фундаментальных трудов (совместными усилиями представителей северокавказских и иных народов). Важным фактором межкультурной коммуникации стала подготовка научных кадров из числа представителей народов Северного Кавказа в ведущих вузах и НИИ страны.

В позднесоветский период крупнейшим центром консолидации ученых северокавказского региона стал Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Именно в его стенах родилась идея создания обобщающей истории народов Северного Кавказа, частично реализованная.

Трансформации рубежа 1980–1990-х гг. и их социокультурные последствия стимулировали конфликтогенное противоречие между этноцентричными и общероссийскими подходами в исследовании Северного Кавказа. Задача интернационального научного сообщества современного Северного Кавказа – преодоление «конфликтующего кавказоведения», конструктивный диалог между различными научными школами и направлениями.

В.В. Бондарь

**Монументальная политика
как инструмент вовлечения населения
Северного Кавказа в российские политические
и культурные процессы**

В рамках настоящего исследования под «монументальной политикой» подразумевается система мероприятий государственной власти в области создания и разноаспектного использования недвижимых объектов, увековечивающих, прославляющих определенные исторические события, личности или группы, обозначающие и акцентирующие в культурном пространстве памятные (достопримечательные) места. В жизни государства и населения страны такие «официальные» памятники выступают как материальный ресурс «символической» политики и инструмент реализации повседневных социально-политических и культурных практик: памятования, наследования, преумножения культурного достояния государства и нации. Полноценное изучение обозначенной темы предполагает проведение ряда последовательных исследовательских мероприятий: установления степени изученности явления в мировом, российском и региональном северокавказском масштабах, выработки соответствующей периодизации, определение круга источников, разработки и обоснования типологий объектов и субъектов монументальной политики.

Далее предполагается выявление обстоятельств происхождения и формально-содержательная характеристика корпуса «официальных» памятников на Северном Кавказе в различные эпохи, установление общероссийских и общемировых закономерностей и выявление региональных особенностей процесса реализации государственной монументальной политики.

Итог исследования в долгосрочной перспективе представляется как анализ результатов и определение степени эффективности монументальной политики применительно к действовавшим и действующим субъектам – государству (в процессе его трансформаций) и к населению северокавказских территорий.

В рамках же настоящего (постановочного) исследования зафиксированы общие черты явления, обозначены, на основании собственных наблюдений автора и подтвержденные конкретными примерами, основные этапы бытования и тенденции трансформаций монументальной политики.

Первая попытка обобщить историю создания памятников на северокавказских территориях предпринята в начале XX столетия Военно-историческим отделом при штабе Кавказского военного округа, издавшим в Тифлисе двухтомную работу «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» под редакцией известного историка казачества и Кавказской войны В.В. Потто [163]. Применительно к исследованию монументальной политики как ресурса вовлечения северокавказских народов в общероссийские культурные процессы, этот обобщающий труд может служить историографическим фактом лишь косвенно, поскольку отражает исключительно имперские устремления на Кавказе, без учета последствия возведения тех или иных памятников.

В советское время единственной работой по истории памятников, расположенных в пределах одного субрегиона можно считать научно-популярное издание «В граните и бронзе (О памятниках Кубани)» [164]. Остальные же монументы, мемориальные комплексы и т.д. рассматривались в общем русле истории отдельных населенных мест (городов и сел), истории автономных республик, краев и автономных областей Северного Кавказа [165].

Специальных исторических, искусствоведческих или культурологических исследований монументальной политики на Северном Кавказе до сих пор не было. Источниковая база исследования достаточно обширна, но при этом внутренне разнородна.

К типу вещественных источников относятся собственно монументы – произведения архитектуры и монументального искусства, сохраняющиеся на территории Северного Кавказа. В подавляющем большинстве случаев они имеют статус охраняемых государством объектов культурного наследия, играют роль акцентов в тяготеющей к ним пространственной среде – окружающей застройке или природных ландшафтах. Ценными для исследователя качествами подлинных объектов монументальной политики являются их визуальные характеристики, раскрывающие замысел автора и характер использования выразительных средств скульптуры и архитектуры и возможности композицион-

ных приемов, а также свидетельствующие о социально-культурном контексте происхождения их бытования.

Корпус письменных источников по теме исследования достаточно велик и включает документальные материалы – делопроизводственные, статистические, официальные публикации в периодической печати и т.п., нарративные, эпистолярные, мемуарные и т. д. Это обстоятельство вызвано «контекстным» и одновременно «результатирующим» характером монументальной политики применительно к социально-политической и культурной истории региона и его отдельных частей. Качественная внешняя критика источниковой базы – отдельная многотрудная работа, требующая запаса времени. Основными источниками данного исследования послужили упомянутый в характеристике историографии вопроса двухтомник «Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе» [166] сборники документов [167], научно-популярные издания [168], каталоги памятников истории и культуры [169], краеведческие работы [170], различные материалы периодической печати. Внутренняя критика источников, требующая большого запаса времени, применялась ситуативно-спорадически, в ходе отбора и установления степени достоверности фактов.

Предварительные выводы относительно обстоятельств происхождения и реализации монументальной политики на Северном Кавказе, сделанные по результатам анализа эмпирического материала, позволили установить следующее.

В культурах автохтонных народов Северного Кавказа после эпохи бронзы (период мегалитов и больших курганов) практика возведения монументальных сооружений с целью мемориализации каких-либо событий или личностей отсутствовала. Характеризуя «российский этап» северокавказской истории, можно констатировать, что «монументализация» пространств населенных мест и неселитебных территорий наиболее ярко проявилась в следующих временных отрезках:

1. со времени окончания Кавказской войны до начала Первой мировой войны;
2. вторая половина 1920-х гг. – конец 1930-х гг.;
3. вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.;
4. постсоветский период.

Эти периоды соответствуют конкретным историческим обстоятельствам: утверждению российской власти на присоединенных кавказских территориях, становлению советской монументальной политики в рамках насаждения советской символики и «культы вождей», мемориализации Великой Отечественной войны и периоду актуализации национальных и региональных исторических символов. Очевидно, отдельные случаи возведения монументов имели место и вне указанных временных отрезков, но они не составляли социально-культурных тенденций.

В ходе предварительного анализа источников и обобщения данных установлено, что в дореволюционный период инициаторами возведения монументов (включая храмы-памятники) выступали, почти исключительно, региональные власти и местные сообщества; в отдельных случаях инициаторами выступали потенциальные авторы монументов (например, скульптор академик М.О. Микешин). В советское же время монументальная политика была общегосударственной и регулировалась почти исключительно союзным центром. Ситуация изменилась с развалом Советского Союза: с этого времени и до сих пор политика «монументализации» пространств городов и сельских населенных мест, как и «мемориализация» местной истории, исходит исключительно от властей регионального уровня.

Приведем предварительную характеристику проявлений мемориальной политики на Северном Кавказе по обозначенным выше периодам.

1. Дореволюционный период.

Фактически – со времени окончания Кавказской войны до начала Первой мировой войны.

До этого времени на территории Северного Кавказа был возведен единственный монумент – триумфальная арка в Екатеринограде (ныне станица Екатериноградская в Кабардино-Балкарии). Точное время постройки арки не установлено, достоверно можно утверждать лишь то, что сооружены они были генерал-поручиком П.С. Потемкиным в бытность его генерал-губернатором Кавказского наместничества (1785 – 1792 гг.), но не раньше 1786 года, когда административный центр Кавказского наместничества – Екатериноградская станица – была обращена в город, и не позже 1790 года, когда центр наместничества был перенесен в Георгиевск [171]. В работе «Памятник времен утверждения русского

владычества на Кавказе» говорится, что триумфальная арка имела «весьма величественный вид: громадный карниз, имеющий вид свода, покоится на прочных столбах, сложенных из тесанных каменных плит и украшенных еще целым рядом других меньших и круглых колонок». Там же упоминается предание о том, что изначально на воротах помещалась надпись «Дорога в Грузию» и приводится поздняя, относящаяся к середине XIX и сохранявшаяся еще в начале XX столетия надпись «Построены попечением Генерал-губернатора Потемкина в царствование Екатерины II. Возобновлены Главнокомандующим и Наместником Кавказского края М.С. Воронцовым в 1847 году» [172].

Триумфальная арка в Екатериноградской станице сохранилась до наших дней, имеет статус объекта культурного наследия федеральной категории историко-культурного значения.

Для понимания характера монументальной политики имперской администрации на Северном Кавказе приведем несколько конкретных примеров возникновения и бытования монументальных сооружений.

В 1881 году казаками Майкопского отдела Кубанского казачьего войска на плато Мамрюк-Огой на Западном Кавказе был сооружен мемориальный комплекс, состоящий из часовни и погрудного скульптурного изображения (бюста) императора Александра II. Открытие часовни и бюста было приурочено к двадцатилетию посещения этой местности Александром II на завершающем этапе Кавказской войны, когда он встречался с представителями горских племен – абадзехов, убыхов, шапсугов, абхазов – для совместного решения вопроса о принятии ими подданства Российской империи.

Часовня высотой около 20 метров из тесаного известняка имела крестово-купольную композицию, и экстерьер, решенный в русском национальном стиле – с высоким шатровым куполом и луковичной главкой. Расположение часовни обеспечивало ей доминантное положение в окружающем ландшафте.

Бюст, установленный на чугунном постаменте, находился с западной стороны от часовни. На северном фесе постамента помещалась надпись: «16 сентября 1861 года Государь Император здесь окончательно утвердил предложенную систему покорения Западного Кавказа», на южном – «В 1864 году Высочайший приказ исполнен: Кавказ покорен». Вокруг памятника были установлены дулами вниз соединенные цепями орудия – пушки

и фальконеты, а также ружейные стволы и штыки – реликвии Кавказской войны. [173]

В 1920-х годах, во время кампании по уничтожению памятников царствовавшим особам памятник императору Александру II и окружавшая его ограда были демонтированы, часовня подверглась разграблению. До настоящего времени сохранились лишь развалины часовни, приобретенные в 2016 году статус выявленного объекта культурного наследия.

Другой характерный памятник дореволюционного периода, установленный – обелиск в честь двухсотлетия Кубанского казачьего войска в Екатеринодаре (ныне Краснодар).

Инициатива сооружения памятника, относящаяся в 1891 году, принадлежала Кубанскому войсковому офицерскому собранию, причем изначальным поводом послужило приближавшееся столетие переселения черноморских казаков на Кубань (в 1792 году). Однако Военное министерство Российской империи рекомендовало войсковому начальству отметить 200-летний юбилей войска в 1896 году, ведя отсчет старшинства Кубанского казачьего войска не от водворения здесь черноморцев, объединенных в 1860 году с шестью кавказскими линейными полками в единой Кубанское войско, а от древнейшей составляющей войска – Хоперского казачьего полка, известного с 1696 года. [174] Показателен тот факт, что кроме этой рекомендации ни военное министерство, ни какие-либо другие ведомства или учреждения империи в создании памятника участия не приняли. Средства на возведение памятника были выделены Екатеринодарской городской думой из городских сумм. [175]

Ко времени торжеств по случаю 200-летия Кубанского казачьего войска сооружение памятника еще не было завершено, и городской голова В.С. Климов преподнес наказному атаману генералу Я.Д. Маламе лишь фотографию его модели обелиска. Торжественное же открытие памятника состоялось 7 мая 1897 года. [176]

Памятник, сооруженный по проекту Кубанского областного архитектора В.А. Филиппова, представлял собой четырнадцатиметровый двухъярусный четырехгранный обелиск на массивном основании, с фасадами, ориентированными по сторонам света. В нишах фасов помещались чугунные доски с текстами, обозначающими посвящение памятника двухсотлетнему юбилею Кубанского казачьего войска. Венчался обелиск золоченым ядром, на

котором помещался государственный герб. Располагался памятник на небольшой площадке у северной оконечности главной улицы Екатеринодара – Красной. [177]

В 1920-х гг., в ходе кампании по уничтожению публичных символов самодержавия, памятник был поврежден – лишился венчающего обелиск двуглавого орла на шаре, в 1930-х годах он был уничтожен полностью. [178]

В 1999 году обелиск в честь двухсотлетия Кубанского казачьего войска был воссоздан по проекту скульптора А.А. Аполлонова на историческом месте. [179]

Биография оригинального объекта и его современная копия отражают как особенности монументальной политики на окраинах Российской империи и степень влияния центральной власти, так и смену отношения властей и общества к официальным памятникам в соответствии со сменой политических систем в стране.

Образцом храма-памятника, возведенного в ознаменование значительного исторического события, с полным на то основанием может служить Екатерининский Семипрестольный собор в г. Екатеринодаре. Храм этот был возведен на собранные «доброхотные» средства «в память исторического события 17-го октября 1888 года – счастливого избавления Царской Семьи от грозившей опасности при крушении царского поезда на станции Борки». [180]

В июне 1899 года, когда проект храма уже был составлен архитектором И.К. Мальгербом [181], екатеринодарский городской голова обратился к Архиепископу Ставропольскому и Екатеринодарскому Агафодору с ходатайством о разрешении на постройку семипрестольного храма. К этому времени было «окончательно решено древний храм на Екатерининской площади, посвященной Св. Екатерине, по имени Императрицы Екатерины II, основательницы города Екатеринодара, упразднить, а один из приделов нового храма посвятить имени Св. Великомученицы Екатерины и наименовать сооружаемый храм «Екатерининским Семипрестольным Храмом». Главный алтарь предполагалось посвятить Святой Великомученице Екатерине и Святому Благоверному Князю Александру Невскому, а остальные шесть приделов – святым, покровительствующим членам августейшей семьи: Святой Равноапостольной Марии Магдалины, Святителя Николая Мирликийского, Святого Великомученика Георгия, Святого Благоверного Князя Михаила Тверского, Святой Преподобной Ксении и Святой Великой Княгини Ольги. [182]

20 сентября 1899 года Техническо-Строительный комитет при Управлении хозяйственной частью Святейшего Синода утвердил все представленные чертежи постройки храма, а 23 апреля 1900 г. собор был заложен. [183]

На протяжении нескольких лет строительство Свято-Екатерининского храма шло с большими перерывами, вызванными нехваткой средств. Как говорилось в книге «Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре», достаточно долго недостроенное здание в лесах «сиротливо возвышалось на площади». И лишь к началу 1909 г. «при последнем усилии и напряжении энергии отдельных лиц» [184] возведение основного объема соборного здания было завершено.

В 1909 – 1911 гг. были устроены северный и южный приделы, иконостас, крыльца, лестницы, двери, произведена частичная роспись интерьера. В 1912 г. были оштукатурены свободные от росписи стены и потолки храма, остеклены окна; тогда же купола получили железобетонные перекрытия, были устроены обрешетка и покрытие куполов и крыши, после чего на главы были подняты кресты; тогда же в помещении были устроены вентиляция и отопление.

В нижней части собора была оборудована усыпальница: пол в ней был выложен плиткой, стены расписаны, устроен вход с южной стороны.

В изданной в 1913 г. Екатеринодарской городской управой книге «Семипрестольный храм Св. Екатерины в Екатеринодаре» было отмечено особое значение сооружаемого собора как «памятника выдающегося исторического события», обосновывалась потребность города, значительно разросшегося в конце XIX – начале XX столетий, в большом храме (особенно – для неказачьей части его населения) и выражалась надежда на то, что «задуманный в больших размерах и с подобающим особенным великолепием» храм «явится одним из наилучших украшений города Екатеринодара и послужит гордостью всего населения....» [185].

23 марта 1914 года «преосвященным Иоанном, епископом Ейским, в сослужении многочисленного сонма городского духовенства торжественно освящен был главный придел Екатерининского храма» [186].

В архитектурном отношении екатеринодарский Семипрестольный собор Во имя Святой Екатерины представляет собой реплику Вознесенского собора в Новочеркасске, построенного

по проекту донского архитектора академика А.А. Яценко, но не слепым копированием, а развитием творческого замысла и основных идей византийского стиля применительно к конкретной пространственной ситуации. Екатерининская площадь, окруженная одно-двухэтажной застройкой, была значительно меньше площади Ермака, где располагался донской Вознесенский собор, на тот момент третий по величине (после храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Петербурге) храм в Российской империи [187].

Примечательно, что наиболее крупные известные храмы, возведенные в честь чудесного избавления августейшей семьи от гибели при крушении царского поезда в 1888 году, были решены в приемах византийского стиля – храм Христа Спасителя в Борках (архитектор Р.Р. Марфельд, 1894 г.), Богоявленский собор на Гутуевском острове в Петербурге (реплика проекта Марфельда, архитектор В.А. Косяков, 1899 г.).

И.К. Мальгерб переработал проект А.А. Яценко, пропорционально уменьшив размеры храма (для сравнения: высота Вознесенского собора – 74.7 м, Екатерининского – 56.37 м) [188], несколько усложнив пространственную структуру и добавив новые композиционные и пластические элементы. Он же произвел инженерные расчеты и рассчитал смету строительства.

Уменьшение габаритов храмового здания по сравнению с прототипом было обусловлено пространственными характеристиками места, где предполагалось возведение собора. Вознесенский собор в Новочеркасске строился в центре огромной площади Ермака, имеющей господствующее по высоте положение в пространстве города. Екатеринодарская же Екатерининская площадь занимала один из множества равноценных по размерам кварталов центральной части города, а окружающая ее застройка была одно-двухэтажной; очевидно, И.К. Мальгерб старался сделать новый храм одновременно грандиозным и гармоничным, соразмерным пространственному контексту.

Композиционно собор решен в формах византийских и древнерусских крестовых храмов, имеющих в основе “освященное пятиглавие”. Крест совмещен с четвериком, на образованных таким путем угловых объемах, занимающих внутренние углы креста, помещаются четыре главы, на средокрестьи – центральная глава. Алтарная часть обозначена двухъярусной апсидой, завершенной конхой. Торцы креста главного объема проявлены

на северном, южном и восточном фасадах арками. Над притвором устроена трехъярусная колокольня, имеющая в нижнем ярусе северный и южный приделы, завершенные пониженными сферическими куполами. Барабаны угловых глав и колокольни восьмигранные, с проемами, решенными в виде арок, опирающихся на колонны с капителями. Большой центральный барабан решен в виде опоясывающей аркады из 16 арок. На барабанах помещаются высокие сферические шлемовидные купола с раструбами в верхней части.

Сужение колокольни между вторым и третьих ярусом перекрыто северной и южной конхами. Мы предполагаем, такое решение срединной части колокольни, воспроизводящее формы трехдольного казачьего храма – восьмерик на четверике и боковые крылья – дань уважения предшественнице собора – деревянной трехдольной Екатерининской церкви, представлявшей собой замечательное произведение украинского барокко. В прототипе семипрестольного собора – Вознесенском соборе Новочеркасска – эта часть храма решена иначе.

Нижний ярус собора по всему периметру отделяется карнизным поясом. Торцовые арки креста основного объема и лицевая (западная) плоскость колокольни на уровне второго яруса имеют оконные проемы в виде тройных арок, опирающихся на колонки с кубическими капителями. По одному полуциркульному окну имеют плоскости углов четверика.

На плоскости нижнего яруса колокольни помещается портал, решенный в виде арки. Меньший портал оформляет южный вход в храм. Оконные проемы располагаются на обоих ярусах апсиды, на северном и южном фасадах, на стенах приделов. Пластикой кирпичной кладки решен декор экстерьера: горизонтальные тяги по плоскостям всех фасадов, дентикулы в архивольтях оконных проемов и фризах, треугольный и кольцевой геометрический орнамент во фризах, кресты «греческой», «латинской» и «православной» форм на плоскостях объема колокольни. [189] На момент постройки Екатерининский собор, рассчитанный на 4 тысячи одновременно молящихся, был крупнейшим храмом Кубанской области.

По замыслу И.К. Мальгерба, купола Екатерининского собора, в отличие от куполов Вознесенского в Новочеркасске, изначально гладких и вызолоченных, предполагалось украсить рельефным цветным орнаментом, причем различных мотивов для

разных куполов.[190] Предположительно, на эту мысль архитектора могло навести оформление куполов храма Христа Спасителя в Борках и(или) другого значительного произведения византийского стиля. По каким-то причинам, наиболее вероятно – из-за недостатка средств, эта часть проекта Мальгерба не была реализована, и купола получили простое покрытие.

Фасады храма ни изначально, ни исторически никакого покрытия не имели, что обусловило преимущественно краснокирпичное колористическое оформление экстерьера и существующее уже столетие неофициальное наименование – «Красный собор». Пластическая же выразительность фасадов достигнута приемами кирпичной кладки: все декоративные элементы, как имеющие тектоническое значение, так и выполняющие функции какого-либо символа или фрагмента декора, не выделяются ни материалом, ни фактурой; при этом отдельные пластические детали акцентированы колористическими приемами.

За время существования облик соборного здания претерпел некоторые изменения, связанные с утратами отдельных элементов. Большой частью эти утраты восполнены в ходе реставрационных мероприятий последних лет.

Гораздо более серьезный урон понесла объемно-пространственная композиция Екатерининской площади: в 1954–1956 гг. она была по периметру застроена четырехэтажными жилыми домами, что фактически уничтожило площадь и привело к утрате свободного визуального восприятия собора с прилегающих к бывшей площади городских территорий, отчасти свело на нет роль собора как высотной доминанты в исторической части города.

Итак, Екатерининский Семипрестольный кафедральный собор в г. Екатеринодаре (ныне Краснодар) – храм-памятник, выдающееся оригинальное произведение архитектуры, яркий образец византийского стиля, воплотивший его основные черты и одновременно – отразивший местные исторические особенности храмовой архитектуры; наиболее значительное творение архитектора И.К. Мальгерба. [191]

Подводя итог рассмотрению государственных и общественных монументальных практик на Северном Кавказе дореволюционного периода, можно уверенно констатировать, что возведение монументальных объектов на присоединенных к Российской империи в конце XVIII – начале XX столетий северокавказских территориях преследовало целью исключительно демонстрацию

и мемориализацию утверждения нового государственно-административного устройства и российских государственных символов, мемориализацию событий «покорения Кавказа» и причастности к этим и иным событиям лиц императорской фамилии. Очевидно, что инструментом вовлечения коренных народов в общероссийские политические, хозяйственные и культурные процессы такие практики памятования быть не могли.

2. Вторая половина 1920-х гг. – конец 1930-х гг.

В период между Гражданской и Великой Отечественной войной мемориальная политика государства, как и вообще практики мемориализации исторических событий и личностей, в корне изменились: в городах и сельских населенных пунктах возводились, почти исключительно, памятники В.И. Ленину и борцам революции, героям Гражданской войны – сторонникам Советской власти, в некоторых случаях – деятелям международного коммунистического движения.

26 января, на пятый день после смерти В.И. Ленина, II Всесоюзный съезд Советов принял постановление о сооружении «от имени Союза Советских Социалистических Республик в столице Союза Советских Социалистических Республик и Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в г. Москве, а также в столицах других союзных республик – Харькове, Тифлисе, Минске и в городах: Ленинграде и Ташкенте—памятников В. И. Ленину». Центральному Исполнительному Комитету СССР и его Президиуму было поручено разработать и утвердить соответствующие проекты памятников, установить сроки их сооружения в отдельных городах и отпустить необходимые средства.[192] И уже на следующий день, во время похорон Ленина, в Краснодаре был торжественно открыт его гипсовый бюст, изготовленный скульптором К.А. Дитрихом. На мраморном постаменте, изготовленном А.С. Колохиторским, была помещена надпись: «Ильичу. 10. IV.1870 – 21.1.1924/ Краснодарский пролетариат». 7 ноября того же года гипсовый бюст был заменен бронзовым, отлитым литейщиком Д.Д. Фисенко; тогда же был изготовлен и черный гранитный постамент, на котором поместили надпись «Ленин».[193] Этот памятник сохранялся до конца 1990-х годов.

В 1925 году в сквере на Дубинке – окраинном тогда районе Краснодара – была сооружен памятник В.И. Ленину по проекту

К.А. Дитриха, представляющий собой монументальную скульптурную композицию: фигура вождя революции в полный рост помещается на трехгранном пьедестале с многофигурным горельефом, изображающим рабочих разных национальностей [194]. Ныне памятник имеет статус охраняемого государством объекта культурного наследия региональной категории историко-культурного значения.

В 1926 году памятник В.И. Ленину – монументальную скульптурную композицию по проекту скульптора В.В. Козлова с участием К.А. Дитриха и архитектора О.К. Доманского, состоящую из ростовой фигуры В.И. Ленина, установленной на пьедестале в виде носовой части корабля с названием «Коминтерн», окруженной горельефом из фигур борцов за Советскую власть – открыли в Новороссийске у здания Дома Советов (ныне здание управления Морского порта). [195] Этот памятник имеет статус объекта культурного наследия федеральной категории историко-культурного значения.

Известно, что еще в 1922 году в Новороссийске известным советским скульптором было создано два бюста – В.И. Ленина и К. Маркса, и еще один его проект – памятник «Павшим борцам революции» – остался неосуществленным.[196]

3. Вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.

В период, последовавший за Великой Отечественной войной, вплоть до середины 1960-х годов монументальная составляющая советской идеологии на Северном Кавказе проявлялась не так заметно, как в довоенное время и последовавшие годы. Исключением можно считать лишь тиражирование, как и по всей стране, памятников И.В. Сталину – вплоть до XX съезда КПСС, и несколько памятников деятелям национальных культур народов Северного Кавказа.

Так, например, в Махачкале еще в 1949 году был открыт памятник – бюст на высоком постаменте над могилой поэта Сулеймана Стальского (1869–1937) – одного из основоположников советской лезгинской литературы. Авторы памятника – скульптор Х.Н. Аскар-Сарыджа и архитектор А.М. Алхазов, а в 1956 году бюст над могилой поэта Гамзата Цадасы (1877–1951) – одного из основоположников дагестанской советской (аварской) литературы, созданный по проекту скульптора Х.Н. Аскар-Сарыджа и архитектора А. М. Алхазова. [197]

В 1950 года в Грозном, на Центральном кладбище, был создан мемориал павшим в боях за свободу и независимость Советской Родины в годы Великой Отечественной войны. Над братской могилой на постаменте была установлена фигура воина с автоматом на груди и с каской в левой руке. На пьедестале помещалась надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины». Автор первоначального проекта – И. Твердохлебов [198].

В 1975 году, к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне, была проведена реконструкция мемориала, изменена планировка и оформление братской могилы, установлена новая фигура воина. Автор новой скульптуры – Александр Сафронов, оформление выполнил архитектор Яков Беркович. Рядом с памятником в центре площадки в ходе реконструкции был устроен Вечный огонь Славы, оформленный в виде пятиугольной литой плиты с рельефным изображением Ордена Отечественной войны. Симметрично по обе стороны от Вечного огня Славы расположены две братские могилы с надмогильными холмами призматической формы [199].

В Майкопе в 1957 году отмечалось 400-летие добровольного присоединения адыгейского народа к Русскому государству. Это явно вымышленное историческое событие, якобы имевшее место в эпоху Иоанна Грозного, использовалось как инструмент забвения Кавказской войн и факта насильственного присоединения горцев Северо-Западного Кавказа или их эмиграции в единоверческую Турцию в середине XIX века. Монумент Дружбы, расположенный на одной из площадей в центре столицы Адыгеи представляет собой поднятый на высоком пьедестале обелиск, у подножия которого помещаются ростовые скульптурные изображения двух воинов – русского и адыга в одеянии и с предметами снаряжения и вооружения, относящимися к XVI столетию. Авторы проекта памятника – скульпторы М.Г. Манизер и О.М Манизер, архитектор И.Е. Рогожин [200].

В последующие годы количество возводимых монументов, как и воспитательная роль мемориализации исторических событий и личностей, резко возросло. Стоит отметить и формальное и содержательное разнообразие памятников: возводились памятники, посвященные событиям и героям Великой Отечественной войны, революции и Гражданской войны, жертвам фашизма, памятники просветителям, памятники трудовой славы и т. д.

Образцом памятника герою Великой Отечественной войны может служить бюст Хусена Андрухаева – уроженца адыгейского аула Хакуринохабль (ныне Шовгеновский), героически погибшего в 1942 году при защите высоты у села Дьяково на Украине и удостоенного позже звания Героя Советского Союза. В 1967 году в ауле Шовгеновском был торжественно открыт памятник – скульптурное изображение Х.Б. Андрухаева (проект скульптора К.К. Сидашенко). Такой же памятник был установлен в селе Дьяково [201].

В 1971 году в Махачкале был открыт памятник Махачу Дахаеву – борцу за Советскую власть, первому военному комиссару Дагестана, члену областного революционного военного комитета, имя которого дало название столицы республики (бывший Порт-Петровск). Памятник представляет собой монументальную скульптуру – конную статую М. Дахадаева. Авторы проекта – скульптор Х.Н. Аскар-Сарыджа, архитектор Г. Ганиев [202].

4. Постсоветский период.

В «перестроечный» период – 1985–1991 гг. процессы мемориализации исторической памяти посредством реализации сложившихся практик монументальной коммеморации заметно замедлились вплоть до полной остановки в 1991 году. Более того, развитие политической ситуации привело к тому, что многие герои прошлого стали восприниматься как антигерои, и в ближайшие за развалом Советского Союза годы по его бывшей территории прокатилась волна свержения (демонтажа и разрушения) монументов – символов советского строя.

Вслед за этим обозначилась тенденция создания новых монументов – символов утверждения нового государственного устройства, воссоздания старых, дореволюционных памятников, либо же создания и утверждения новых национальных символов и героев. На Северном Кавказе именно последняя тенденция приобрела особый размах.

Например, в Северную Осетию был возвращен прах Гаппо Баева – бывшего городского головы Владикавказа, известного общественного и политического деятеля, ученого-фольклориста и литературного критика, сотрудничавшего после революции 1917 года с антисоветской прессой, деятеля эмиграции. После перенесения праха Г. Баева на кладбище церкви Рождества во Владикавказе сооруженный над его могилой памятник оказался обращенным к памятнику над могилой Кубади Кулова – бывшего

первого секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б), некогда клеймившего своего нынешнего кладбищенского визави Г. Баева как «фашиста» и «изменника Родины» [203].

На сегодняшний день для адекватного научного осмысления ретроспективы и современных тенденций государственных (раздельно – общероссийских и регионально-национальных) и общественных монументальных практик, как и вообще практик увековечивания памяти об исторических событиях и выдающихся личностях явно недостает эмпирического материала, поэтому выводы по приведенному исследованию носят предварительный, постановочный характер.

1. Дореволюционная монументальная коммеморация на Северном Кавказе имела характер утверждения имперских устремлений и констатации присоединения новых территорий к России, а также общего для всей страны памятования о значительных событиях, связанных с царской фамилией.
2. Довоенный период советской истории в монументальных практиках на Северном Кавказе, проявился, как во всей Советской России и СССР в почти исключительном возвеличивании дела революции и ее вождей и героев Гражданской войны (со стороны Красной гвардии).
3. Послевоенный период, вплоть до начала Перестройки, был наиболее продуктивным в плане расширения сфер влияния монументальных практик на общественное сознание. Именно применительно к этому периоду можно уверенно применять понятие «монументальная политика» в смысле продуманной системы мероприятий государственной власти, направленных на сплочение общества и выработку условно единой «исторической памяти».
4. Постсоветский период применительно к нашей теме на сегодняшний день не может иметь адекватного научного осмысления ввиду отсутствия достаточного корпуса эмпирических данных.

Л.А. Волова

**Межкультурная коммуникация
на Северном Кавказе¹**

**Cross-cultural communication
in the North Caucasus**

Волова Людмила Анатольевна – доктор философских наук, профессор
Пятигорского государственного университета
Volova Lyudmila Anatolyevna is Doctor of Philosophy, professor of the
Pyatigorsk state university

Работа посвящена исследованию культурных традиций народов Северного Кавказа. Северный Кавказ – это целая планета народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями. Здесь сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культурных традиций. Исследование их диалога поможет показать, как на различных этапах осуществлялись механизмы межкультурной коммуникации и их последствия, в том числе диалог с российской культурой на протяжении последних 200 лет.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, Северный Кавказ, столкновение цивилизаций, религиозно-этнические группы, культурные традиции.

Work is devoted to a research of cultural traditions of the people of the North Caucasus. The North Caucasus is the whole planet of the people, cultures and languages which develop and interact in this territory in the millennia. Here the peculiar original North Caucasian culture which has absorbed in itself hundreds of various ethnic cultural traditions was created. The research of their dialogue will help to show how at various stages mechanisms of cross-cultural communication and their consequence, including dialogue with the Russian culture for the last 200 years were carried out.

Keywords: cross-cultural communication, North Caucasus, collision of civilizations, religious ethnic groups, cultural traditions.

Проблемы межкультурной коммуникации представителей различных национальных культур становятся самыми актуальными для сегодняшней эпохи. С. Хантингтон, американский политолог, еще в 90-е гг. XX в. предсказал столкновение цивилизаций, основанных на различных культурных традициях, где политические и экономические системы не являются доминирующим фактором. Происходящая сегодня конфронтация между различными этносами придает особую актуальность вопросам понимания необходимого диалога культур, изучения их национальной специфики, а также сушности механизмов и результатов межкультурного общения. Конфронтационная ситуация обостряет вопрос о том, возможно ли гармоническое сообщество религиозно-этнических групп, имеющих разные культурные традиции.

Эти вопросы особенно остро чувствуются на Северном Кавказе, где сейчас идет резкое противопоставление «своих и чужих» культурных традиций. В связи с этим возросло внимание к формированию исторического сознания горских народов как фактора, определяющего этническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию. Прессу региона захлестнул поток публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном – в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению вопреки фактам былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма. Исследования в области кавказоведения, истоков этнических культур, процессов их взаимовлияния имеют большое значение на современном этапе трансформации культурных традиций.

Северный Кавказ – это целая планета народов, культур и языков, которые развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями. Здесь сформировалась своеобразная самобытная северокавказская культура, впитавшая в себя сотни различных этнических культурных традиций. Исследование их диалога поможет показать, как на различных этапах осуществлялись механизмы межкультурной коммуникации и их последствия, в том числе диалог с российской культурой на протяжении последних 200 лет.

Этническое и культурное общение происходило на различных стадиях развития народов Северного Кавказа.

Последние века до нашей эры в истории северокавказских народов ознаменовались продвижением в предкавказские степи вплоть до предгорий Кавказа ираноязычных кочевников-сарматов, ранее известных под именем «савро-маты», или сарматы. Родиной сарматов, местом формирования их культуры явились степи Северного Прикаспия. Будучи во многом близкими, культуры отдельных племенных групп этого обширного региона обладали и своеобразными чертами. С конца III в. до н.э. в степной и частично предгорной полосе Центрального Предкавказья постепенно исчезают местные погребальные обряды и традиции (скорченное положение погребенных и неустойчивая их ориентировка в грунтовых ямах, иногда заваленных булыжниками), что свидетельствует о резком уменьшении количества оседлого населения.

Военно-политические контакты, культурный и торговый обмен между сарматами и населением Северного Кавказа сыграли решающую роль и в нивелировке культуры разноэтнических племен равнинной зоны и предгорий Центрального Кавказа. Эти процессы можно назвать также формой взаимодействия – интеракции.

В прямой связи с событиями рубежа нашей эры находится и появление на исторической арене Северного Кавказа алан. Истоки аланской культуры, материальной и духовной, своими корнями уходят в предшествующую сарматскую культуру, осложненную в условиях Кавказа влиянием местного этнокультурного субстрата и внешними культурными импульсами. «Основным содержанием истории какой-нибудь страны является степень ее участия в мировом культурном общении», – писал В.В. Бартольд.² И без учета такого общения многие явления аланской культуры могут быть непонятными. Само собой разумеется, аланская культура – сложное историческое явление, неоднозначное в разных ареалах, члениющееся на ряд локальных групп, или вариантов, и динамично развивающееся и меняющееся во времени. Последнее особенно относится к аланской культуре Северного Кавказа, где диахронный разрез позволяет проследить, пока в самых общих чертах, динамику культурного развития и его местную специфику.

Развитию межэкономических и межкультурных связей способствовало в первую очередь выгодное расположение Алании на стыке Европы и Азии, а также международные торговые пути, проходящие через ее территорию. В X в. аланские купцы были известны в Крыму, в кавказских государствах, в Византии и в различных странах Востока.

Из Византии в Аланию ввозили керамические изделия, в том числе тарные (амфоры) и стеклянные сосуды, шелковые ткани, браслеты, перстни, бусы из полудрагоценных камней, украшения из металла и кости, предметы христианского культа, монеты. Из Крыма – амфоры с вином, стеклянные браслеты. Из Закавказья – некоторые виды стеклянных браслетов и стеклянные сосуды. Из Руси и Волжской Болгарии – мед, воск, дорогие меха и другие товары; через Русь поступал янтарь. Прослеживаются связи алан с кочевниками Предкавказья и Причерноморья, а также с населением Центральной Европы. Из Сирии поступали стеклянные сосуды, бусы, из Ирана – белоглиняная поливная керамика и бусы из драгоценных камней. С Ближнего Востока привозился шелк, шерстяные и бумажные ткани, керамика, пряности. Из Средней Азии доставлялись шелковые ткани, украшения и керамика. Привозили товары и из далеких Индии и Китая.

В одежде, вооружении, украшениях, предметах туалета, в материальной культуре алан первых веков нашей эры продолжают доминировать сарматские традиции. Но керамическая посуда и различные типы бытовых парадных и культовых вещей испытывали заметное влияние местных северокавказских вкусов. В погребальном обряде также прослеживается аборигенное влияние. В ряде предгорных районов верховья Кубани, округа Дарьяла, Ичкерии по материалам могильников III – IV вв. фиксируется глубокое смешение пришлых аланских элементов и аборигенов, причем ассимиляционные процессы имеют большие последствия для сарматов-алан.

Аланы стали именно на путь седентаризации и аккумулярации – приобщения к более высокой, традиционно земледельческой культуре автохтонного населения Кавказа. Сплав аланских и кавказских традиций оказался плодотворным и вызвал к жизни ту яркую материальную и духовную культуру, которую мы применительно ко второй половине I – началу II тысячелетия обычно называем аланской.³

Важной стороной аланского наследия является фольклор. Здесь на первом месте, конечно, стоит выдающийся памятник духовной культуры древности, шедевр устно-поэтического творчества – героический нартский эпос. Можно утверждать, что нартский эпос должен быть поставлен в один ряд со скандинавскими и исландскими сагами, карельской «Калевалой». Сейчас нартский эпос бытует у ряда народов Кавказа – осетин, адыгов,

абхазов, абазин, вайнахов. Он известен также балкарцам и карачаевцам, а в «стертом», периферийном виде отмечен у дагестанцев и в горной Грузии, где происходит заимствование. При всем разнообразии содержания нартского эпоса одно из центральных мест занимает тема любви к Родине, бесстрашие и отвага героев в ее защите. Отражены трудолюбие, уважительное отношение к женщине, забота о младшем поколении и его воспитание.

Нет единого мнения по вопросу истоков нартского эпоса. Ученые абсолютизируют роль своего народа в его создании. Как отмечает К.Х. Унежев, «В.И. Абаев и французский ученый Ж. Дюмезиль в своих работах пытаются проводить мнение о скифо-аланском происхождении ядра Нартиады. А такие ученые из Абхазии, как Инал-Ипа, Ш.Х. Салакая, А.А. Аншба, и из Адыгеи – А.М. Гадагатль, придерживаются мнения, что основные сказания эпоса о нартах зародились в среде абхазо-адыгов. При этом следует отметить, что точка зрения первых трех ученых совпадает с мнением таких крупных кавказоведов, как Е.И. Крупнов и Е.М. Мелетинский, а А.М. Гадагатль отстаивает «адыгоцентристскую» теорию зарождения нартского эпоса».⁴

Творческий процесс развития многонационального нартского эпоса Кавказа лучше воспринимать не как метафизическое навязывание культурных достижений одного народа другому, а как сложный диалектический обмен духовными ценностями, как взаимодействие самостоятельно функционирующих фольклорных систем.

Нашествие гуннов существенно перекроило политическую и этническую карту Северного Кавказа. Было уничтожено Боспорское царство, разрушены многие античные города Крыма и Северо-Восточного Причерноморья. Привнесенная гуннами культура наложила свой отпечаток на культуру алан, включив в нее ряд восточных элементов. Распространившийся у алан (а через них у аборигенов Кавказа) обычай искусственной деформации головы, впервые появившийся в III в., однолезвийные мечи – палаши (предтеча сабли), луки с костяными обкладками, седла жесткой конструкции с передней и задней луками – принесены и распространены в степях Юго-Восточной Европы гуннами.⁵ Неоднократные вторжения многочисленных тюркоязычных племен эпохи «великого переселения народов» не только существенно отразились на особенностях социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа, но и положили начало

новому направлению этнических процессов – тюркизации отдельных групп населения региона.

Наиболее мощным политическим объединением, сложившимся в середине VII в. в Приморском Дагестане и восточном Предкавказье, являлся Хазарский каганат. В орбиту созданного хазарами государства были втянуты не только народы Кавказа, но и многочисленные племена кочевников (аланы, гунны, савиры, болгары, тюрки и другие), сменявших друг друга на степных просторах Причерноморья и Прикаспия. Хазария просуществовала более 300 лет – от середины VII в. до второй половины X в. – и оставила о себе память в летописях, географической и исторической литературе.⁶

Укреплению каганата способствовала этническая и языковая близость хазар, болгар и других тюркоязычных племен, объединенных в составе Хазарии. Возведение иудаизма в ранг государственной религии демонстрировало независимость и равноправие Хазарского каганата с Византийской империей и Арабским халифатом, а также было реакцией на попытки этих держав подчинить хазар своим интересам. Однако религия иудеев в силу своей специфики не стала религией не только многих народов, входящих в состав Хазарского государства, но даже и самих хазар в целом.^[6]

Развитию процесса межкультурной коммуникации способствовало проникновение христианства. Заинтересованная в создании прочного военного барьера вдоль своих границ, Византия предпринимала большие усилия для насаждения христианства в Северном Причерноморье и на Кавказе. Уже в начале IV в. христианство проникает в Боспор: в 1898 г. в Керчи было найдено христианское надгробие с именем Евтропия и датой 304 г.; на Вселенском соборе в Константинополе в 325 г. присутствовал епископ Боспора Кадм. В Боспоре исследован ряд усыпальниц-катакомб V в., на стенах которых нанесены краской кресты и надписи христианского содержания.

О проникновении христианства в среду гуннов и других племен равнинного Дагестана свидетельствуют и обнаруженные в Верхне-Чирюртовском городище остатки часовен, золотые и керамические кресты. В тот же период христианство начинает проникать в горы Дагестана. Заметную роль в распространении христианства на Северном Кавказе начинает играть Грузия, где впервые христианство введено св. Григорием Армянским и св. Ниной. Христианизацией Северного Кавказа еще в IV в. занимал-

ся грузинский царь Вахтанг Гурген-Аслан. Впоследствии Грузии удалось подчинить влиянию христианской церкви часть адыгов. Грузинские летописи свидетельствуют о том, что VI Вселенский Собор, проходивший во время правления грузинского царя Адарнаса I (613–639 гг.), подчинил Мцхетскому патриаршему престолу Осетию и Черкессию. В таком же духовном подчинении осетины и черкесы находились и при другом грузинском царе – Стефане II (639–663 гг.).

В 858 г. византийский император Михаил III направил в Хазарию для проповедования Евангелия преподобных Кирилла и Мефодия. На пути из Византии в Хазарский каганат они посетили Северный Кавказ, где вследствие этого усилилось движение в пользу христианства. Благодаря религиозной веротерпимости хазар, христианское учение пустило здесь глубокие корни. Русские источники прямо указывают на существование христианского храма в древнем хазарском городе Маджары на реке Куме.

Греческое влияние на Северном Кавказе сменяется влиянием Русской православной церкви. Ее просветительская деятельность началась практически сразу после крещения Руси. В ту пору греческие колонии у Керченского пролива – Киммерийского Босфора – объединились в союз, называвшийся Таматархией (по-русски Тмутараканью), с центром на Таманском полуострове. Вместе с основанием Тмутараканского русского княжества возникла и первая русская епархия на Северном Кавказе. В состав этой епархии, просуществовавшей около 100 лет, вошли не только русские, но и греки, и косоги. «Тмутаракань была при русских крупным культурным центром, здесь строились монастыри, велись летописи, производились записи событий на мраморных досках. Русские при постройке и украшении церковей стали использовать кавказские орнаментальные мотивы и даже приглашали кавказских иконописцев, в частности обезов-абазин, писать иконы».⁷

Не остались вне влияния христианства и аланы – древние предки осетин. Автор труда «Христианство в Осетии» А. Гатуев считает, что уже в VI в., во времена правления Юстиниана Великого, греческие миссионеры распространяют среди алан христианское учение.

Монголо-татарское нашествие в первой половине XIII в. в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона. Оно привело к значительным перемещениям и смешениям

различных этнических групп Северо-Кавказского края, так как не уничтоженные и не покоренные при первых монголо-татарских походах кавказские племена вынуждены были уходить в безопасные места.

С приходом половцев древнее тюркоязычное ядро, сложившееся еще в хазарский период в результате ассимиляции автохтонных дагестанских племен булгарами, савирами и другими тюрками, превратилось в тюркоязычную зону. Сложнейшие этнические процессы, связанные с происхождением карачаевцев, балкарцев и кумыков, нашли отражение в особенностях языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры этих народов. Карачаево-балкарский и кумыкский языки относятся к кыпчакской группе, точнее – к кыпчако-огузской подгруппе тюркской семьи языков. Вместе с тем в языке карачаевцев и балкарцев отмечены существенные элементы иранского (аланского или осетинского) и исконно кавказских (например, сванского) языков, а у кумыков – языков коренных народов Дагестана: аварцев, лакцев, лезгин и т. д.

В XVI – XVII вв. диалог России и народов Северного Кавказа носил в целом взаимообогащающий характер, преимущественно ознакомительный, который в политическом плане, несмотря на периодические конфликты, выражался в союзно-вассальных отношениях и в постепенном нарастании пророссийской ориентации. На Северном Кавказе с этого времени идет активный процесс роста русского населения, включая казаков. В контактной зоне взаимообогащение традиционной русской и северокавказских культур происходило в хозяйственно-бытовой сфере, продуктом антропологического и культурного синтеза становится терско-гребенское казачество, которое начинает играть посредническо-передаточную роль в цивилизационно-культурном диалоге России и Северного Кавказа.

Близкое соседство, хозяйственная взаимосвязь, всевозрастающие и укрепляющиеся торгово-экономические связи между народами Северного Кавказа и Закавказья способствовали росту взаимовлияния материальной и духовной культур. Камнерезы Аварии переняли от грузинских мастеров «хопищан», то есть копьевидный узор, вид орнамента, употреблявшийся в грузинской средневековой резьбе по камню. Ковроделы Южного Дагестана заимствовали ряд ковровых орнаментов у азербайджанских и армянских мастериц. У народов Северного Кавказа встречаются

песни, аналогичные хевсурским, пшавским, тушинским, грузинским и азербайджанским. Много общего также в танцевальном и музыкальном искусстве. Семейный уклад, музыка, танцы и фольклор, особенно горского населения, соседствующего с Грузией и Азербайджаном, развивались под благотворным влиянием культуры этих народов.⁸

Особенно близкими и систематическими были отношения Грузии и Осетии. Грузинские цари всячески стремились укрепить христианство в Осетии: постоянно посылали туда миссионеров для проповеди христианства и отправления богослужения, строили храмы, преобразовывали «капища».

Культовые и календарные обряды на Северном Кавказе имеют опосредствованную связь с трудовой практикой. У всех народов Северного Кавказа их репертуар весьма богат и разнообразен. Имеются лишь незначительные отличия песен, музыки и танца между земледельческими и скотоводческими формами труда, притом это отличие выражается главным образом в тематическом плане, а не в формах их бытования. У земледельцев более широко отмечаются празднества, связанные с растительным миром: день весеннего равноденствия, первый выход плугарей в поле, окончание сева, созревание колосьев, уборка, молотба и т.д. У животноводов же отмечаются выпуск в отару барана-производителя (кочкар), стрижка скота, прядение шерсти, сбивание масла, выборка сыра, выделка войлока, бурок и т.д. У каждого народа эти циклы работ освещались специальными обрядовыми установлениями, торжественность которых подчеркивалась песнями, музыкой и танцами. Характерной особенностью этих видов горского песенного творчества является то, что в нем почти не затрагивается сам процесс труда. Песни подобного жанра отличаются не показом (текстовым рассказом) механики самого производства, а воспеванием нередко посторонних предметов, идеализацией сопричастных предметов и явлений.

Своеобразным является процесс взаимодействия горских культур с казачьей культурой. С самого начала своего образования северокавказское казачество отличалось пестрым этническим составом, о чем говорят официальные правительственные документы, сообщения путешественников и «сказки» самих казаков. В городках-крепостях по Тереку и Сунже наряду с русскими проживали кабардинцы, ногайцы, кумыки, чеченцы, ингуши. И это не могло не сказаться на материальной и духовной культуре различ-

ных групп северокавказского казачества, что является примером географического фактора взаимодействия культур. Происходил синтез трех культур: великорусской, украинской и северокавказской.

Естественно, что в быт и традиции казачества проникли самые разнообразные элементы культуры местного населения. В свою очередь, русские и украинские элементы культуры со временем проникали в среду соседнего горского населения, способствуя инфильтрации и взаимообогащению культур северокавказских народов и русского населения края. Гребенцы ставили свои дома по-русски, но они заимствовали у горцев, в частности у кабардинцев, сам характер внутреннего убранства дома: в одном углу было собрано и развешано по стенам оружие и доспехи, в другом – возвышались постели и одеяла, сложенные ровными кипами, а на самом видном месте красовалась на полочках тщательно вычищенная и парадно расставленная посуда. Одновременно в доме стояли традиционная русская печь с широким устьем, просторные лавки, по-кавказски покрытые коврами, стол, а в красном углу возвышался киот с образами.

В одежде терских и кубанских казаков, где преобладает восточнославянский покррой, можно проследить некоторые локальные отличия. Например, в восточных и западных районах Северного Кавказа у кубанского казачества в одежде рельефнее проступают украинские черты, в то время как в станицах по Тереку и в отдельных казачьих селениях Восточной Кубани заметнее русские черты и сильнее чувствуется местное кавказское влияние.

Старинной верхней одеждой мужчин был чекмень-зипун («свитка», «жупан» у кубанцев). Одновременно такая одежда являлась и форменной для северокавказского казачества. Головным убором у казаков чаще всего была шапка куполообразной формы, широко распространенной у татар и ногайцев (колпак), а затем и меховая папаха (типа «кубанки»), такая же, как и у соседних горских народов Северного Кавказа. Обувь – лапти, сапоги, башмаки, «ходаки» из сыромятной кожи с пришивной подошвой (типа бродней) и черевички. Кроме того, казаки часто на местный манер подвешивали к кавказскому поясу кинжал и саблю (с которыми не расставались никогда) и носили кушак. Со временем «кавказские» черты в одежде гребенцев и терцев усиливаются, как об этом писал в XVIII в. И.-Ф. Миллер. По его словам, одежда и оружие казаков были «на черкесский манер».

В числе украшений отмечены украинские монисты, ленты и т.п. Обычной же верхней одеждой казачек на Тереке являлся женский зипун, ладно облегавший фигуру, на металлических застежках по кавказскому образцу. Голову принято было покрывать домотканым платком, из-под которого видна «кавказская» шапочка, поскольку без головного убора женщина, как и у горцев, не имела права показаться на улице и даже быть дома простоволосой в присутствии свекра и свекрови. Украшений казачки носили много: серебряные пояса, серьги, бусы (монисто), кольца, чеченские и дагестанские браслеты, в чем явно прослеживалось кавказское влияние (особенно у гребенцев).

Часть браков вначале, судя по некоторым данным, заключалась в результате умыкания невест у соседей-горцев, часть совершалась по добровольному согласию. Во многих случаях казаки имели возможность вступить в родственные отношения с семьями «показавшихся» выходцев из среды местных народов, прибывавших на постоянное жительство в казачьи городки, а также с их родственниками и кунаками, остававшимися в горских обществах.

Одной из примечательных черт большой казачьей семьи стала обособленность и замкнутость традиционного казачьего быта, помогавшая сохранению патриархальных нравов и традиций в казачьих семьях – особенно у казаков-староверов. Большое значение у казаков придавалось скрупулезному соблюдению многочисленных родильных обрядов, поверий и запретов, в целом схожих с обычаями восточных славян (хотя и с включением некоторых магических элементов, заимствованных у горских народов).

При лечении болезней в казачьих селениях пользовались услугами горских лекарей-хакимов, приемами и лекарствами традиционного врачевания горцев, восходящими к арабской медицине. Некоторые казачьи лекари и знахари, особенно старики, были хорошо известны за пределами родных станиц, и к ним нередко обращались за помощью и горцы.

Куначество и гостеприимство играли в жизни народов Северного Кавказа важную роль. Благодаря этим институтам развивались экономические, культурные, брачные связи, взаимно обогащались культура и быт горцев и народов всего Кавказа. В течение XIX – XX вв. в жизни народов Северного Кавказа произошли коренные изменения. Этот период отмечен вхождением северокавказских этносов в состав России. Здесь возникла целая

гамма позитивных моментов, но возник и целый комплекс проблем, имеющих конфликтогенный потенциал.

Вхождение народов Северного Кавказа в состав России привело к более тесному взаимодействию культуры России и кавказских этносов, наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру, литературу, искусство, общественную мысль, расширило горизонты познания, внесло мощную струю в жизнь народов Кавказа, их материальную и духовную культуру.

В результате происходивших в первой половине XIX в. прогрессивных в своей основе изменений в экономике и культуре народов Северного Кавказа появилась потребность в создании национальной письменности. Первый, но ограниченный словарный материал адыгейской письменности собрал и опубликовал в начале XVIII в. шведский военнопленный в России Штралберг. Несколько больше сделал академик Гюльденштенд в 1773 г. В бумагах академика Палласа (конец XVIII в.) имеются четыре черкесских глоссария. В словаре второй половины XVIII в., составленном в России, помещен раздел с кабардино-черкесским языком. Собираание словарных материалов продолжалось и в XIX в. – Клапротом, Тебу де Мариньи, Дж. Беллом и другими учеными. Первая попытка создания адыгейской письменности относится к самому началу XIX в.: ее предпринял Хаджи Нотак Шеретлуков, однако без успеха. Лишь с конца 20-х гг. XIX в. начались реальные попытки создания адыгской письменности. И здесь шла борьба между русским и арабо-мусульманским влиянием. Был создан ряд проектов алфавита. Решающее влияние в этом процессе оказали русские ученые.

Первый черкесский алфавит на русской графической основе был составлен Грациловским в 1829 г. В 1840 г. Люлье составил на той же основе новый вариант черкесского алфавита и через шесть лет издал грамматику и русско-французско-черкесский словарь. В 1855 г. адыгский просветитель Умар Берсей составил алфавит на арабской основе и опубликовал в Тифлисе литографическим способом «Букварь черкесского языка». В 60-х гг. XIX в. известный русский кавказовед Услар составил алфавит черкесского языка на русской графической основе. В Дагестане дальнейшее развитие в это время получила письменность на местных языках и на арабской графике (так называемая аджамская система письма).

В это же время с помощью русских ученых и интеллигенции были сделаны попытки создания письменности у осетин. Станов-

ление первой научной грамматики осетинского языка, публикация ряда содержательных работ по этнографии народов Северного Кавказа связана с именем академика А.М. Шегрена. В 1844 г. в издательстве Академии наук вышел его труд «Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским», не потерявшим до сих пор своего научного значения. Осетинский алфавит на русской основе, составленный Шегреном, сыграл большую роль в развитии осетинской письменности.⁹

В первой половине XIX в., когда региональная политика пользовалась поддержкой в правительственных кругах, обеспечивалась возможность (и даже считалось необходимым) для русских изучать местные языки. Наместник Кавказа генерал И.И. Воронцов-Дашков придерживался мнения, что делом первой важности для края является «непременное и безусловное обучение всех учащихся русских по крайней мере одному из туземных языков». Мера эта в своей основе имела политическую направленность (готовить управленческий аппарат, знакомый с местными условиями), однако не приходится отрицать ее позитивной практической значимости. Данная историческая традиция оказалась прерванной в последующие периоды, в том числе в советский. В XIX в. решения об изучении языков принимались неоднократно. 10 мая 1835 г. в дополнение к ранее принятому (1829 г.) «Положению о Закавказских училищах» принимается новое решение, в котором было зафиксировано требование «относительно изучения местных языков детьми русских чиновников Закавказского края». Местные языки изучались в Ставропольской, Кубанской гимназиях и других учебных заведениях.

Большую роль в развитии лингвистической культуры, придании этому процессу демократической направленности сыграли адыгские просветители и российские деятели народного образования, работавшие на Кавказе. Квинтэссенция учения адыгских просветителей о национальной школе состояла в том, чтобы грамотность распространять главным образом с помощью родного языка. В свою очередь это должно было способствовать быстрейшему распространению грамотности, которая могла бы приобщить людей к русскому языку, науке и культуре. Адыгскими просветителями активно и настойчиво исследовались проблемы, которые названы в современной науке «всеобщим двуязычием». Они отвергали деление языков на важные и неважные, главные и второстепенные, полезные и бесполезные. Однако процессы эти

не обрели устойчивой тенденции. Школа все больше становилась орудием государственной политики, политики ассимиляции местного населения. Вопрос о языке преподавания разрешался в геополитических интересах России. «Цель инородческого образования, – писал Д.А. Толстой, – сближение инородческих племен с господствующим русским населением, постепенное слияние их с русской цивилизацией». Такая политика проводилась во многих странах: Великобритании, США, Турции и других.

Начало отказа от региональной политики в сфере образования относится к 1853 г., когда вышло «Положение о Кавказском учебном округе», предписывавшее постепенное введение в крае той же системы просвещения, что и в целом в России. Хотя в учебные программы еще включалось преподавание местного языка и краткой истории, но на эти предметы отводилось все меньше времени. В результате в конце XIX в. изучение местных языков, а тем более обучение на них, считается делом уже совершенно излишним.

Литература также является фактором межкультурного взаимодействия. Русская художественная литература начала писать о Кавказе еще в XVIII в. С первых десятилетий XIX в. интерес русского общества к Кавказу сильно возрос. Наряду с книгами краеведческого характера стали появляться и художественные произведения о народах Северного Кавказа. На новом материале, почерпнутом из кавказской действительности, русские писатели создавали в своих произведениях исполненные реалистической силы образы простых горцев и тем самым способствовали росту интереса и симпатии общественности России к горским народам Кавказа.

Одним из первых в XIX в. к кавказской теме обратился В.Т. Нарезный. В своем романе «Горный год, или Горские князья» он в иносказательной форме подверг критике кавказскую администрацию.¹⁰ В романе А.А. Шишкова «Кетевана, или Грузия в 1812 г.», посвященный предыстории восстания крестьян в Кахетии, включены эпизоды из жизни горцев Дагестана. В поэмах «Дагестанская узница» и «Лонский» Шишков дает интересное описание горцев. Он верит, что со временем кавказские горцы целиком отдадутся мирным занятиям.

Большой вклад в развитие литературы и научных знаний о Кавказе внесли декабристы, сосланные туда и проживавшие среди его народов многие годы. Прежде всего – А.А. Бестужев-Мар-

линский. Кавказская тематика занимает в его творчестве одно из главных мест. Горцам Северного Кавказа посвящены «Письма к доктору Эрману», «Письма из Дагестана», повести «Аммалатбек», «Мула Нур», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Шах Гусейн» и другие.

К поэтам романтического направления, писавшим о народах Северного Кавказа, относится И.Т. Радожитский, хорошо знавший горцев. Он не был профессиональным литератором, а, служа в армии, попутно занимался литературой, этнографией и ботаникой. Им написаны «черкесская повесть в стихах» под названием «Али-Кара-Мирза», повесть «Кыз-Брун» по мотивам кабардинского фольклора. Эти произведения стали колыбелью литературы о Кавказе.

А.С. Пушкин побывал на Северном Кавказе трижды и стал, в сущности, первооткрывателем Кавказа в русской литературе. Для самого поэта величавая, прекрасная природа Кавказа была источником прежде не испытанного вдохновения. Под впечатлением пребывания на Кавказе написаны «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии», «Дом», «Калмычке», «Дорожные жалобы» и «Кавказ подо мною».

В подражательном духе пушкинскому «Кавказскому пленнику» написана поэма П. Иноземцева «Зальмара» и другие его произведения.

В 1842 г. издается «Последний Хеак» В. Зотова. Это произведение посвящалось памяти А.С. Пушкина, А.А. Бестужева-Марлинского и М.Ю. Лермонтова. Поэт относится к горцам с любовью и состраданием, его симпатии и сочувствие на стороне раба Хеака и его престарелого отца. Натухаевцев (одно из адыгских племен) он называет «Кавказа храбрые сыны», а племя хеаков – «племенем удальцов».

Основу литературы о Кавказе и его народах в первой половине XIX в. составляет творчество А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и А.И. Полежаева. Выдающийся русский поэт А.И. Полежаев (1804 – 1838) был сослан на Кавказ за сатирическую поэму «Сашка». С 1824 г. он служил рядовым Московского полка на Северном Кавказе. Здесь он написал стихи и романсы «Ночь на Кубани», «Черная коса», «Тарки», «Пышно льется светлый Терек», «Акташ-Аух», «Казак», «Из послания к А.П. Лозовскому», поэмы «Эрпели», «Чир-Юрт», «Герменчугское кладбище» и другие. В них дано правдивое изображение жизни народов

Северного Кавказа. Здесь поэт мечтал о счастливой стране, где бы люди жили не врагами, без права силы и войны.

С Кавказом неразрывно связана судьба великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Он хорошо знал историю, фольклор, нравы и обычаи народов Кавказа. Начиная с юношеских лет Лермонтов увлеченно и покоряюще пишет о горцах. Им посвящены множество поэм и стихотворений: «Черкесы», «Кавказский пленник», «Каллы», «Аул Бастунджи», «Хаджи Абрек», «Демон» и другие. Фольклорные источники использовались поэтом для выражения его основных мотивов и идейно-художественных устремлений, способствующих воссозданию национального характера, для историко-этнографических деталей и эпизодов произведений.

Значительным было влияние на горцев побывавших на Кавказе русских писателей. Известно, что, находясь в Дербенте, А.А. Бестужев-Марлинский был в дружбе с «алимами» Назарали Абдуллой, Мирза-Магомедом и другими. Близок он был и со многими местными жителями, встречался и с горцами во время многократных поездок в нагорный Дагестан и всегда оказывал благотворное влияние, способствовал расширению их знаний о России и русском народе. В Дагестане Н.Н. Муравьев составил турецкую грамматику и словарь языка тарковских кумыков. По этой грамматике и словарю изучали кумыкский язык А.П. Ермолов и А.С. Грибоедов. В Тарках Н.Н. Муравьев занимался археологическими изысканиями и сбором этнографического материала. Важным моментом в развитии общественной мысли и науки явились исторические сочинения адыгских ученых. «История адыгских народов» выдающегося историка Кабарды Ш.Б. Ногмова была основана на большом и ценном фольклорном материале и других исторических источниках. Труд Ногмова был завершён в 1843 г., а в 1844 г. он повез свою «Историю» для представления в Российскую Академию наук.

В своем труде Ногмов старался осмыслить исторические корни дружбы России и Кабарды, он прославлял их многовековое содружество, рассказывал о совместной борьбе против иноземных захватчиков. Присоединение адыгов к России в 1557 г. Ногмов рассматривал как важнейшее событие в истории адыгов: «Народ был обрадован союзом и покровительством России». Он осуждал междоусобицы князей: «Сами князья были причиной бедствий своей Родины; спор за право владения никогда не прекращался.

Не находя достаточно сил в земле своей, они призывали чуждые племена и под предлогом, что отыскивают законное достояние, предавали свою землю на разграбление иноплеменникам». Эти слова Ногмова актуальны для Северного Кавказа и сегодня.

Особое место в творчестве зарождающегося на Северном Кавказе просветительства занимали вопросы, связанные с отношением к России. Адыгские деятели Хан-Гирей, султан Адиль-Гирей, Казы-Гирей, Ш.Б. Ногмов, У. Берсей последовательно выступали за сближение с Россией, усматривая большой прогресс в развитии экономики и культуры горских городов в составе России, которая стояла на более высокой ступени развития. В своих произведениях просветители прямо и недвусмысленно писали о решающей роли России в обороне и защите горцев от иноземных завоевателей – шахского Ирана и султанской Порты.

В 1841 г. в журнале «Русский вестник» была опубликована первая историческая повесть – «Черкесские предания» – видного адыгского писателя Хан-Гирея. В ее основу легли местные предания, повествующие о борьбе адыгов с иноземными захватчиками. Его перу принадлежат также очерки «Князь Канбулат», «Наездник Кунчука», «Князь Пшьской Аходягоко», в которых в художественных образах воплощены жизненные противоречия, изображена деятельность горцев, социальных типов.

Несколько художественных произведений в русской прессе опубликовал в эти же годы видный адыгский писатель Адиль-Гирей. В основу его рассказов «Сулейман-эфенди», «Жена черкеса», «Рассказ аварца» и других положены подлинные события.¹¹ При этом он умело облакает изображаемые события в художественную форму, используя для этого то диалог с зачином и концовкой, то эпистолярный жанр. В 1848 г. в журнале «Современник» был издан «Рассказ лезгинца Асана о похождениях своих» В.И. Даля. Кавказская тематика привлекла внимание журнала «Современник»: «Всякая весть о Кавказе, какая бы она ни была, недостаточна и обрывочна, возбуждает живейшее любопытство», ибо события, происходившие на Северном Кавказе, вызывают «важные изменения для будущих сношений между народами».¹²

Большое влияние на жилище горцев оказала русская домостроительная культура. Еще в XVIII в. горцы, жившие на равнине, строили дома русского типа с прихожей, коридором, сенцами, печкой и т.п. В первой половине XIX в. эта традиция получила дальнейшее распространение. Более того, дома строились

с застекленными окнами, повсюду в горах и на равнине дверные или оконные проемы стали просторнее: появилась дверная коробка, к которой двери прикреплялись с помощью петель, земляные полы заменялись деревянными и т.д. Изменялась обстановка и внутреннее убранство жилья у имущих горцев за счет притока покупных предметов (стулья, столы, шкафы, сундуки и т.п.) фабричного изготовления. Увеличивалось количество привозной домашней утвари, посуда железная, медная, стеклянная и фаянсовая проникала в самые отдаленные горные районы.

Подъем культуры вел к объединению сил интеллигенции, основанию различных ученых обществ. Города Северного Кавказа стали центрами школьного образования. Число учебных заведений было невелико, а учиться во многих из них, особенно в гимназиях и кадетских корпусах, могли главным образом дети зажиточных родителей. Гимназии были во Владикавказе и Екатеринодаре, в Грозном и Баталпашинске. Кроме того, во Владикавказе было открыто музыкальное училище, в Майкопе – реальное и техническое училище, в станице Лабинской – учительская семинария. В Грозном в 1914 г. функционировали реальное училище, женская гимназия, ремесленная школа, горская школа, женское 4-классное училище и Пушкинское 6-классное, в Темир-Хан-Шуре – реальное училище и женская гимназия, в Порт-Петровске – городское училище, в Дербенте – городское училище и женская гимназия. Кроме того, для детей горцев имущих сословий были открыты специальные вакансии в гимназиях и реальных училищах других городов Кавказа.

Ставропольская гимназия первой начала готовить национальную интеллигенцию не только для ближайших горских народов, но и для всего Северного Кавказа. В ней учились карачаевцы и черкесы, абазины и ногайцы, кабардинцы и осетины, чеченцы и ингуши, дети народов Дагестана.

Центрами просветительства, распространения передовых идей были библиотеки городов Северного Кавказа. Их фонды знакомили молодежь и всех читателей с положением народных масс, жизнью других народов и стран, с работами великих мыслителей, замечательными произведениями демократической русской литературы. Богатыми фондами отличались библиотеки Ставрополя и Владикавказа, Пятигорска и Екатеринограда, Майкопа и Темир-Хан-Шуры. Только в школьной библиотеки Темирханшуйского реального училища насчитывалось 11 тыс. томов.¹³

В Порт-Петровске в 1900 г. была открыта Публичная библиотека им А.С. Пушкина. Майкопской городской библиотеке было присвоено имя Л.Н. Толстого в честь 80-летия великого писателя. Майкопская городская дума выделила средства для обеспечения библиотеки и ее филиалов (в учебных заведениях) произведениями Л.Н. Толстого.

Появление театра на Северном Кавказе способствовало интенсивному взаимодействию культур. Русский театр помог зарождению национальных театров, русские школы были источниками знаний. Знакомство горских народов с русской культурой, а через нее и мировой, шло главным образом через города Северного Кавказа, ставшие не только экономическими, но и культурными центрами края.

Первым русским театром на Кавказе был ставропольский. Труппа не ограничивала своей деятельности Ставрополем, а выезжала с гастролями в другие города Северного Кавказа и Закавказья, в том числе и в Тифлис. Гастролировала она и во Владикавказе, где произвела такое впечатление, что жители этого города стали хлопотать об открытии своего театра, просили антрепренера ставропольской труппы помочь подобрать труппу и для будущего Владикавказского театра.

Открытие театра во Владикавказе стало крупным событием в культурной жизни Северного Кавказа. Первым спектаклем стал «Маскарад» М.Ю. Лермонтова. Большим успехом пользовались пьесы «Гроза» и «Бешеные деньги» А.Н. Островского, «Разбойники» Ф. Шиллера, «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского. Любительские труппы возникали в Грозном. Грозненский театр постановкой пьес А.П. Чехова и Л.Н. Толстого пробудил интерес к сцене у широкой группы любителей. Самым ценным было то, что любительские труппы появились не только в среде интеллигенции, но и среди рабочих нефтяных промыслов. Любительскими спектаклями в Грозном, Владикавказе, Кизляре руководил выдающийся русский актер и режиссер Е.Б. Вахтангов. Он поставил в Грозном пьесу Г. Гауптмана «Праздник мира, или Вольные люди» о распаде буржуазной семьи и пьесу А.П. Чехова «Дядя Ваня».

В 1912 г. в Грозном на сцене местного парка был поставлен спектакль «На вечеринке» на чеченском языке, в котором участвовал ведущий, пояснявший на русском языке все, происходившее на сцене. Автором и режиссером этого спектакля был Назарбек Шерипов. Наряду с автором в пьесе выступали три местных

любителя-артиста, чеченцы, а также танцоры и танцовщицы. По сообщению печати, пьеса была написана великолепным драматургическим языком. К ней проявляли большой интерес и русские, и чеченские зрители.

Музыкальные мелодии и пляски Кавказа обогатили русскую оперу и балет, о чем говорят произведения М.И. Глинки, Н.Г. Рубинштейна, М.А. Балакирева, Ц.А. Кюи и других композиторов. Место Кавказа и горских народов в культуре России велико, оно еще далеко не полностью раскрыто и должно стать предметом специальных исследований. Обогатившись кавказскими влияниями, русская культура, со своей стороны, оказывала сильное воздействие на культуру горских народов Северного Кавказа. С вовлечением народов Северного Кавказа в экономическую, политическую и культурную жизнь России видоизменилась и их богатая самобытная культура. Процесс этот был медленным, но к концу XIX в. привел к заметным результатам. Большой вклад в культуру Северного Кавказа внесли певцы и композиторы Ф.И. Шаляпин и Л.В. Собинов, С.В. Рахманинов, поражали своей игрой драматические актеры и актрисы М.Г. Савина, В.Ф. Комиссаржевская, Г.Н. Федотова и В.И. Качалов.

Образы Кавказа внесли новые мотивы в русскую живопись. Замечательными творениями являются полные поэзии рисунки и картины М.Ю. Лермонтова, полотна художников П.З. Захарова–Чеченца, Г.Г. Гагарина, Ф.А. Рубо, Е.А. Лансере, В.В. Верещагина, созданные в XIX в. В городах Северного Кавказа возникали художественные кружки, организовывались выставки. Екатериноградский художественный кружок избрал своим почетным членом Л.Н. Толстого, вел переписку с И.Е. Репиным. Картины К.Л. Хетагурова – поэта, просветителя, борца – были полны любви к родному краю, его трудолюбивым людям. Особенно известны его полотна «Дети-каменотесы», «За водой», замечательные портреты. Талантливым живописцем был Ислам Крымшамхалов, создавший прекрасные пейзажи родного Карачая. Редким исключением была судьба чеченца, академика живописи П.З. Захарова, которому удалось закончить Петербургскую академию художеств.

В конце XIX – начале XX вв. в развитии материальной культуры Северного Кавказа наблюдались две тенденции: с одной стороны, в ней сохранились лучшие национальные традиции прошлого, которые обогащались новыми элементами, появившимися

в результате культурного общения с городом и соседними народами, и особенно русским. В процессе такого творческого сочетания традиционного и нового целостный характер народной культуры получал дальнейшее развитие. С другой стороны, в различные виды материальной культуры (архитектура, одежда, убранство дома и другие) проникали элементы городского быта, обусловленные сходными условиями производства и потребления.

Такие деятели горских народов Северного Кавказа, как Х. Уруймагов (Осетия), И. Крымшамхалов (Карачай), Т. Эльдерханов (Чечня) и многие другие, указывали на значение русской культуры и русского языка в прогрессивном развитии горцев, выступали за широкое распространение русской грамоты среди своих народов. Они также отмечали важную роль, которую должен был сыграть русский язык в экономическом и духовном развитии народов Северного Кавказа.

К концу XIX в. на Северном Кавказе вырос довольно многочисленный отряд национальной интеллигенции. Этому в значительной мере способствовало развитие исторической науки горских народов. В этом отношении следует отметить роль русских ученых, оказавших большое влияние на пробуждение научной мысли и влиявших в том числе на зарождение исторической науки. Интерес к национальной истории кавказских народов выразился в сборе историко-этнографического материала и написании исторических трудов, не потерявших научного значения и поныне.

Важным фактором взаимодействия культур на Северном Кавказе стали достижения в области науки. Содержательные статьи Е. Баранова, Н.П. Тульчинского, Б.М. Городецкого, Ф.А. Щербины, Я. Абрамова (о землевладении и землепользовании); А.Н. Дьячкова-Тарасова, П.П. Короленко, Е. Фелицына, Г.Н. Прозрителева (о кордонных линиях, об освоении края), обобщающие работы Е. Максимова, Г.А. Вертепова, Е.И. Козубского, Н.А. Караулова, М.З. Кипиани, В.Я. Тепцова, В.М. Сысоева, Е. Фелицына, К.Ф. Гана, Н.Я. Динника являются ценным вкладом в дореволюционную историческую науку о горцах.

В конце XIX в. был завершен крупный труд Гасана-эфенди Алкадари «Асари Дагестан», представляющий собой, по словам академика В.В. Бартольда, талантливо написанную работу, содержащую «много ценных сведений, особенно по части новой истории Дагестана». Им написано также сочинение автобиогра-

фического характера «Диван Ал-Мамнун» и философский труд «Джираб Ал-Мамнун».

Развитие национальных культур на Северном Кавказе означает выявление всего лучшего, что имеется в духовном арсенале каждой нации этого региона, раскрытие всех внутренних ресурсов, а также и заимствование наиболее ценного из культур других народов, обогащение их опытом, достижениями. Развитие выступает своеобразным синтезом количественной и качественной определенности национальных культур, открывает широкие перспективы их неуклонного сближения.

В XX в. на Северном Кавказе произошли большие перемены: в 20-е годы, с одной стороны, Советское государство решает просветительские задачи в области культуры: критическое усвоение и переработка культурного наследия прошлого, перестройка всей системы народного образования, перевоспитание старой и создание новой народной интеллигенции. Первоочередной задачей культурной революции являлась борьба за ликвидацию неграмотности населения, что явилось первым шагом в ее развитии, первое предварительное условие формирования нового человека. С другой стороны, все реформирование сферы культуры шло под знаком новой идеологии: борьба с религией и церковью, вследствие чего были закрыты церкви, мечети, медресе. Антирелигиозная политика настроила многих верующих против Советской власти.

Проблема выравнивания национальных культур – это прежде всего развитие творческих сил и способностей всех без исключения этносов, выход культур ранее отсталых наций на уровень развития передовых. Эти процессы можно назвать, говоря языком западных исследователей, процессом «мобилизации», которая была связана с социалистической идеологией, но результатом был выход культур ранее отсталых наций на уровень развития передовых.

В 1923 г. с помощью ведущих ученых Москвы и Ленинграда были введены письменные языки горцев.

Созданием письменности на Северном Кавказе занимался интернациональный коллектив: наряду с местными учеными – З.К. Мальсаговым, У. Алиевым, Х.Д. Ошаевым, Г.Д. Сердюченко, Т.З. Табуловым, А. Джанибековым, Ф. Абдужадиловым – участвовали русские лингвисты И.Ф. Яковлев, Л.Г. Лопатинский, Н.В. Беляев, А.А. Фрейман, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденберг.

К концу 1921 г. в Горской республике действовали 172 школы, в Кабарде и Балкарии – 84. Решением первого областного

съезда Советов (6–9 декабря 1922 г.) вводилось преподавание на национальном языке в школах первой ступени.

Были достигнуты большие успехи и на других участках культурного строительства. В 1927 г. на Северном Кавказе действовало 1 642 библиотеки, 1824 клуба и избы-читальни, 33 музея, 27 театров, 544 киноустановки, 10 вузов, 63 техникума, 5 рабфаков, в которых учились 25 415 человек, а также 187 школ ФЗУ и профшкол, количество учащихся в которых составляло 14 151. Полностью всеобщим был введен в 1931/32 уч. г. В городе Ordжоникидзе функционировали уже филиал политехнической сельской Академии им. Андреева, Горский педагогический техникум, Горский политехникум путей сообщения, Горский финансово-экономический, кооперативный техникумы и другие. Из общего числа учащихся 65 % принадлежали к горским народам. К 1937 г. в Адыгейской автономной области насчитывалось начальных школ – 164, неполных средних – 41 и средних – 15, в которых насчитывалось 45 тыс. учащихся.

В Карачае имелось 10 средних, 42 семилетних и 44 начальных школ, в которых обучались 25,3 тыс. учащихся. В Черкесии функционировало 70 начальных и 25 семилетних школ. В Кабардино-Балкарии число учащихся во второй пятилетке выросло с 38,3 до 61,7 тыс., было осуществлено всеобщее семилетнее обучение.

Лингвистический фактор также сыграл существенную роль во взаимодействии культур. На Северном Кавказе была создана письменность на абазинском, аварском, карачаево-черкесском, кумыкском, лакском, лезгинском, ногайском, осетинском, табасаранском, черкесском языках.

В 1936–1938 гг. все северокавказские республики перешли на русскую графику.

Сближению этнических культур способствовало обращение к разнообразному этническому материалу. Так, некоторые произведения советских композиторов созданы на основе чечено-ингушского фольклора: «Чеченская сюита для хора» в капелле А. Давиденко, сюита для струнного квартета на чечено-ингушские темы, «Увертюра на ингушские темы» и симфоническая сюита на чеченские темы Речменского, чечено-ингушские мелодии использованы в струнном квартете С.П. Рязова, «Джигитовка» – в сюите «Семья народов» М.В. Коваля. В осетинских операх «Коста» Х. Плиева, «Азу» И. Габараева, пронизанных элементами фольклора, введены русские песенные мелодии и т.д.

В Дагестане, где раньше из тридцати народностей ни одна не имела письменной литературы, ныне выходят книги на аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, табасаранском, татском языках. Расцвет, сближение и взаимообогащение духовной жизни наций в наше время происходят в разнообразных формах, органически вплетаются в нашу жизнь, которая становится богаче, содержательнее, ярче.

Важное значение в сближении культур в российской цивилизации имеет творческое содружество писателей, композиторов, других мастеров искусства национальных республик и областей, обмен театральными, хоровыми, музыкальными, танцевальными и другими творческими коллективами, проведение декад, недель и месячников искусств, обмен выставками, радио- и телепередачами, развитие научных связей, обмен кадрами специалистов.

В процессе такого взаимодействия создаются интересные произведения художников различных этносов. Так, у народов Карачаево-Черкесии большой популярностью пользуются песни карачаевского поэта Азамата Суюнчева, написанные им в соавторстве с композиторами Борисом Карахановым из Москвы, Абидином Байчеккуевым из Нальчика, Умаром Тхабисимовым из Майкопа и местными мелодистами Маджитом Ногайлиевым и Мустафой Мамчueвым.

В 20-х гг. в крае был создан Терский филиал Ассоциации художников революционной России (АХРР), объединивший живописцев Северного Кавказа. Вместе с «ахровцами» на Кавказских Минеральных Водах в те годы работали художники П.В. Кончаловский, К.Н. Истомин, Л.А. Бруни, Н.И. Нивинский, Н.Н. Купреянов. Позднее Терский филиал АХРР преобразовали в краевую организацию Союза советских художников. В Пятигорске состоялась первая Северо-Кавказская художественная выставка. Осенью 1938 г. прошел первый съезд художников Ставропольская края, где было избрано правление краевой организации. В 30-е гг. ставропольские художники В.Г. Кленов, В.И. Голубев, П.И. Соболев, В.В. Секлюцкий принимали участие во всероссийских и всесоюзных художественных выставках. Успешно развивается изобразительное искусство народов Северного Кавказа. Известны имена замечательных живописцев, скульпторов, графиков: Ф. Калмыкова, Ш. Тхакуманова, В. Таутиева, Р. Джанаева, Ю. Бигаева, Н. Баллаева.

В течение 30-х и начале 40-х гг. во всех национальных автономиях Северного Кавказа были созданы театры или отдельные национальные труппы. В 1933 г. открылся чеченский театр, преобразованный в 1935 г. в Чечено-Ингушский. В 1935 г. начал работать Северо-Осетинский драматический театр, на сцене которого сейчас играет народный артист СССР Владимир Тхапсаев, один из лучших исполнителей Отелло. В конце 50-х гг. театр был преобразован в музыкально-драматический. На его сцене получили жизнь первые осетинские оперы «Коста» Х. Плиева и «Азу» И. Габараева. Накопленный опыт позволил открыть в г. Ordжоникидзе в начале 1972 г. музыкальный театр. Свой первый сезон он озаменовал постановкой оперы «Кармен».

Негативное влияние на развитие этнических процессов и межкультурных контактов оказала высылка нескольких народов Северного Кавказа в 1943 г. в среднюю Азию и Казахстан. Хотя они и были реабилитированы в 1957 г., но боль и обида остались в душах людей. Этот факт постоянно поднимается в идеологии, противостоящей современной федеральной политике, консолидирующей народы.

Литература народов Северного Кавказа, посвященная Великой Отечественной войне, развивается в русле общенациональной культуры, затрагивает в своем творчестве проблемы войны, духовных ценностей человека, мира. К циклу о мире можно отнести произведения К. Кулиева «Раненый камень», Бубы Карданова «Путь солдата», А. Агузарова «Солнцеворот», Д. Мансурова «Люди – это мы».

Многие писатели сражались на фронтах Великой Отечественной войны: Халимат Байрамкулова, Тохтар Борлаков, Исса Каракотов, Даут Байракулов из Карачаево-Черкесии. Увиденное и пережитое они отразили в своих произведениях. Прозаики и поэты Северного Кавказа пытались отразить духовные искания человека, в этом плане интересны романы и повести «Аманат» и «Люди» О. Хубиева, «Волшебная игла» и «Мурат» К. Джегутанова, «Два времени» Д. Кубанова, «Серебряный пояс» Ш. Физикова, «Сыновья бойцов» З. Хагукова, «Запах пороха» Ш. Куджиева, «Героев не оплакивают» Р.Хужева, «Фалимат» Ц. Коховой, «Мост» и «Очаг» С. Капаева, «Испытание мужеством» А. Туаршева. Д. Кубанов впервые в карачаевской литературе отразил трагедию человека, прошедшего через фашистский плен и концлагерь, но сохранивший свою душу.

В последующие годы литература достигла еще больших успехов. Произведения народных поэтов Кайсына Кулиева и Алима Кешокова вошли в сокровищницу классической не только отечественной, многонациональной литературы, но и мировой. За сборник «Раненый камень» К. Кулиев в 1966 г. был удостоен Государственной премии РСФСР им. Горького, в 1978 г. за «Книгу земли» – Государственной премии СССР, в 1990 г. он стал лауреатом Ленинской премии (посмертно). Роман А. Кешокова «Вершины не спят» в 1977 г. был удостоен Государственной премии РСФСР им. Горького. А его книга «Сломанная подкова», не получившая в годы застоя должной оценки у себя на родине, приобрела мировое признание.

Большую роль в укреплении дружбы и единства наций, в сближении культур на Северном Кавказе играли взаимные переводы. Лишь за 80-е гг. почти 10 тыс. литературных произведений народов нашей страны переведены на русский язык и обрели вторую жизнь. Стихи Лермонтова и Маяковского на даргинский перевел Р. Рашидов. Ю. Хаплаев перевел на лакский язык произведения даргинского классика Батырая, аварца Г. Цадаса, туркмена Б. Кербабаева, кабардинца А. Кешокова. Стихи Х. Байрамкуловой с карачаевкого переводят И. Лисянская, с черкесского – В. Стрелкова, Писари Цекова с абазинского – М. Ваташи, Магомета Киримова с ногайского – Геннадий Фатеев. На чеченский и ингушский языки переведены стихи осетинских поэтов и писателей Г. Кайтукова, Б. Муртазова, рассказы Д. Мансурова, М. Цагараева. В Дагестане издан сборник «Салам», куда включены произведения авторов из всех республик.

В прошлом кабардинцы и балкарцы знали лишь несколько музыкальных инструментов – гармонику, бубен, зурну, скрипку. Теперь здесь есть симфонический оркестр, филармония, хор радио и телевидения. Известны профессиональные композиторы Х. Карданов, В. Молов, М. Балов, А. Байчекуев, М. Жеттеев, Д. Хаупа, М. Османов, Б. Кабардоков, З. Жириков. Большой любовью у поклонников вокального искусства республики пользуется исполнительское мастерство народных артистов РСФСР Н. Гасташевой и Л. Кульбаевой, заслуженных артистов РСФСР З. Тутова, И. Шериевой, Г. Таукиновой, А. Пачева, М. Текуева, народного артиста КБР Х. Маремукова, заслуженной артистки КБР С. Богатыжевой, талантливой певицы старинных адыгских и современных народных песен И. Крымовой.

Мировое признание получило творчество главного дирижера Ленинградской филармонии Юрия Темирканова, чье мастерство хорошо известно в США, Японии, Великобритании, Франции, Германии и других странах.

Сегодня на Северном Кавказе наблюдаются тенденции не только к разобщению, но и к тесному взаимодействию в области культуры. Культура всегда развивается прогрессивно, когда она опирается на положительный предшествующий опыт, устраняя все негативное со своего пути. Сейчас намечаются положительные тенденции в этом направлении.

В июле 1992 г. были подписаны двусторонние договоры между КБР, Адыгеей, Карачаево-Черкесией, которые предусматривают широкое сотрудничество во всех сферах художественной культуры, как профессиональных, так и самодеятельных, проведение дней культуры, литературы и искусства, организацию фестивалей хореографического и танцевального искусства, персональные и групповые выставки художников, вечера композиторов и мастеров сцены. В расширении межнациональных контактов большое значение отводится фестивалям культур, проведение которых становится традиционным. За достаточно короткий период времени в Кабардино-Балкарии прошли фестивали адыгской и карачаево-балкарской культуры (1991 г.), региональный фестиваль «Терек – река дружбы» (1993 г.), международный фестиваль «Танцы над Эльбрусом» (1994, 2002 гг.).

С 1996 г. стали проводиться мероприятия, симпозиумы, конференции в Нальчике, Карачаевске, Махачкале, Пятигорске по различным проблемам взаимодействия народов и культур в условиях обострения межнациональных отношений. Это общение вносит существенный вклад в гармонизацию взаимодействия культур. С 2000 г. стали чаще проводиться симпозиумы во многих городах Северного Кавказа, в том числе Махачкале, Ставрополе, Нальчике, Ростове, Пятигорске, которые были посвящены проблемам межкультурной коммуникации, они превратились в праздники литературы и искусства, дружбы народов.

Трудности современного этапа заключаются в росте национальной разобщенности, разрыве межличностных связей, культурной деградации семьи и общества, рецидивах тоталитаризма в подходе властей к управлению процессом возрождения национального самосознания. Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности,

культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь возникает потребность дистанцироваться от «непрестижной», тупиковой социокультурной системы и ее влияния – как условие этнического самосохранения. Кризис российской идентичности актуализировал этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую самоидентификацию горских народов, причем в цивилизационно-культурной оппозиции к собственно России и русским.

На Северном Кавказе, как и в других обществах, в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, то есть возрождение комплекса архаических явлений, представлений, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального восприятия окружающей действительности, укрепляется мифологическое мышление. В случае сохранения в историческом и национальном самосознании горских народов подобных взглядов возможности диалога, взаимодействия различных культур в регионе будут блокированы на долгое время.

Иллюзорная, а затем и реальная утрата русской культурой своего приоритета на Северном Кавказе неизбежно может привести к деградации культуры на Северном Кавказе в целом и каждого народа в отдельности, а снижение ее интегрирующей роли – к углублению сегментации общества в регионе, росту ксенофобии. Миграционный отток русского населения из республик Северного Кавказа, неуклонное снижение рождаемости способствуют падению доли русского населения во всех субъектах Российской Федерации (а в некоторых – сокращению абсолютной численности), что делает подобный сценарий вполне реальным.¹⁴

«Цивилизация прекращает свою культурно-нравственную роль во время войны. И это надо понять. Россия объективно тысячелетней историей вмонтирована в кавказские реалии, почти во все конфликты как часть своей территории, своих народов, так и долговременными нитями связей и интересами на Кавказе. Они определяются как геополитическим положением, так и исторически теснейшими контактами и традиционными ориентациями экономической и культурной общности России и огромной части коренного населения Кавказа. Без России, без учета ее интересов и непосредственного приоритетного участия ни одну существенную проблему не решить».¹⁵

Примечания

- ¹ Новый исторический вестник. 2005. № 12. С. 5–31.
- ² Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 653.
- ³ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 252.
- ⁴ Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003. С. 164–165.
- ⁵ Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975. С. 25.
- ⁶ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1969. С. 79.
- ⁷ Алексеева Е.П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов). Вып. 2. Черкесск, 1954. С. 199 – 261.
- ⁸ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 232.
- ⁹ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 430.
- ¹⁰ Нарезный В.Т. Сочинения. В 2 т. М., 1983.
- ¹¹ Кавказ. 1846. № 9, 51; 1847. № 11. С. 29–40.
- ¹² Современник. 1848. № 2. С. 86.
- ¹³ История Дагестана. М., 1968. Т. 2. С. 349.
- ¹⁴ Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3.
- ¹⁵ Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российские ориентации Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 49.

Ш.А. Гапуров, В.Х. Магомаев

**Роль А. Бестужева-Марлинского
в познании Кавказа Россией**

**Bestuzhev-Marlinski's role in cognition
of the Caucuses by Russia**

Шахрудин Айдиевич Гапуров – Президент Академии наук Чеченской республики, доктор исторических наук, профессор.

Shakhrudin Aidievich Gapurov – The President of academy of science of Chechen Republic, Doctor of history, professor.

Ваха Хасаханович Магомаев – Декан исторического факультета Чеченского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Vakha Khasakhanovich Magomaev – The dean of department of history of Chechen State University, Doctor of history.

В работе рассматриваются вопросы о взаимовлиянии и взаимообогащении русской культуры и культур горских народов, о познании Кавказа российским обществом в первой половине XIX в. Отмечается огромная роль декабристов-писателей, сосланных на Кавказ, в этих процессах. Особое место в познании российским обществом Северного Кавказа сыграло творчество писателя-декабриста А. Бестужева-Марлинского. В статье показано место кавказской тематики в творчестве этого писателя. Отмечается, что именно кавказские произведения принесли литературную славу этому писателю, сосланному на Кавказ за участие в восстании декабристов. В них он показывает быт, обычаи, культуру северокавказских горцев, отзываясь о них с высоким уважением.

Произведения Марлинского начали выходить в России с 1831 года. Они по-настоящему впервые открывали перед широким российским читателем Кавказ и его жителей.

Ключевые слова: русская культура, Кавказ, взаимообогащение культур, А. Бестужев-Марлинский, северокавказские горцы, горская культура и этнография.

The work deals with the interrelation and mutual enrichment of Russian culture and the cultures of Mountain Peoples of the Caucasus, about the

cognition of the Caucasus by the Russian society in the first half of XIX. The huge role of the Dekabrist writers exiled to the Caucasus, in these processes is notified. A special place in the knowledge by the Russian society of the North Caucasus took a creative writer-Dekabrist Bestuzhev-Marlinski. The article shows the place of the Caucasian themes in the work of this writer. It is noted that it was the Caucasian works that brought literary fame to this writer, exiled to the Caucasus for participating in the rebel of the Dekabrists. In these works he shows the life, customs and culture of North Caucasian highlanders, responding to them with great respect.

Marlinski's works began to be published in Russia in 1831. They indeed were the first to open for Russian the reader and its inhabitants.

Key words: Russian culture, the Caucasus, the mutual enrichment of cultures, Bestuzhev-Marlinski, North Caucasian highlanders, Highlanders culture and ethnography.

Включение горских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру – литературу, искусство, общественную мысль. Между культурой передовой России и народов Кавказа, и прежде всего, Северного Кавказа, происходило взаимообогащение. В то же время российская культура расширила горизонты познания, внесла мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, в том числе, конечно, и в духовную жизнь. В сложной и глубоко противоречивой действительности того времени многостороннее влияние русской культуры значительно усилило позитивные черты национальной культуры народов Северного Кавказа и ослабляло влияние феодальных порядков [1, с. 78].

Огромный след в русской литературе и мемуаристике XIX века оставили декабристы. Громадное влияние на их творчество оказали Кавказ и кавказцы. Декабристы являлись наиболее передовой и прогрессивной (и наиболее совестливой) частью русского общества того времени. Это не подлежит сомнению. Но большинство авторов, исследующих тему «Декабристы и Кавказ», упускает из виду два момента: они пишут о декабристах, судя по их «кавказским» произведениям, написанным, как правило, после их возвращения с Кавказа или после проведения там определенного времени. К этому следует добавить и то, что вопрос «Декабристы и Кавказ» не так уж и прост, например, освещение вопроса о взглядах Пестеля и Лунина на решение горско-кавказского вопроса.

Следует учесть и другое: к моменту приезда на Кавказ далеко не все декабристы (и это естественно) вовсе не испытывали уважительные чувства к горцам. Для них они первоначально были повстанцами, которые восстали против русской власти, русской армии. И лишь после того, как они заводили знакомых и даже друзей среди горцев, близко знакомились с их жизнью, они начинали разбираться в тех сложных обстоятельствах, которые породили Кавказскую войну и понимать мотивы, которые двигали воюющими горцами. Так, декабрист М.М. Корсаков, поручик лейб-гвардии Гренадерского полка, переведенный на Кавказ в Куринский пехотный полк, служивший в 1830-е годы в Чечне и в Дагестане, в первый год пребывания в крае весьма резко и нелицеприятно отзывался о горцах в своих письмах к родным. Так, в одном из них он писал: «Совершенное истребление всего живого в неприятельских аулах... есть вернейший способ усмирить буйство их (горцев. – Авт.). Они непривычны к милосердию и умеют только повиноваться при жестоких мерах начальства» [2, с. 72]. В Дагестане, в Дербенте, М.М. Корсаков знакомится с А. Бестужевым-Марлинским и под его влиянием начинает присматриваться к жизни и быту кавказцев, общаться с ними. Вскоре среди горцев у него появляются и друзья. И человек, который в 1831 году писал, что горцев «надобно держать в ежовых рукавицах», через два года, в 1833 году, в письме к матери будет совсем по-другому отзываться о дагестанцах и чеченцах: «...С некоторого времени люблю их дикую свободу, люблю их бурную храбрость, люблю их пылкость, и самая дикая природа среди них мне нравится» [3, с. 73].

После подавления восстания декабристов на Кавказ было сослано около 100 офицеров и несколько тысяч солдат российской армии. Большинство этих офицеров – дворяне, воспитанные в лучших традициях русской аристократии, люди благородные, люди чести и уже потому не способные смотреть на горцев как на существ второго или десятого сорта. Разумеется, всем сосланным на Кавказ декабристам пришлось участвовать в военных действиях против горцев: шла кровавая Кавказская война. Верные воинскому долгу, чести, они разделяли опасности и тяготы войны со своими боевыми товарищами. Некоторые из них погибли в боях (А.О. Корнилович, А.М. Миклашевский, Искрицкий погибли в Южном Дагестане, А. Бестужев-Марлинский – под Адлером и т.д.), другие – постоянно теряли друзей в многочисленных схватках с восставшими горцами. Но при этом храбрость, безграничное

свободолюбие, стойкость и упорство горцев, готовых переносить во имя свободы огромные лишения и отдавать свои жизни, вызывали у декабристов восхищение.

Целый ряд декабристов оставили богатое литературное наследство. Особой известностью среди них пользовался Александр Бестужев, взявший литературную фамилию Бестужев-Марлинский. За активное участие в восстании декабристов он был осужден как «государственный преступник» «по первому разряду» и сослан в Сибирь. Благодаря многочисленным ходатайствам А.С. Грибоедова А. Бестужев был переведен на Кавказ простым солдатом и прослужил здесь семь лет (до своей гибели в бою под Адлером). Некоторые российские офицеры на Кавказе либо спивались, либо ожесточались и начинали ненавидеть все кавказское. Вот как описывал это декабрист М.М. Корсаков: «...Общество нашей Бурной (крепость в Дагестане. – Авт.) так гадко, глупо, ...вздорно, что, право, нельзя и быть в нем. Общество офицеров нашего батальона, за исключением двух или трех, не лучше крепостного...» [4, л. 55 об]. А.А. Бестужев же показал себя в кавказской ссылке, в этой «теплой Сибири», человеком высокого благородства, огромной воли, беззаветной храбрости и незаурядного ума. Сразу же по прибытии на Кавказ он стал изучать языки, этнографию, историю и экономику горских народов, превратившись через несколько лет в крупнейшего знатока Кавказа. Он свободно говорил на нескольких кавказских языках. И это все – в условиях непрерывных походов и боев с горцами, трудных, кровопролитных, ожесточающих, когда гибнут друзья-офицеры. «Нельзя отрицать прекрасного знакомства Бестужева с бытом и природою того края, где ему пришлось провести слишком семь лет: осведомленность его в кавказских наречиях и его сильные этнографические интересы – несомненны, – отмечал М.П. Алексеев. – О горах и горцах, в частности о Дагестане, Бестужев для своего времени знал больше, чем кто-либо другой; свои личные впечатления, полученные им во время многочисленных походов и опасных экспедиций... он систематически проверял и обосновывал в чтении специальной литературы» [5, с. 32]. Среди дагестанских жителей А.А. Бестужев пользовался огромным уважением и известностью, как знаток ислама и Корана. «Ученые мусульмане Дербента обращались к Бестужеву за переводами темных мест..., по вопросам грамматики, теории... Бестужев пытается через наблюденные факты проникнуть

в динамику жизни и вывести все особенности характера, психологии, нравов, быта кавказцев из естественно-географических, социально-экономических и культурно-исторических условий» [6, с. 66].

В первой половине XIX в., когда шла нескончаемая Кавказская война, для подавляющей массы российских жителей Кавказ представлялся «гиблым местом», где неизвестно за что погибали русские солдаты, лилась русская кровь, а горцы – «разбойниками» и «злодеями». Естественно, что большинство российских офицеров (и декабристы не были в этом плане исключением) прибывали на Кавказ, относясь к горцам далеко недружелюбно. Следует иметь также в виду, что в декабристских кружках дворянских революционеров вовсе не учили к пониманию и сочувствию к освободительной борьбе северокавказских горцев. «Русская Правда» П.И. Пестеля весьма своеобразно трактовала решение жизненных проблем горцев. «...Все опыты, сделанные для превращения Горских народов в мирные и спокойные соседи ясно и неоспоримо уже доказали, – невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают ни малейшего случая для нанесения России всевозможно вреда и одно только остается средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить: покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать ни тишины, ни безопасности и будет в тех странах вечно существовать война», – отмечается в «Русской Правде». П.И. Пестель считал, что «невозможно склонить» горские народы Кавказа «к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными» и поэтому он предлагает принять по отношению к ним весьма крайние меры: « 1) Решительно покорить все народы живущие и все Земли лежащие к северу от границы имеющей быть протянутою между Россиею и Персиею, а равно и Турциею...

2) Разделить все сии Кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить на их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силою переселить во внутренность России и раздробив их малыми количествами по всем русским волостям и 3) завезти в Кавказские земли русские селения и сим русским переселенцам роздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую» [7, с. 124, 144–145].

Ограниченность, слабость, определенные моменты великодержавности проявились при решении кавказской проблемы и в «Конституции» Н. Муравьева. Он предлагал «смешать» различные «племена» Кавказа с русскими, обязать всех, желающих стать полноправными «гражданами» государства, изучить в течение двадцати лет русскую грамоту. Разумеется, в программных документах декабристов были и сильные, прогрессивные стороны. Это прежде всего – объявление всех народов свободными и равноправными перед законом революционной России. Но все же, все же методы, предлагаемые для решения проблем горских народов, их присоединения к России – были весьма далекими от гуманности. Понятно, что и декабристы прибывали на Кавказ, будучи весьма негативно настроены по отношению к горцам. Однако, представления о горцах, об их борьбе за независимость, о методах действий царских властей начинают у декабристов постепенно меняться, когда они видят жестокие действия российской армии при «усмирении» горцев, знакомятся ближе с их бытом и жизнью, общаются с ними, посещают аулы, появляются знакомые и даже друзья среди горцев. Порядочным и прогрессивно настроенным людям приходится задумываться о колониальной политике царизма, так или иначе определять свое отношение к ней. Эта эволюция взглядов декабристов на горцев, на кавказскую политику царизма хорошо видна по произведениям А. Бестужева, поскольку он писал по свежим следам событий на Кавказе и отсылал свои работы в Россию, где они почти сразу и печатались. Произведения же других известных декабристов о Кавказе – Н.И. Лорера, Е. Лачинова, А.Е. Розена и других – это мемуары, воспоминания, написанные уже после возвращения с Кавказа, итоги их размышлений, а не письма и не дневниковые записи.

Тематика кавказских произведений Бестужева-Марлинского весьма широка и разнообразна: природа Кавказа, быт и нравы, вопросы этнографии, эпизоды трагической Кавказской войны, образы горцев, солдат и офицеров.

Следует отметить, что характерной чертой кавказского творчества А.А. Бестужева была двойственность. Она присуща практически всему, о чем он писал: действия царских войск, характеристика горцев и русских солдат и т.д. Возможно, она была вызвана его положением «государственного преступника», требованиями цензуры, когда положительной характеристике горца приходилось противопоставлять «горца-разбойника», описанию

жестоких действий царской армии, мародерству солдат – восхваление царских военачальников, восхваление Николая 1 и т.д.»... Очень небезопасно полагаться на честь азиатца, не знающего, не уважающего никаких прав и правил военных, соблюдаемых европейцами», – пишет А. Бестужев в «Письмах из Дагестана». Охваченный военным угаром, захватническими настроениями, видя ежедневную гибель своих товарищей, наблюдая инертность и по-европейски понимаемую «некультурность» горцев, не всегда анализируя причины этих явлений, полагая, что эти «недостатки» горцев можно устранить лишь насильственным путем, и, видя, что горцы не проявляют желания смириться перед Россией и с оружием в руках упорно отстаивают свою независимость и вековые обычаи и традиции, А. Бестужев высказывал иногда несправедливые, шовинистически звучащие мысли. В то же время, как человек большой культуры, пропитанный освободительными идеями и гуманными настроениями, в целом он относился к горцам без ненависти и презрения, объективно отдавая должное ценным свойствам характера горцев. Оттеня «темные» стороны характера горцев, он многократно показывает и положительные их качества. В произведении «Аммалат-бек» он пишет: «Аварцы – народ свободный. Они не знают и не терпят над собой никакой власти... Бедны... и храбры до чрезвычайности, меткие стрелки из винтовок, славно действуют пешком... Верность аварского слова в горах обратилась в пословицу. ...За гостя готовы умереть и мстить до конца поколений» [8, с. 450].

Сразу же по прибытии на Кавказ, несмотря на тяготы военных будней, он начнет тщательно изучать этнографию, быт и язык кавказцев. В результате глубокого изучения Кавказа и его жителей, доступной ему кавказоведческой литературы (правда, ее в суровых условиях постоянных боев было мало) он создал многочисленные произведения («Аммалат-Бек», «Мулла-Нур», «Письмо к доктору Эрману», «Письма из Дагестана» и др.), в которых чувствуется прекрасное знание жизни, быта, нравов народов Кавказа, их фольклора, истории и этнографии. В результате А. Бестужев-Марлинский придет совсем к другому выводу (по сравнению с первоначальными представлениями 1831 года): нельзя судить о горцах по европейским меркам, у них своя культура. «Чтоб судить и осуждать Восток, – заявит он, – надо сбросить с себя все европейское: понятия, привычки, предрассудки и решительно сказать самому себе: «Я сегодня родился». Но к этому надо привезть на

Восток и тело гибкое, восприимчивое и душу с непорванными еще струнами... Вообще мы, европейцы, всегда с ложной точки смотрим на племена полудикие. То мы их обвиняем в жестокости, в вероломстве, в хищениях, в невежестве, бог весть в чем. То, кидаясь в другую крайность, восхищаемся их простотой, гостеприимством – и не перечесть какими добродетелями. То и другое напрасно. Они люди и мы люди, но нельзя нам судить их по себе. Мы давно отжили патриархальный век и век кочевания, и век разбоев. Мы обогатились опытностью человечества более или менее» [9, с. 328–329].

А ведь еще надо учесть, что эволюция взглядов декабристов проходила в далеко непростых условиях: изнурительные походы, ежедневные бои с горцами, потери друзей. «В последнем деле мы имели несчастье потерять товарища..., знаменитого героя Миклашевского. И таких-то товарищей теряем мы с каждым годом, оплакивая каждый день», – писал А.А. Бестужев в письме от 16 декабря 1831 г. к Н.А. и К.А. Полевым [10, с. 313]. К этому надо добавить, что декабристы подвергались постоянным гонениям и травле со стороны военного командования, которому из Петербурга было предписано «строгое и неусыпное наблюдение за декабристами», и главное, направлять их на самые опасные участки военных действий, чтобы обречь их «на гибель или парализовать их общественную активность» [11, с. 193]. Наконец, страшная тоска по родине, по родным и близким. «Противоположна моя жизнь с вашею..., – писал А. Бестужев-Марлинский Полевым 19 мая 1832 г. – Я, телесно деятельный, поневоле бездейственный умственно, уже не в борьбе, но под пятою судьбы; без родных, без друзей, нося отечество только в сердце, радость зная только по памяти, разорвавший помочи надежды когда-нибудь обнять все это снова!» [12, с. 324]. Так что декабристы вдвойне достойны уважения за то, что они не только не ужесточились душой и действиями, но и пытались разобраться в истоках и сущности той страшной трагедии, которая получила название Кавказской войны и донести правду о ней, осуждение жестоких действий царских властей на Кавказе до широкого российского читателя. И конечно, декабристы, и прежде всего А. Бестужев, пытались донести до российского читателя правду о Кавказе, как о самобытном крае. «...Никакой край мира не может быть столь нов для философа, для историка, для романтика. Когда европейцы с таким постоянством рвутся к истоку Нила, как не желать нам, вратарям Кавказа, взглянуть в

эту колыбель человечества, в эту чашу, из коей пролилась красота на все племена Европы и Азии, в этот ледник, в котором сохранилась разбойническая эпоха древнего мира во всей ее свежести? Не говорю даже как философ – но просто как русский, как солдат: познание Кавказа тесно связано с выгодами нашего Отечества...» [13, с. 87]. При этом для Бестужева-Марлинского основной объект исследования – сам житель Северного Кавказа – горец, столь яростно отстаивающий свою самобытную жизнь. «...Для человека самое нужное, самая поучительная статья есть человек (имеется в виду горец. – Авт.), и нам бы хотелось лучше знать настоящие нравы, обычаи, привычки горцев, нежели играть в жмурки с древними Меланхленами...» [14, с. 88].

Особое место среди кавказских произведений А. Бестужева-Марлинского занимают «Письма из Дагестана», в которых он рассказывает о военных действиях против горских повстанцев, возглавляемых первым дагестанским имамом Гази-Мухаммедом (Кази-Муллой). На протяжении всего рассказа писатель восхваляет героизм и упорство русских солдат и офицеров. Подводя итоги военной кампании 1831 года, писатель восклицает: «В военном отношении можно ли было сделать более вреда неприятелю, добыть более славы русским с столь малыми средствами? ...Все это отличает дагестанский поход в числе знаменитых событий царствования Николая! Он будет внесен в летописи военные яркими буквами; он поставит генерала Панкратьева в ряд лучших вождей и правителей нашего времени. ...Как невыразимо величественна военная музыка среди битвы! Как гордо и торжественно звучала она в горах Кавказа!» [15, с. 40, 55]. Увы, и этот поход ничего не дал для достижения конечной цели – полного «замирения» края и завершения процесса присоединения Северного Кавказа к России. Для этого потребуется еще 33 года – Кавказская война, как известно, завершится лишь в 1864 году.

В то же время, восхваляя, с одной стороны, русское оружие и русское воинство, Марлинский в «Письмах из Дагестана» показывает страшные картины последствий войны, которые вряд ли можно встретить у любого другого автора XIX века. «Утро 30 мая (1831 года. – Авт.) открыло нам ужасную картину истребления, и мы ... пошли к крепости сквозь развалины Тарков, – пишет А. Бестужев. – Это была могила: дома курились и во многих лежали обгорелые трупы горцев, которые погибли в пламени. Улицы были непроездными от убитых: в саклях и завалах они лежали

грядами..., достойная казнь измены», «подошва Агач-Кале завалена была трупами коней и людей..., никогда в жизни не видел я столько крови» [16, с. 28, 59].

Произведения Марлинского начали выходить в России с 1831 года. Они по-настоящему впервые открывали перед широким российским читателем Кавказ и его жителей, показывали их нравы, быт, характер. Эти произведения были высоко оценены читателями. Бестужев сделался кумиром современной ему молодежи. Воспитанники кадетских корпусов заучивали на память стихи Пушкина, Грибоедова, Баратынского и других поэтов, а увлекались Марлинским. «Это один из самых примечательнейших наших литераторов, – писал В. Белинский после выхода «Аммалат-Бека». – Он теперь, безусловно, пользуется самым огромным авторитетом; теперь перед ним все на коленях; если его не все еще называют русским Бальзаком, то потому только, что боятся унижить его этим и ожидают, чтобы французы назвали Бальзака французским Марлинским» [17, с. 57]. Участник Кавказской войны, известный военный историк А.А. Зиссерман так описывал влияние произведений А. Бестужева на российских читателей: «Мне было 17 лет, когда, живя в одном из губернских городов, я в первый раз прочитал некоторые сочинения Марлинского. Не стану распространяться об энтузиазме, с каким я восхищался Аммалат-Беком, Мулла-Нуром и другими очерками Кавказа: довольно сказать, что это родило во мне мысль бросить все и лететь на Кавказ, в эту обетованную землю, с ее грозной природой, воинственными обитателями, чудными женщинами, поэтическим небом, высокими, вечно покрытыми снегом горами и прочими прелестями, неминуемо воспламеняющими воображение семнадцатилетней головы...» [18, с. 1].

«Наибольшее значение Бестужева-Марлинского, – писал М.О. Косвен, – в истории кавказоведения заключается в том, что своими увлекательными повестями, рассказами и письмами, начавшими появляться с 1831 г. и имевшими, как известно, громадный успех, он, с одной стороны, первым в широкой русской литературе сообщил кое-какие сведения о народах Кавказа, с другой стороны, не только содействовал оживлению и распространению в русском обществе интереса к Кавказу и его народам, но и у многих своих читателей вызвал этот интерес впервые» [19, с. 167].

А. Марлинский, участник многих боев с горскими повстанцами, разделявший с солдатами все тяготы походной жизни

(потому-то он с таким восхищением и писал о русских солдатах), с огромным уважением, практически во всех своих кавказских произведениях, отзывался о горцах, хотя они и были его противниками на поле брани. «Я недавно возвратился из похода в горы, – пишет он в письме к Н.А. и К.А. Полевым. – Был не раз в делах, и скажу вам, что Горцы достойные дети Кавказа... Это не Персияне, не турки. Сами бесы не могли бы драться отважнее, стрелять цельнее. Нам дороги стали так называемые победы» [20, с. 313].

Взгляды Александра Бестужева на кавказскую проблему разделял и его младший брат Павел Бестужев, служивший на Кавказе в 1827–1834 гг. (сосланный сюда за «причастность к декабристам»). В 1838 г., уже после смерти А. Бестужева-Марлинского, в издании «Сын Отечества» появилась статья Павла Бестужева «Замечания на статью «Путешествие в Грузию», написанная еще в 1834 г. по инициативе и под влиянием старшего брата. В начале статьи Павел пишет о том, что русский народ никогда не страдал шовинизмом, чувством национальной исключительности, что он всегда уважал национальное своеобразие каждого народа и утверждения о «дикости» и «недоразвитости» кавказских горцев, появляющиеся в российских печатных изданиях, унижают прежде всего самих русских. Показывая хорошее знание истории российско-горских взаимоотношений, Павел Бестужев пишет, что «черкесы исстари были союзниками русских. Русские искони торговали с ними, выменивали у них сукна, оружие, коней». Павел утверждает, что черкесы никогда не питали вражды к русским и до сих пор «гостеприимный порог черкесов надежнее всякого оружия защитит странника от нападения врага» [21, с. 119]. Видимо, эти взгляды Павла Бестужева складывались под влиянием старшего брата – Александра, который считал, что к России враждебно относятся, главным образом, не простые горцы, а их феодальная верхушка, заинтересованная в сохранении своего безраздельного господства над подданными. Именно эта верхушка разжигала в простых горцах ненависть к России и ко всем русским.

В частных письмах к друзьям А. Бестужев более откровенен, чем в своих писательских творениях, проходящих жесткую цензуру. В одном из писем к К.А. Полевому он высказывает весьма смелые для опального и ссыльного революционера мысли о войне с горцами: «...Бранят за разбой, но разве они могут бросить это ремесло именно теперь, когда русские, как удав, с каждым днем

уже и тесней стягивают кольца свои и отнимают у них поле за полем, утес за утесом? Их укоряют в неблагодарности, но... скажите, за что им быть благодарными? Или, в самом деле наши картечи и штыки такое благоденствие, что век не оплатить за него поклонами?» [22, с. 831–832].

Во всех кавказских произведениях Бестужева-Марлинского главным героем выступает простой русский, солдат, показанный с удивительной правдивостью и любовью. От рекрутского набора в России и до гибели на Кавказе проходит солдат Марлинского: гонимый командирами, безвестный, темный, героическая жертва великого исторического обмана. Он показан без фальшивой приторности, в простых словах, на множестве примеров рассказана его страшная жизнь на Кавказе, но именно образ солдата и картина солдатской толпы вышли из под пера писателя в наиболее запоминающихся, законченных и верных типах. В письме к К.А. Полевому Бестужев-Марлинский отмечает: «Насчет русских солдат вы не совсем верное имеете мнение... Солдат наш очень неохотно идет в огонь; но хорошо стоит в нем и, как вы думаете, отчего? Он не умеет уйдти, и лезет на верную смерть от того, что не смеет послушаться. Впрочем, русский солдат доступен всем высоким чувствам, если б умели их возбуждать заранее. Пример и красное слово увлекают их, и чудная вещь: имя полка, имя роты, известной искони храбростию, как будто перерождает трусов в бесстрашных» [23, 323]. Бестужев много пишет о «великодушии», «справедливости», «строгом порядке» царской армии, но этим-то утверждениям он не приводит конкретных фактов. Но зато он много приводит примеров обратного порядка: правдиво и яростно описанные картины жестокости, жадности и мародерства российской армии на Северном Кавказе. «Промежутках отряд жег деревни», «спалили 9 селений», «12 деревень легло пеплом наслед русским». Ни один из российских авторов XIX в. не привел в своих работах такой откровенной и оттого страшной картины мародерства русских солдат в захваченных горских селениях, как это сделал А.А. Бестужев в своих кавказских произведениях. В «Письмах из Дагестана» он описывает поведение солдат и офицеров после захвата дагестанского селения Эрпели: «Еще перепалка играла по лесу, прилежащему к деревне, а дело грабежа и разрушения уже началось. Добыча в вещах, в деньгах, в рогатом скоте была огромны. Солдаты, татары, турки вытаскивали ковры, паласы (тонкий, особый род ковров), вонзали штыки в землю и в стены, ища кладов,

рыли, добывали, находили их, выносили серебро, украшения, богатые кольчуги, бросали одно для другого, ловили скот, били, кололи засевших в саклях мятежников. ...Более десяти тысяч голов рогатого скота досталось победителям. Медом и маслом хоть пруд пруди... Ветер взвевает муку вместо пыли» [24, с. 33].

Противоречия и двойственность, встречающиеся в кавказских произведениях А. Бестужева в оценках многих явлений, возможно (частично) объясняются двойственностью положения самого автора. Прогрессивный человек своей эпохи, отстаивающий передовые социально-политические воззрения, искренне желающий мира и просвещения Кавказу, он вынужден был участвовать в несправедливой войне царской России против горских народов с целью их порабощения. Он не мог не сочувствовать горцам, отстаивающим свободу и независимость своей родины, свои веками сложившиеся обычаи и традиции, свой образ жизни, но как солдат российской армии, он, против своей воли, вынужден был воевать с ними. В письме к своим братьям Николаю и Михаилу от 24 декабря 1831 г. он пишет: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги. Как искусно умеют они сражаться, как геройски решаются умирать» [25, с. 47].

А. Бестужев-Марлинский считал, что многие негативные представления российской общественности о горцах порождены тем, что в России плохо знают жителей Северного Кавказа. В российских изданиях о них пишут тенденциозно и необъективно. Причем изображают одной краской, в то время как к народам Кавказа нужно подходить дифференцированно. «В сердце Кавказа есть племена, которые никогда не сходились с русскими..., есть народы, совершенно мирные... Вообще Кавказ вовсе неизвестен: его запачкали чернилами, выкрасили, как бурку... Особенно мы худо знаем Чечню...» [26, с. 461]. Ломая сложившийся к российском обществе первой половины XIX в. стереотип о чеченце, как о «разбойнике» и вечном враге русских, А. Бестужев отмечал в «Письме к доктору Эрману»: «Левый берег Терека унизан богатыми станицами линейных казаков... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами (против левого берега Терека жили в основном чеченцы. – Авт.) дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам...» [27, с. 461].

Несмотря на участие в постоянных походах, А. Бестужев много времени уделял изучению мира горцев, пытался понять их общественно-экономический строй. Он стремился по своему

объективно и полнее осветить положительные и отрицательные стороны быта, характера, взаимоотношений горцев. Человеческие качества горцев, их характер Бестужев объяснял географически и климатическими условиями. Изображая рядового представителя какого-либо народа, он часто подчеркивает обусловленность его поведения конкретными обстоятельствами, условиями жизни. Даже подчеркивая отрицательные, с его точки зрения, обычаи и поведенческие стереотипы горцев, А. Бестужев относился к ним с уважением. Он особо подчеркивал благородство в обращении горцев между собою. Споры решаются в кругу стариков, драки почти неизвестны. Он отмечает человеколюбие, широкое гостеприимство, свободолюбие, их воинскую доблесть, уважение к старшим.

Кавказские произведения Бестужева-Марлинского (повести, рассказы, очерки, письма), вызывавшие огромный интерес в российском обществе, способствовали изживанию тенденциозности в отношении горцев, распространению объективных представлений о северокавказских горах, их жизни, обычаях и нравах, показывали жестокую правду о Кавказской войне, которая стала трагедией не только для горцев, но и для русского народа.

Литература

1. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4 кн. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М., 1998.
2. Родина. М., 2000, № 1–2.
3. Там же.
4. РГАДА. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2539.
5. *Алексеев М.П.* Этюды о Марлинском. Иркутск, 1928.
6. *Васильев М.А.* Декабрист А.А. Бестужев как писатель-этнограф. Казань, 1926.
7. «Русская Правда» П.И. Пестеля // Восстание декабристов. Сборник документов. Т. 7. М., 1958.
8. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения. Т. 2. М., 1932.
9. Там же.
10. *Полевой К.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. М., 1861, №3.

11. *Шадури В.* Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958.
12. *Полевой К.А.* Указ. соч.
13. В царстве гор. Тбилиси, 1974.
14. Там же.
15. *Бестужев-Марлинский А.А.* Указ. соч.
16. Там же. Т. 2.
17. *Попов А.В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963.
18. *Зиссерман А.А.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. СПб., 1879.
19. *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961.
20. *Полевой К.А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н.А. и К.А. Полевым, писанные в 1831–1837 годах // Русский вестник. М., 1861, № 3.
21. Там же.
22. Русское обозрение. М., 1894. №10 (октябрь).
23. *Полевой К.А.* Указ. соч.
24. *Бестужев-Марлинский А.А.* Указ. соч. Т. 2.
25. Русский вестник. 1870, № 7 (июль).
26. Русский вестник. 1870, № 7.
27. *Бестужев-Марлинский А.А.* Указ. соч. Т. 1.

Ф.И. Джаубаева

**Авторские ремарки
в кавказских текстах Л.Н. Толстого
как модель лингвоэтнокультурного диалога
в полиэтнической среде**

**The author's remarks in the caucasian
texts L.N. Tolstoy as a model linguaitaliana dialogue
in a multiethnic environment**

Джаубаева Фаина Ибрагимовна – доктор филологических наук доцент-профессор кафедры русского языка Института филологии Карачаево-Черкесского государственного университета г. Карачаевск
Cabaeva Faina Ibragimova – doctor of philological Sciences, associate Professor Professor, Department of Russian language of Institute of Philology of the Karachay-Cherkess state University Karachaevsk

Данная проблема выбрана не случайно. В целях привлечения внимания к литературе и чтению классической литературы. Язык, как явление жизнедеятельности и культуры отличается существенной подвижностью. Процессы дифференциации языков и их ассимиляции происходят одновременно с развитием самих языков не только в лингвистическом аспекте, но и в социальном. Эффективность межкультурной коммуникации в значительной степени зависит от знания особенностей национальной лингвокультурной картины мира. Важным фактором развития межкультурной коммуникации становится восприятие и взаимовлияние разных языковых этнокультур, что, соответственно, оказывает влияние на формирование толерантных межэтнических взаимоотношений в поликонфессиональной среде. В современном полиэтнокультурном пространстве необходимо заложить основы коммуникативной компетентности будущих специалистов. Следовательно, отводится огромная роль всем формам межкультурной коммуникации. Формирование языковой личности представляется собой своеобразную модель языковой идентификации. Язык как зеркало народной культуры, народной психологии и философии,

во многих случаях как единственный источник истории народа и его духа давно воспринимался таковым и использовался культурологами, мифологами, этнологами, лингвистами в их разысканиях. Язык не только отображает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Каждый этнос обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Неповторимость отдельного народа сопряжена со спецификой ментальных ориентиров и установок, своеобразием национальной картины мира, этническим самосознанием. Таким образом, совершенно очевидно, что мир и согласие в любом полилингвоэтнокультурном регионе России могут быть достигнуты и сохранены путем налаживания взаимоотношений между людьми на основе этических, нравственных и культурных законов.

Ключевые слова: языковая личность, экзотическая лексика, этнос, коммуникация, диалог, культура, лингвокультурология.

This problem was not chosen randomly. In order to attract attention to literature and reading classic literature. Language as phenomenon of human life and culture has a significant mobility. The differentiation of languages and their assimilation occur simultaneously with the development of the languages themselves not only in the linguistic aspect but also in social. The effectiveness of intercultural communication greatly depends on the knowledge of national linguistic and cultural picture of the world. An important factor in the development of intercultural communication becomes the perception and influence of different linguistic ethnic cultures that, respectively, influence the formation of a tolerant inter-ethnic relations in a multi-religious environment. In modern political economy space necessary to lay the foundations of communicative competence of future specialists. Therefore, has an enormous role in all forms of intercultural communication. Formation of the language personality is a kind of model of language identification. Language as a mirror of folk culture, folk psychology and philosophy, in many cases as the only source of the history of the people and his spirit had long been perceived as such and were used by cultural studies, mythology, ethnologists, linguists in their razyskaniya. Language does not only reflect reality, but interpreterpath her, creating a special reality in which man lives. Every ethnic group has certain cultural and linguistic identity. The uniqueness of the individual people associated with the specific mental orientation and attitudes, specific national

picture of the world ethnic identity. Thus, it is obvious that peace and harmony in any poolingdatasource region of Russia can be achieved and maintained by establishing relationships between people based on ethical, moral and cultural laws.

Key words: linguistic personality, exotic language, ethnicity, communication, dialogue, culture, cultural linguistics.

Исследование языка позволяет определить сущность языковой личности, а также установить коммуникативные особенности. «Языковая личность в межкультурной коммуникации представляет собой национально-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно обусловленной ментальностью, картиной мира и системой ценностей, придерживающийся определенных когнитивных подходов, языковых, поведенческих и коммуникативных норм и потенциально способный к межкультурной трансформации» [8, с. 99]. Картина мира, отраженная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Языковая картина мира характеризуется и специфическими свойствами. А.И. Геляева полагает, что данный факт определяется тем, что ее субъектом является не только человек вообще, но и человек – представитель определенной этнокультурной общности, характеризующийся своеобразием мировосприятия, предопределенным материальным и духовным образом жизни этноса [2, с. 47].

В настоящее время общепринятым является мнение о том, что в языке каждого народа присутствует *национально-специфическое* и *общечеловеческое*. Связь *речи* и *поведения* формируют речеповеденческую деятельность человека, в которую входят и речевые и неречевые факторы. Рассматривая особенности речевого поведения русского писателя, приведем слова Ю.Н. Караулова, где ученый раскрывает значение Ломоносовской метафоры «Стиль – это человек» (9, с. 190–191). Караулов пишет, что данная метафора расшифровывается как *двуплановая формула*, которая включает представление о личности, реализующей определенный стиль жизни, отражаемый в стиле употребления язык, т.е. соединяет социально-поведенческий контекст с речевым [5, с. 22].

Вторая половина XIX века знаменательна тем, что роль ведущего языка отводится русскому языку, хотя на тот момент велась борьба за установление арабского языка в статус государственного. Пребывание на Кавказе ссыльных офицеров способствовало

знакомству горцев с *русским языком* и культурой. По этому поводу И.В. Тресков отмечает, что каждая возможная встреча с представителями передовой русской культуры оставляла памятный след в сердцах просветителей Кавказа. «Особенно ощущали это те кавказцы, которые длительное время находились в рядах русской армии, где служили и разжалованные декабристы и сочувствующие им. Общась с представителями русского народа, совмещая учебу с военными походами, теоретические споры с боевыми схватками, передовые горцы нередко вырастали в известных общественных деятелей» [13, с.29].

О Кавказе Россия знала очень мало. И, вероятно, молодой Лев Николаевич Толстой хотел восполнить этот пробел. Главная цель писателя – правдивое описание горской жизни. Поэтому на первом плане – изображение внешнего быта горцев, их обычаев, а также описание их жилища, одежды, еды, обрядов. Биограф Л.Н. Толстого П.И. Бирюков, определяя основной характер, следовавших друг за другом периодов в жизни писателя, отметил, что один из лучших периодов своей жизни сам Толстой считал время пребывания на Кавказе [1, с.104].

Л.Н. Толстой продолжил линию – русские писатели и Кавказ, точнее, *русско-кавказские историко-культурные* связи. Перечитывая «Аммалат-Бек» – Бестужева, «Путешествие в Арзрум» – Пушкина, «Герой нашего времени» – Лермонтова, в «Хаджи-Мурате» – Толстого мы находим все время что-то новое для себя, которое буквально звучит современностью.

«Язык, – по определению Гумбольдта, – есть организм человеческого духа и средство проникновения в его тайны» [3, с. 364–365]. Основные положения концепции Гумбольдта сводятся к следующему: 1) в языке воплощаются материальная и духовная культуры; 2) национальный характер определенной культуры выражен в языке посредством особого видения мира; 3) языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, она является выражением культуры народа; 4) язык является связующим звеном между человеком и окружающим его миром [3, с. 415].

Попав на Кавказ, ссыльные декабристы, также как и русские писатели, в определенной степени способствовали благородному делу межнационального сближения. Повседневное общение с русскими людьми, их культурой, было для горцев тем освежающим, кипучим родником, который утолял жажду к знаниям. Особая

роль принадлежит декабристам и русским писателям, которые, в свою очередь, познакомились с традициями и бытом горцев, песнями и преданиями, подружились с местным населением и завели кунаков, а самое главное – стали изучать *татарский язык* (популярный тогда на Кавказе).

Проблема взаимоотношений народов, взаимовлияния языков и культур – важнейшая и интереснейшая проблема, волнующая многие поколения. Вопрос о реалистическом изображении Кавказа привлекало и привлекает внимание многих писателей. К началу 50-годов XIX века реализм в кавказской тематике все более усиливался.

Лев Николаевич Толстой пишет кавказские тексты отожествляя *«русское»* с *«восточным»*. На Кавказе Толстой становится писателем, а затем о нем узнает и Запад и Восток. Быт, нравы, обычаи, характеры жителей гор показаны Толстым с позиций человека, которому не свойственно проявление превосходства и недоброжелательности к другим народам. Идеи евразийства несут автобиографические рассказы Л.Н. Толстого: «Набег», «Казаки» и др. Они представляют собой продолжение цикла рассказов и повестей о Кавказе, написанные на базе воспоминаний Л.Н. Толстого о его пребывании на Кавказе и основанные на достоверном материале, по форме – это повествования от первого лица.

Впервые настоящую войну собственными глазами Л.Н. Толстой увидел на Кавказе. Первые, так же как и последующие, рассказы кавказского цикла принято называть военными рассказами. «Толстой в лиро-эпической манере изображает панорамные картины войны, тончайшие психические переживания и чувства, «диалектику души» человека на поле брани, как глубоко и рельефно рисует сложную динамику сражений, массовые сцены, действия командующих и рядовых участников войны, передвижения войсковых единиц; с какой контрастностью и глубиной показывает роль пейзажа в изображаемом действии» [16, с. 38].

В произведениях кавказского цикла, разрушительному делу войны выразительным и впечатляющим контрастом выступает мудрая и величественная кавказская природа, на фоне которой ярче и отчетливее проступает безобразие военного конфликта. Например, в «Набеге» Л.Н. Толстой не столько изображает и описывает войну, сколько изобличает ее, протестует против нее.

Увиденное в походе и в сражениях подтверждает вывод, сделанный Толстым, что война не справедлива, не необходима и не может быть справедливой и необходимой.

В произведениях Л.Н. Толстого Кавказ предстает и как арена исторической драмы. Кавказ был не только поэтизирован русской литературой XIX века, но и вполне серьезно и уважительно осваивался этнографически. В целом русская литература отказалась обслуживать интересы власти. С 1817 года Россия вела борьбу с разрозненными племенами. Солдаты называли Кавказ «погибельным», но сама война не помешала сближению воюющих сторон.

Учитывая конкретные социально-исторические условия, сложившиеся между Россией и кавказскими народами к середине XIX века, Толстой признает *прогрессивность присоединения Кавказа к России*. Но он категорически против насильственного захвата Кавказа.

Этнографические диалоги, выбранные из кавказских текстов русского писателя, структурируют произведения и создают определенную гармонию. Внутри микротекста можно произвести внутреннюю, предметную (до мельчайших подробностей) классификацию жизни и быта кавказского горца. Создаваемая языком Л.Н. Толстого модель языковой картины Кавказа – это субъективный образ объективной реальности. Только элитарная высокообразованная языковая личность может раскрыть своеобразие культуры другого народа, его этнонациональную специфику, которая сопровождается широким вводом огромного количества слов-экзотизмов. Приведем фрагменты из художественных текстов Л.Н. Толстого:

«Только что затихло напряженное пение муэдзина, и в чистом горном воздухе, пропитанном запахом кизячного дыма, отчетливо слышны были из-за мычания коров и блеяния овец, разбравшихся по тесно, как соты, слепленным друг с другом саклям аула, гортанные звуки спорящих мужских голосов и женские и детские голоса снизу от фонтана» [12, Хаджи-Мурат, с. 24].

«А муллу или кадия татарского послушай. Он говорит: «Вы неверные, гяуры, зачем свиною едите!» Значит, всякий свой закон держит» [12, Казаки, с. 206].

Блок выделенных лексем относится к тюркоязычной группе. В подтверждение сказанному, приведем словарные статьи из «Этимологического словаря русского языка» М.Фасмера: АУЛ – «деревня, селение, стойбище, шатер азиатских и кавк. народов».

Заимств. из тат., казах., кыпч. aul «деревня; юрты, находящиеся на одном месте», тур., азерб. aʒul «загон для овец»; см. Радлов 1, 74, 163, 171, 350; Mi. EW 2; TEL. 1, 242; Рясянен, Tat. L. 23. ГЯУР – презрительное название иноверцев у мусульман. Через тур. gıaur, перс. gäbr «огнепоклонник» из араб. kāfir «неверный»; см. Литтман 48, 66; Локоч 50; Крелиц 34; Клюге-Гётце 206. КАДИЙ – «магомет. судья при национальных окружных судах», кавк. (Даль), стар. русск. кадыя, Ив. Пересветов (XVI в.). Из тур. – араб. kādī, kady – то же; см. Бернекер 1, 466; Литтман 71; Локоч 78. МУЛЛА – м., др.-русск. молла (Никон. летоп. под 1557 г.; см. Срезн. II, 168) наряду с молна (там же, под 1519 г., а также у Ив. Пересветова). Из тур., тат., крым.-тат. mulla (Радлов 4, 2126, 2197); см. Mi. TEL. 2, 127; Литтман 64. МУЭДЗИН – Из араб.-тур. muäzzin «муэдзин, сзывающий на молитву» (Радлов 4, 2170); см. Mi. TEL. 2, 129; Литтман 62. [14]

Исследование речевого поведения предполагает рассмотрение лексического фонда языка, который выступает как определенный уровень лингвокультуры. По этому поводу С.Г. Тер-Минасова пишет: «Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной ещё ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком» [11, с. 48].

При межкультурных контактах возникает столкновение разных картин мира. Человек, попадающий в чужое культурное пространство, прежде всего, обращает внимание на языковые особенности данного этноса, а потом начинает анализировать социальные и природные факторы. О.А. Леонтович отмечает, что «слово, обозначающее инокультурную реалию, не вызывает никаких ассоциаций в сознании человека, никогда не видевшего соответствующего объекта» [8, с. 122]. Данный факт объясняет использование русским писателем микроэтнографических фрагментов, в которых он дает полную характеристику тому или иному иноязычному слову. В квадратных скобках приводим авторские примечания:

«– Пих! Шамиля наша видно не будет. Сто, триста, тысяча мюрид [Слово мюрид имеет много значений, но в том смысле, в котором употреблено здесь, значит что-то среднее между адьютантом и телохранителем.] кругом. Шамиль середка будет! – прибавил он с выражением подобострастного уважения» [12, Хаджи-Мурат, с. 23].

Особую функциональную нагрузку в кавказских текстах Л.Н. Толстого несут формулы речевого поведения, которые знакомят русскоязычного читателя с этикетной традицией горцев. Это и формулы—приветствия, и формулы—обращения, и формулы благо— и злопожелания: они, помимо коммуникативной функции, в контексте выполняют и дополнительную —эмоционально-экспрессивную. Например:

«—Приход твой к счастью, — сказала она и, перегнувшись вдвое, стала раскладывать подушки у передней стены для сидения гостя.

— Сыновья твои да чтобы живы были, — ответил Хаджи-Мурат, сняв с себя бурку, винтовку и шашку, и отдал их старику» [12, Хаджи-Мурат, с.25].

Среди произведений Л.Н. Толстого встречаются разнообразные диалоги, так как в диалогах сосредоточено действие. Повествовательная часть содержит описание места действия, внешности персонажей и т.п., то есть представляет собою развернутую ремарку. Это легко объяснить исходя из содержания рассказа и замысла автора. Л.Н. Толстой показывает диалоги на двух языках. Например:

«Уйде-ма, дядя? (то есть: дома, дядя?) — слышался ему из окна резкий голос, который он тотчас признал за голос соседа Лукашки.

Уйде, уйде, уйде! Дома, заходи! 2 закричал старик. — Сосед Марка, Лука Марка, что к дяде пришел? Аль на кордон?» [12, Казаки, с. 210].

Автор «Казачков» дает точное определение лексеме «уйде». Иноязычное слово УЙДЕ по данным «Карачаево-балкарско-русского словаря» означает дома. УЙ (ЮЙ) — дом, квартира, здание.

Действительно, речь персонажей максимально приближена к речи горцев. Хотя идет диалог на разных языках, тут же читателю даются комментарии. Особенно выразительны те случаи, когда используются экзотизмы или этнонимы, для описания горских обычаев. Например, в «Набеге» мы читаем:

«Офицеры верхами ехали впереди; иные, как говорится на Кавказе, джигитовали [Джигит — по-кумыцки значит храбрый; переделанное же на русский лад джигитовать соответствует слову «храбриться».], то есть, ударяя плетью по лошади, заставляли ее сделать прыжка четыре и круто останавливались, оборачивая назад голову; другие занимались песенниками, которые, несмотря

на жар и духоту, неумолимо играли одну песню за другою» [12, Набег, с. 13].

Диалоги Толстого выражают удивление, восхищение или побуждают к продолжению рассказа. Диалог движется по двум взаимодействующим и всё время соотносящимся плоскостям. Находящиеся сначала в противоречивых отношениях друг к другу, эти плоскости сближаются и, наконец, совпадают, противоположность точек зрения исчезает, диалог заканчивается. Примечательно использование Толстым горского фольклора, фразеологии, поговорок и пословиц. Типичны повторы, нагнетание однородных членов. Ремарки в текстах Толстого чрезвычайно существенны. Они указывают на характер произнесения слов «на своем ломаном полу русском языке»:

«Их пять братьев, – рассказывал лазутчик на своем ломаном полу русском языке, – вот уж это третьего брата русские бьют, только два остались; он джигит, очень джигит, – говорил лазутчик, указывая на чеченца» [12, Казаки, с. 230].

Использование экзотической лексики различных типов в текстах кавказского цикла – является одним из художественных приемов. Анализ произведений Толстого свидетельствует о том, что он прекрасно знал язык кавказских горцев, обряды, обычаи и множество элементов быта. Приведем фрагменты из «Казаков»:

«Одежда его была небогатая, но она сидела на нем с тою особою казацкою щеголеватостью, которая состоит в подражании чеченским джигитам. На настоящем джигите все всегда широко, оборванно, небрежно; одно оружие богато» [12, Казаки, с. 172].

«Лукашка имел этот вид джигита. Заложив руки за шашку и щура глаза, он все вглядывался в дальний аул» [12, Казаки, с. 172].

В свои произведения Л.Н. Толстой вводит не только слова-экзотизмы, но и обороты речи, характерные для данной местности. Толстой иногда как бы фотографируя действительность, дает натуралистические картины, сопровождая вводом в авторскую речь достаточно много иноязычных слов.

Как показывают примеры, в диалогах происходит фонетическое искажение заимствованных слов. Они являются своеобразным стилистическим средством речевой характеристики. Заимствованные слова придают речи персонажей определенную стилистическую окраску, делают тот или иной персонаж живым, колоритным, запоминающимся. Наибольшая выразительность и рельефность текстов Л.Н. Толстого достигается умелым при-

менением лингвоэтнографических явлений в структуре самого произведения. Экзотическая лексика, умело подобранная Толстым, придает описаниям неповторимую выразительность.

Таким образом, наблюдения за употреблением заимствованных слов свидетельствуют о превосходном знании *татарского языка*. Здесь уместно привести слова В.И. Ленина о том, что Л.Н. Толстой был, действительно, «европейски образованным писателем» [7, с. 21].

Мы отметили, что экзотизмы являются средством индивидуализации речи персонажей, придают точность, рельефность, пластичность повествованию. В подтверждение приведем фрагмент из текста «Казак»: «Зато у меня вся Чечня кунаки были. Приедет ко мне какой кунак, водкой пьяного напою, ублажу, с собой спать положу, а к нему поеду, подарок, пешкеш, свезу» [12, Казаки, с.212].

По данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера: ПЕШКЕШ – «подарок», «взятка», астрах., сиб. (Даль). Через тюрк. (тур. *päşkäs* «подарок») или непосредственно из перс. *pīškās* – то же; см. Мi. TEL 2, 142; Корш, AfslPh 9, 662; Радлов 4, 1258; Локоч 133.[14]

У В.И. Даля: ПЕШКЕШ (пишкеш) м. оренб. астрах. персидск., гостинец, подарок, принос, подачка, поклон; взятка, поборы, срыв [4].

Межъязыковое и межкультурное взаимодействия являются положительными предпосылками эффективного общения. Таким образом, через язык, через литературу Л.Н. Толстой пытается изменить отношение русского читателя к народам Кавказа. Эффективность общения – это достижение цели. Как справедливо пишет О.А. Леонтович: «Цель общения влияет на его результаты, так как фильтрация исходного материала зависит от первоначальной установки» [8, с. 29].

Данная проблема актуальна и сейчас, так как слово «Кавказ» всегда ассоциировалось с войной. Писатель, находясь на Кавказе, вел своеобразную, культурную политику. Анализируя произведения кавказского цикла, мы приходим к выводу, что Толстой раскрывал повседневную жизнь горцев, с целью повлиять на представителей Российского государства, и, чтобы присоединение Кавказа шло мирным путем.

При изображении жизни и быта народов Кавказа используются слова арба, аул, джигит, сакия и многие другие. Об их ассимилированности в русском языке свидетельствуют следующие

факты: во-первых, эти слова зафиксированы всеми современными толковыми словарями; во-вторых, отмечается активность их употребления в художественной литературе и на страницах периодической печати; в-третьих, являются обычными словами для представителей двуязычия (как русских, так и нерусских.)

Коррелятивные связи языка и культуры многообразны, устойчивы и крепки. Язык может рассматриваться как орудие культуры. Язык и культура могут сопоставляться как независимые, автономные семиотические системы, во многих отношениях структурно изоморфные и взаимно отображенные. Общность применяемых к языку и культуре понятий может проистекать из одинакового взгляда на эти феномены как на семиотические (знаковые) системы, описываемые с помощью одного и того же логического аппарата. К таким понятиям относятся понятия системы и текста (парадигматики и синтагматики) в языке и культуре, формы и содержания (означающего и означаемого), системной функции, давления системы, открытости системы и ее уровней и т.п. Язык может рассматриваться как инструмент для объединения смыслов, продуцируемых в результате мыслительной, эмоциональной и мирозерцательной деятельности человека, и как средство трансляции этих смыслов от одного коммуниканта к другому. Как отмечает О.А. Леонтович: «Связь естественного языка и культуры заключается в следующем: 1) язык способствует идентификации объектов окружающего мира (природных и рукотворных), их классификации и упорядочиванию сведений о нем; 2) помогает правильно оценить объекты, явления и их соотношения; 3) облегчает адаптацию человека в условиях окружающей среды; 4) способствует организации и координации человеческой деятельности; 5) позволяет получить психологическую поддержку правильности своих действий от других членов языкового коллектива» [8, с. 73]. Неустроев К.С. пишет, что в языке существуют разные типы средств, с помощью которых может быть реализована коммуникативная цель речевого акта [10, с. 15].

Язык общения, как своеобразный койне, формируется между русскоязычными и представителями горских народов. Отметим, что, приведенные этикетные коммуникемы в произведениях кавказского цикла русских писателей, выражают контактоустанавливающую функцию в форме устной диалогической речи. *Русские писатели в диалогической форме речи создают своеобразный койне.* Формирование *общего языка* характеризуется наличием высокой воздействующей коммуникативной силы.

Кавказ отличается тем, что языки, на которых говорят представители коренных национальностей, разные. Жизнь горцев, их быт *изучали русские писатели*. Они интересовались состоянием культуры и литературы кавказских горцев. Русские писатели интересовались содержанием первых произведений горских писателей, обменивались своими впечатлениями. Хубиев О.А. в своей работе: «Взаимовлияние и взаимообогащение культур и литератур советских народов на примере Карачаево-Черкесии» отмечает, что *творческое, доброжелательное* общение между талантливыми русскими писателями и первыми представителями горской интеллигенции плодотворно повлияло на становление и развитие языка и литератур горских народов. Для развития наших культур и литератур переводы с русского языка на национальные языки и наоборот стали жизненной необходимостью. Без взаимных переводов немыслимо взаимообогащение и совершенствование культур. Переведены на языки кавказских народов произведения русских писателей. Кавказские горцы, благодаря русскому языку, получили доступ к сокровищницам мировой культуры. Русские писатели внесли огромный вклад в развитие Кавказа как поликультурного региона. Взаимообогащение и взаимовлияние единственно *верный путь для всестороннего развития единой культуры*. [15, с. 82, 83, 84].

Специфика функционирования русского языка на Кавказе определяется полиэтническим составом его жителей. В исследуемый нами период, мы знаем, что политические и торговые связи с Россией предопределяли возможность овладения русским языком лишь представителями горской знати. А.В. Шишканова в своей работе: «Исторический аспект функционирования русского языка в Карачаево-Черкесии» отмечает, что «во второй половине XIX в. учащиеся Ставропольской гимназии, представители привилегированных слоев местных народов, явились одними из первых посредников в процессе взаимовлияния их родных языков с русским. Эти контакты также способствовали проникновению русской лексики в языки горских народов» [17, с. 7–8].

Взаимоотношения народов, взаимовлияние языков и культур – важнейшая и интереснейшая проблема, волнующая многие поколения.

В целом, говоря о речевом поведении русского писателя, можно с полной уверенностью сказать, что он сформировал особую модель поведения элитарной языковой личности на Кавказе.

В наши дни, когда Закавказье уже практически не является российским, когда на Северном Кавказе есть тенденции предать забвению положительное в русско-кавказских взаимоотношениях, гуманистические традиции русской литературы необычно актуализированы. Думается, что следует детально изучить речевое поведение русских писателей на Кавказе с целью использования этого примера в настоящем и будущем в процессе утверждения мира и дружбы в этом регионе.

Произведения русских писателей никогда не просто история, а подлинное искусство, которое развивается во времени и пространстве. На современном этапе развития общества появляются новые грани соприкосновения классической литературы с реальностью. Примером этому является наше время, когда нужно вновь и вновь пересматривать характер и способы коммуникации русского и кавказских народов, и самое главное, находить решение проблем не через активизацию военных действий, а через культурный диалог, языковые и речевые контакты.

Следовательно, языковое и культурное взаимодействие в полиэтническом регионе между представителями разных языковых сообществ, способствовало формированию единого межнационального языка, то есть привело к глобализации русского языка как основного языка общения. На эффективность межкультурной коммуникации между русскими писателями и горцами повлияло, прежде всего, географическое положение Кавказа, а затем полиэтничность, поликультурность и многоязычность этого региона.

Таким образом, культуротворческая программа: мир на Кавказе через взаимовлияние языков и культур формировалось ещё во время Кавказской войны, благодаря русским писателям. Необходимо изучить их опыт миротворческой и культуротворческой деятельности, чтобы трансформировать ее в условиях современной глобализации.

Литература

1. *Бирюков П.И.* Биография Льва Николаевича Толстого. В 4-х т.Т.1. – М. – Петроград: Государственное издательство, 1923. – 243 с.
2. *Геляева А.И.* Человек в языковой картине мира. – Нальчик: Каб. – Балк. ун-т, 2002. – 177 с.

3. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Репр. Воспр. Изд. 1903–1909гг. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртене. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998, 2002.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 5-е стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.
6. Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов / Карачаево-Черкесский н.-и. ин-т ист., филол. и экономики; С.А. Гочияева, Х.И. Суюнчев; Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Русский язык, 1989.
7. Ленин В.И. Л.Н. Толстой и его эпоха // Полн. собр. соч. – Т. 20. – М., 1958.
8. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: Учебное пособие. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.
9. Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. – М.-Л., 1952. – Т.6. – 383 с.
10. Неустроев К.С. Способы выражения побуждения и воздействия (на материале современного английского языка): АКД. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие). – М.: СЛОВО SLOVO, 2000. – 624 с.
12. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22-х т. – М.: Художественное литературное издательство, 1978.
13. Тресков И.В. Этюды о Шоре Ногмове. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – 197 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1987.
15. Хубиев О.А. Взаимовлияние и взаимообогащение культур и литератур советских народов на примере Карачаево-Черкесии // Материалы областной научно-практической конференции 27 марта 1982 года. – Черкесск, 1982. – С. 82 – 83.
16. Чубаков С.И. Лев Толстой о войне и милитаризме. – Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 256 с.
17. Шишканова А.В. Исторический аспект функционирования русского языка в Карачаево-Черкесии // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации межнациональных отношений на современном этапе: Материалы международной научно-теоретической конференции. Часть I / Под ред. А.В. Шишкановой. – Черкесск: КЧИГИ, 1999. – С. 486 – 496.

А.И. Джопуа, В.А. Ньюшков

**История изучения русскими археологами
памятников античности и средневековья
на территории Абхазии
(вторая половина XIX в.)**

**History of studies by Russians archaeologists
of antiquity and Middle Ages monuments
on the territory of Abkhazia
(the second half of the 19th century)**

Аркадий Иванович Джопуа – директор Абхазского государственного музея, Сухум, Республика Абхазия.

Arkady Ivanovich Djopua – Abkhazian state museum, Director, Sukhum, Republic of Abkhazia.

Валентин Александрович Ньюшков – старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского государственного музея, Сухум, Республика Абхазия.

Valentin Alexandrovich Nuyschkov – Department of archaeology, senior researcher of Abkhazian state museum, Sukhum, Republic of Abkhazia.

Заинтересованность изучения археологических памятников на современной территории Абхазии русскими археологами-краеоведами во второй половине XIX в. вполне объяснима, поскольку здесь имеются памятники, начиная от палеолита. В то же время, наиболее исследованы ими были историко-археологические памятники периода античности и раннего средневековья, т.е. в то время когда в истории древней Абхазии происходили важные события: древнегреческая колонизация, появление римлян и строительство крепостей Себастополис и Питиунт, персовизантийские войны и т.д. Большая заслуга в их исследовании принадлежит: А.Н. Введенскому, В.И. Чернявскому, В.И. Сизову, П.С. Уваровой, А.М. Павлинову и др. В данной работе отмечены наиболее значительные их достижения, которые, главным образом, касаются изучения памятников (церкви, могильники, крепостные сооружения и т.д.) Себастополиса, древней Апсилии и Абасгии, Драндского собора и др.

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, русские археологи, храмы, съезд, памятники.

Interest in studying of archaeological monuments on the territory of modern Abkhazia by Russian archaeologists and local lore researchers in the second half of the 19th century is quite understandable as there are monuments from paleolithic times, at the same time most of researches done by them concern periods of antiquity and early Middle Age historical and archaeological monuments that was the time when important events took place in the history of ancient Abkhazia, such as ancient Greek colonization, Romen invasion and construction of Sebastopolis and Pitiunt fortresses, Persian – Byzantain wars etc, in the researches most of the credit belongs to A.N. Vvedensky, V.I. Cheernyavsky, V.I. Sizov, P.S. Uvaroov, A.M. Pavlinov and others. This work marked the most remarkable achievements, which largely relate to the studies of monuments (churches, burial grounds, fortress structures and etc) Sebastopolis, ancient Absilia and Abasgia, Dranda cathedral and etc.

Keywords: the Caucasus, Abkhazia, Russian archaeologists, temples, congress, monuments.

История исследования античных и средневековых памятников Абхазии довольно богата и основы научного подходы в их усвоении были заложены ещё в первой половине XIX века. Поэтому уже во второй половине XIX века, зная глубокую древность земли абхазской, русские археологи-краеведы начинают систематическое обследование и изучение археологических памятников на территории современной Абхазии. Между тем, дореволюционные краеведческие исследования по сравнению с многообразием и богатством памятников средневековья были отрывочны, эпизодичны, в результате, «ни один из исследователей никаких больших археологических и историографических задач перед собой не ставил» [1, с. 115]. В тоже время они заложили крепкую основу для дальнейшего археологического изучении края, и «ценность их трудов заключается, прежде всего, в качественной фиксации тогдашнего состояния впервые описанных ими памятников» [2, с. 115].

Для проведения археологических изысканий в 1850-х гг. Абхазию посетил А. Фиркович. В результате поездки им были осмотрены многие памятники истории и культуры. В эти же годы изучением археологических памятников Абхазии занимались Н.М. Мурзакевич, В.Б. Антонович, А.Н. Введенский. В 1859 г. была создана Археологическая комиссия. В ее задачу входило руководство археологическими исследованиями на всей территории страны и сбор обнаруженных древностей.

Здесь бы следовало нам остановиться на А.Н. Введенском, начальнике Сухумского военного отдела (1884–1891 гг.). Его очень интересовала история Абхазии, он собрал большую археологическую коллекцию предметов древности, найденных в различных частях этой страны. Впоследствии она была выставлена в городском музее Сухума, который А.Н. Введенский и создал. К сожалению, музей недолго просуществовал, помешала начавшаяся русско-турецкая война 1877–78 гг., и все, что было собрано, будучи вывезенным, бесследно исчезло. В 1869 г. краевед А.Н. Введенский в местности Хуап раскопал три древние гробницы, в одной из них была найдена глиняная чашка, золотые крючок и петля и железная секира. Вещи эти были переданы в бывший Сухумский музей, впоследствии перевезенные в Кутаис [3, с. 130]. Также А. Н. Введенский считал, что остатки фундаментов, лежащие на водоразделе рек Келасури и Беслетки, по всей вероятности, «служили основанием древних заводских построек», так как, по преданию абхазцев, в этом месте добывали свинец [3, с. 126].

Очень много в выявлении исторических позднеантичных памятников Абхазии сделал другой местный любитель древностей, краевед сухумчанин В.И. Чернявский («Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно», протоколы Подготовительного комитета с археологического съезда в Тифлисе, М., 1879 и другие). Обосновавшись с 1870 г. в Абхазии, он занялся изучением черноморской фауны, а также выявлением и исследованием археологических памятников практически по всем периодам истории Абхазии. В частности, В.И. Чернявский (естественно, с большой долей преувеличенности) считал, что Великая Абхазская стена заходит в море у устья реки Келасури и доходит до Сухумской крепости. Вместе с тем, на данное ошибочное утверждение его натолкнули впервые исследованные им в 70-х годах подводные стены на дне Сухумской бухты напротив устья р. Басла и фрагменты стен римского укрепления в основании Сухумской крепости. Неслучайно он уделил большое внимание изучению древностей Диоскуриады. В результате многолетних поисков В.И. Чернявский первый доказал, что древняя Диоскуриада находилась на месте современного Сухума и её значительная часть погребена на дне Сухумской бухты [4, с. 15], и стал добиваться начала археологических исследований под руководством

В.И. Сизова¹. Для справки, В.И. Сизов, археолог, член Московского археологического общества (с 1877), один из основателей Исторического музея в Москве. По заданию Московского археологического общества провёл первые археологические раскопки на территории Абхазии в 1886 г. Фактически это были первые раскопки профессионального археолога в нашем крае. Отчёт был издан отдельной книгой с хорошо иллюстрированными материалами в 1889 г. Но об этом подробнее ниже.

Итак, 80-е годы XIX века характеризуются заметным оживлением археологического изучения Кавказа, в том числе, и в Абхазии и связано было это с работой V-го Археологического съезда. В Закавказье к этому времени уже деятельно работало организованное в Тифлисе Кавказское общество любителей археологии, которое было тесно связано с Московским археологическим обществом. Инициатива созыва V Археологического съезда на Кавказе принадлежала русскому археологу А.С. Уварову. Съезд прошёл в сентябре 1881 г., в Тифлисе. Ещё, в 1878 г. в Москве был образован Подготовительный комитет, который разработал обширную программу проведения раскопок на Кавказе.

На заседаниях V Археологического съезда участниками были доложены сообщения, касающихся не только археологии, но и этнографии, истории, языка абхазов. В частности, интересные сведения о древностях на территории Абхазии были приведены в материалах означенного съезда. Заслуга его проведения заключалась в том, что съезд много сделал для того, чтобы поставить археологические изыскания на Кавказе на научную почву. Он разбудил общий интерес к этому краю в научных кругах не только России, но и за рубежом и, таким образом, оказал самое благотворное влияние на дальнейшее развитие кавказоведения. Так, подводя итог прошедшему съезду, археолог Всев. Миллер отметил: «В виду необъятности задач, представляемых Кавказом для археологии, было бы конечно слишком смелым ожидать решения их от одного археологического съезда. Все, чего можно было бы желать, состояло бы в том, чтоб ученые специалисты указали эти задачи, наметили главное, на что нужно направить работы, и дали метод для археологических разысканий» [5].

¹ В 1896 г. В.И. Чернявский опубликовал в «Черноморском вестнике» заметку о находке в Сухумской крепости плиты с надписью, подтвердившей пребывание римского легиона Флавия Ариана во II в. н.э. в Севастополе.

И в данном случае на примере Абхазии можно с уверенностью говорить, что выбранное направление работы и метод русскими археологами были успешно применены. В большей степени это коснулось христианских памятников, именно на их изучение делался основной упор. Здесь необходимо выделить 1886 г., который вошёл в историографию Абхазии как предел, знаменующий начало академических исследований в крае, осуществлённых рядом маститых специалистов (В.И. Сизов, П.С. Уварова, А.М. Павлинов и др.).

Начнём (с вышеотмеченного) с русского археолога В.И. Сизова. Очень важно, что В.И. Сизов подтвердил вывод В.И. Чернявского, указав его правильность относительно локализации древнего города после того как в 1886 г. он провёл исследования по заданию Московского археологического общества в Сухуме, на берегах Сухумской бухты, а также безрезультативную разведку на Скурче [6, с. 19]. В.И. Сизов, в частности, писал, что средневековый Сухум соответствует Акуа абхазов. Он выделил в Сухумской крепости кладку римского времени; локализовав, таким образом, Себастиополис на месте современного Сухума.

Немаловажно также отметить и результаты его исследований в районе сквера, возле госдрамтеатра, на набережной, о чём русский археолог отмечал следующее: «Вообще нижний слой канавы по обилию найденных в ней фрагментов греческих сосудов можно сравнить только с насыпными частями горы Митридата в Керчи» [6, с. 17].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что первые серьёзные археологические раскопки по заданию и на средства Московского археологического общества на берегу Сухумской бухты произвел в 1886 г. В.И. Сизов. При участии В.И. Чернявского и известного русского ботаника Н.М.Альбова он обнаружил (ныне на ул. Пушкина) довольно мощный культурный слой, который содержал обломки черепиц, чернолаковых сосудов, различного вида керамику, медные гвозди, свинцовые пластинки, пирамидальное глиняное грузило и бронзовую монету Амиса [6, с. 14].

Обследование памятников Абхазии, начатые В. И. Сизовым, продолжил также по заданию Московского археологического общества в 1888 году уже архитектор А. М. Павлинов. Им были осмотрены соборы в Мокве, Дранде, Илоре, Бедиа и составлены краткие описания находящихся там церковных сооружений. Как указывает А. М. Павлинов, эти сооружения представляют

смесь, сочетание центрально-купольной системы с базиличной, в которых эффект сосредотачивается у алтаря и над ним. Однако ошибочным, как нам кажется, выглядит следующий его вывод: «Церкви эти, хотя и принадлежат Кавказу, но, вероятно, построены греками» так как, не умаляя роли Византии, нельзя также не учитывать ту местную традицию в архитектуре, которая уже прочно установилась к X–XII вв. в постройках большинства церквей на территории Абхазии. Между тем А.М. Павлинов дал более подробное описание Драндского храма, правда, не зная точно, когда храм был построен [7, с. 8], он, тем не менее, считал данную постройку древней. А.М. Павлинов отмечал: «Проём крестового плана с большим куполом в середине, подобный Драндскому, встречается в самых древнейших церквях Кавказа, например в церкви Св. Креста, напротив Мцхета, в Сионской церкви, в главной церкви Мартвильского монастыря, в Атени, в церкви Св. Рипсиме в Вагаршападе и др. Единственная разница, отличающая все эти храмы от Дранды, состоит только в том, что у них концы креста непрямоугольные, как в Дранде, а полукруглые» [7, с. 13].

В тоже время исследовательница древностей Абхазии П.С. Уварова справедливо отнесла Драндский храм к византийским постройкам: «К древнейшему периоду, находящемуся в прямой зависимости от Византии, припишу... в особенности собор в Драндах, имеющий, как и все остальные переименованные церкви, крестовый план и купольное покрытие, напоминающее низкие, как бы придавленные восточные покрытия древней Византии с приземистыми, низкими барабанами и более или менее сферическими куполами. Церкви подобного образца в Грузии не имеют пока ни даты, ни истории и приурочиваются к древнейшей эпохе только по сходству их с подобными им византийскими постройками» [8, с. 191].

Больше всего здесь следует сказать о графине Прасковье Сергеевне Уваровой, одной из первых женщин, заинтересованных древностями Кавказа, внёсшей важную лепту в развитие археологии Абхазии. Её муж был основателем Московского археологического общества и Исторического музея. После его смерти в 1884 году вдова взяла на себя обязанности председателя Московского археологического общества. Она совершила 9 поездок на Кавказ, оставив письменные отчёты по этим экспедициям: «Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок), Путевые заметки. П.-М. 1891, «Могильники Северного Кавказа», Материалы по

археологии Кавказа, 8, 1900, и «Христианские памятники Кавказа», Материалы по археологии Кавказа, 4, 1894. К этим книгам археологии нередко обращаются и в настоящее время.

П.С. Уварова, в частности, описала три храма в окрестностях с. Цебельда (Вороновский, Полтавский и Ольгинский), а также объекты, относящиеся к территории Цхумского воеводства (Апсилия) и отдельные находки (храмы Бырцх, Яштхо, Бесплетский комплекс, рельефы Дранды, Келасурская стена и др.) [9, с. 98]. Так, характеризуя Ольгинскую церковь, она указала, что «церковь эта построена из известняковых тёсаных плит в виде облицовки с обеих сторон, с бутовой заливкой внутри. Церковь была продолговатая, с одним коробковым сводом и, вероятно, была расперта теми деревьями, которые засеялись, выросли и укрепились в её стенках и сводах» [9, с. 99]. Одновременно исследовательницей было высказано мнение, что иконостасы Вороновского и Полтавского храмов имеют «более глубокую древность». В дальнейшем эти три церкви в окрестностях с. Цебельда были описаны также К.А. Владимировым [10, с. 6].

Между тем, П.С. Уварова разделила неверное мнение своих предшественников, что Анакопия, Никопсия и Апсар – разновременные наименования одного пункта. Справедливо подвергнув сомнению возможность отнесения Келасурской стены (графине Уваровой принадлежит введение в научный оборот названия «Гигантская Абхазская стена») к юстиниановским постройкам VI века, П.С. Уварова склонялась к точке зрения Дюбуа о строительстве этой стены ещё древними греками задолго до н.э. [9, с. 112]. Её была разработана и первая научная периодизация христианской архитектуры на Кавказе, в развитии которой выделено четыре этапа со своими характерными чертами. На первом этапе, когда данная территория находилась в прямой зависимости от Византии, был, по мнению исследовательницы, построен Драндский храм, ко «второму, также византийскому периоду», определённым рамками X–XI веков, отнесён храм в Мокве, а к четвёртому этапу – «самостоятельного расцвета грузинской архитектуры» восточной ориентации (XIII–XVI века) – церкви Цебельдинского ущелья», а также сохранено важнейшее свидетельство о том, что «в стороне от Мачарского... местный житель Райман производил раскопки и открыл могилы с признаками сожжения». Тем самым П.С. Уварова отметила находку погребений с трупосожжением в окрестностях Пацхирского ущелья в окрестностях Цебельды.

Можно сказать, что это первое упоминание в литературе о могилах апсилах с зафиксированным обрядом кремации. Очевидно, это первое упоминание в литературе о могилах апсидов [11, с. 88].

И ещё о раскопках. В 1866 г., на правом берегу р. Келасур, недалеко от Сухума были обнаружены два небольших разрушенных храма. Предпринятые полковником Цилюсани раскопки выявили несколько медных предметов. В земле под престолом одного из храмов был найден четырёхконечный железный крест, несколько медных розеток с острями, серебряный золочённый образок и др. предметы [10, с. 14].

В деле описания, фиксации и первичного анализа форм христианских храмов Абхазии следует отдать должное труду, подготовленному архимандритом Леонидом (Кавелиным) (настоятелем Троицко-Сергиевой Лавры) «Абхазия и её христианские древности». Эта работа стала, по выражению Ю.Н.Воронова: «Своеобразным обобщением историко-археологических свидетельств с прошлым края» [11, с. 87], в ней по праву был дан первый исторический очерк Абхазии с описанием и фотографиями многих христианских памятников края, в книге говорится об истории христианства в Абхазии. Особенно интересно составленное им подробное описание древностей города-крепости Анакопия [2, с. 115].

В заключении хочется присоединиться к словам К.А. Владимирова: «Кавказское побережье Чёрного моря представляет ещё донныне богатый край для исследования и ждёт опытного археолога, который путём тщательных исследований, изучит его и в ярких чертах, воспроизведёт древнюю жизнь и всю роскошь и богатство этого оживленного в древности края» [10, с. 22] и заметить, что несмотря за больше, чем столетие, были произведены большие археологические работы в разных местах Абхазии, тем не менее, и сегодня богатый край нуждается в исследовании.

Литература

1. *Бгажба О.Х.* История изучения средневековых памятников Абхазии // МАА. Тбилиси: Мецниереба, 1967. С. 115–128.
2. *Ендольцева Е.Ю.* К вопросу об изучении христианского искусства Абхазского царства // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья. Том I / отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: Ин-т ИВ РАН, 2013. С.95–106.

3. *Введенский А.И.* Замечания на записки В. Чернявского // Протоколы подготовительного комитета V археологического съезда в Тифлисе: М.: 1879.
4. *Чернявский В.И.* Записка о памятниках Западного Закавказья, исследование которых наиболее настоятельно // Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М. 1879.
5. *Миллер В.* Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. № 1, 1882.
6. *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. М.: 1889. С. 10–39.
7. *Павлинов А.М.* Экспедиция на Кавказ в 1868 г. // МАК. Вып. III. М.: 1893. С. 1–30.
8. *Уварова П.С.* Христианские памятники // МАК. Вып. IV. М.: 1894. С. 1–190.
9. *Уварова П.С.* Кавказ (Абхазия, Аджария, Шавшети, Псховский участок). Путевые заметки. Ч. II. М.: 1891.
10. *Владимиров К.А.* Древности Черноморского побережья Кавказа. С-Пб: 1900.
11. *Воронов Ю.Н.* Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология / отв. ред. О.Х. Бгажба. Сухум: Алашара, 1998.

Сокращения

МАО – Материалы по археологии Абхазии. Тб.

МАК – Материалы по археологии Кавказа, М.

ИВ РАН – Институт востоковедения Российской академии наук

Л.Б. Куканова

**О русском языке как
о доминирующем средстве выражения русской
культуры в полиэтническом регионе**

**Concerning the Russian language
as a dominate means of Russian culture expression
in multiethnic region**

Куканова Лариса Борисовна – Кандидат филологических наук, доцент.
Директор ГБУ РД «Республиканский центр русского языка и культуры», г. Махачкала

Kukanova Larisa Borisovna – PhD in Philological Science, Assistant Professor.
Director, The Republican Center of the Russian language and culture, Makhachkala

В статье рассматривается проблема инкультурации тех представителей русского народа, которые родились и живут в полиэтнических регионах, таких, например, как Республика Дагестан на Северном Кавказе. Автор затрагивает проблему этнической самоидентификации русских в многонациональных регионах, так как она включает в себя ряд аспектов, таких как инокультурное окружение, неполнота знаний о проведении русских народных обрядов и ритуалов, редкие встречи с родственниками из центральной России (носителями русской культуры) и некоторые другие. Автор приходит к заключению, что одним из основных средств, способствующих этнической инкультурации, а также культурной самоидентификации в такой ситуации остается русский язык. И именно поэтому вопрос о поддержке и сохранении русского языка в таком поликультурном и многонациональном государстве, как Российская Федерация, становится вопросом чрезвычайной важности.

Ключевые слова: социализация, проблемы инкультурации, этническая принадлежность, этническая самоидентификация, русский язык, национальная политика, средства выражения русской культуры в поликультурных регионах.

The article deals with the problem of enculturation of those Russians who were born and live in multiethnic regions such as the Republic of Daghestan in the

North Caucasus. The author concerns the problem of national self-determination for such Russians because there are some problems with that, such as the dissimilar cultural environment, little knowledge of Russian culture in the sphere of conducting ceremonies and rituals, scarce meetings with relatives from the central part of Russia and some others. The author comes to a conclusion that one of the main means helping ethnic enculturation and self-determination in such situation is the Russian language. So, the question of support and preservation of the Russian language in such multicultural and polyethnic country as the Russian Federation is the question of great importance.

Key words: socialization, problems of enculturation, ethnic characteristic, ethnic self-determination, The Russian language, national policy, expression means of Russian culture in multiethnic regions.

С появлением на свет человек проходит большое количество стадий физиологического, психологического, интеллектуального, психического, социального развития. В отличие от представителей животного мира, поведение которых в реальном мире обусловлено наличием врожденных инстинктов, человек-разумный осваивает способы поведения в этом мире через общение с себе подобными, пополняя копилку собственного опыта жизненной реализации на бытовом, социальном, культурном уровнях.

Ученые говорят о существовании таких стадий социального становления личности, как социализация и инкультурация. Где под социализацией понимается «двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, в систему социальных связей, а с другой – активное воспроизводство этой системы индивидом в его деятельности» [1, с. 37]. Процесс же инкультурации по А.П. Садохину, «подразумевает освоение индивидом моделей, присущих его культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с представителями данной культуры и отличие от представителей других культур» [1, с. 39–40]. С момента осознания себя частью социума человек в процессе социализации одновременно перенимает и впитывает из окружающего его мира людей (чаще всего это начинается с семьи) тот культурный поведенческий код, который впоследствии поможет ребенку осознать себя частью определенного этноса, носителем определенной культуры и, таким образом, противопоставить себя представителям другого народа.

В рамках данной статьи рассмотрим, какие сложности могут возникнуть в процессе инкультурации русского человека, который родился и прошел большинство ступеней социализации в нерусских регионах нашей необъятной родины. Психологи утверждают, что этническая идентификация является одной из важнейших потребностей личности. Возникающие же в процессе ее развития трудности могут привести к внутреннему конфликту личности. Крайние формы переживания конфликта могут привести к диффузии личностной идентификации [3, с. 390]. Позвольте привести пример из личного опыта. Выезжая за пределы Дагестана, уже с подросткового возраста я слышала в свой адрес такой эпитет со стороны моих русских друзей из российской глубинки «Ты не русская». В чем же тут дело? Ведь я была голубоглазым, светловолосым ребенком, внешне, казалось бы, ничем не отличалась от тех, с кем общалась. Вероятно, что-то необычное было в моем поведении. С годами я привыкла. И фраза «Ты не русская» меня не сильно смущает. Сегодня мои дети, которые родились и выросли в Дагестане, тоже сталкиваются с подобными фактами. (И не только они. По данным неофициального опроса, проведенного нами, 98% респондентов знакомы с такой ситуацией). Все дело в поведении. Дело в том, что модель поведения в обществе старших, в отношении с лицами противоположного пола несколько разнится у кавказских народов и представителей средней полосы России. Мое становление как члена общества проходило в горной республике и, естественно, оказало на меня, как и на всех здесь живущих, свое влияние. Еще одна грань проблемы возникает с момента, когда человек начинает осознавать себя представителем определенного этноса, то есть носителем культуры. Естественно предположить, что основные этапы инкультурации индивид проходит в семье. Здесь он слышит родную речь, здесь ему поют сначала колыбельную, а потом и другие народные песни, в семье ребенок знакомится с обычаями, ритуалами, традициями своего народа. И от того, насколько ярко и выразительно все эти национальные аспекты находят свое выражение в жизни семьи, настолько проще будет проходить процесс инкультурации. А как же ребенок может осознать себя представителем того или иного этноса, если народные традиции не являются частью жизни семьи, не почитаются в семье или не известны вовсе? Вероятно, в этом случае возникают трудности в процессе инкультурации, этнической самоидентификации ребенка. Если говорить о русских,

проживающих в Дагестане сегодня, то многие из представителей старшего поколения (в основном, это люди, которым сейчас уже за шестьдесят лет) прибыли в Дагестан по распределению вузов из разных уголков России. Традиции и обряды русских, оказавшихся волею судеб в Дагестане, могли значительно отличаться друг от друга. Как известно, есть различия между свадебными обрядами донских казаков, близких соседей кавказских народов, и теми же обрядами Вологодской или Ленинградской области. Оказавшись вдали от родины, сохранить обычаи тяжело еще и по причине малочисленного состава представителей одного региона. Создавая семьи, люди смешивались, не обращая внимания на то, откуда родом избранник или избранница, межнациональные браки стали нормой семейных отношений.

С процессом общения со своими русскими родственниками – яркими представителями русской национальной культуры – тоже не все просто. В современных условиях сложно похвастать тем, что многие жители российских регионов часто посещают своих русских родственников, проживающих в кавказских республиках. Людей отпугивает страх прошлого – война в Чечне, большое количество терактов, набирающая высокие темпы исламизация кавказских республик, распространение ваххабизма. Сегодня многие из этих фактов отошли в прошлое, но, как известно, стереотипы, получившие жизнь когда-то, очень неохотно сдают свои позиции. «Мы не приедем, у вас стреляют», – часто приходится слышать. Едут или самые отчаянные, или те, кто когда-то жил в Дагестане.

Оставшись в пределах прозрачных границ, когда препон для встречи с родственниками на кавказской земле в принципе нет, русские люди испытывают определенные трудности в плане своей национальной самоидентификации. Например, возникают сложности при отправлении обрядовых действий, таких как сватовство, свадьба или поминки. Здесь на помощь приходит либо интернет, либо знания, почерпнутые из вала западных кинофильмов («Сделаем на европейский манер»), либо возможность применить что-то из оставшегося в памяти старшего поколения. И конечно, все это ассимилируется с местным национальным колоритом. (Таких свадеб, например, какие справляют в Дагестане русские, вы больше нигде не увидите!)

При малочисленности русского населения в Дагестане и других кавказских республиках, в условиях, когда приезд род-

ственника из российской глубинки – это скорее исключение, чем правило, с учетом того факта, что почти каждый русский, проживающий на территории кавказских республик, – это часто потомок выходцев из нескольких регионов России, проблема этнической инкультурации молодого поколения неизбежна. Единственно неизменным ориентиром в направлении русской культуры для подрастающего поколения при таком положении дел остается русский язык.

В языке сохранилось все то, что накопил русский народ за более чем восемь столетий своего становления и развития. Языковые формы бережно хранят традиционные обрядовые и ритуальные присказки, частушки, поговорки. Литературные произведения способны поведать читателю об одежде, быте, праздниках и их истоках. Песни, сказки, былины предоставляют нам богатый материал для изучения русской культуры различных временных отрезков и территориальных областей России. Богатство и красота языка способны вызвать чувство гордости за то, что ты являешься представителем именно этого древнего этноса.

Язык биполярен в том смысле, что, с одной стороны, является хранителем и выразителем культуры определенного этноса, с другой стороны, язык не может существовать сам по себе без свойственного данному этносу культурного фона и его носителей. Из чего вытекает вполне логичный вывод о том, что, если хотим сохранить народ, надо беречь и сохранять его язык, и наоборот. По мнению Симоновой Н.А., «язык – это хранитель национальной культуры народа, и при этом, один из путей, которым культура выражает себя» [2, с. 131].

Выступая на Съезде общества русской словесности, президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «сбережение русского языка – это вопрос национальной безопасности». Сложно не согласится. Но сохранение русского языка для России с большим количеством национальных республик – это еще и фактор сохранения общей российской государственности и развития общероссийской гражданской идентичности. При этом необходимо уделить внимание созданию таких этнополитических условий, при которых юный представитель любой этнической общности из семьи российских народов смог без труда определиться со своей национальной идентичностью не только на уровне социума, но и беспроблемно пройти процесс этнической самоидентификации на уровне внутреннего содержания личности.

Литература

1. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высш.шк., 2005. – 310 с.
2. Симонова Н.А. Язык как средство выражения национальных особенностей и культуры народа [Электронный ресурс] // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. Вып. 11–13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-sredstvo-vyrazheniya-natsionnalnyh-osobennostey-i-kultury-paroda> (дата обращения 05.07.16).
3. Этническая (национальная) идентификация [Электронный ресурс] // Этнопсихологический словарь. URL: <http://ethnopsychology.academic.ru/390> (дата обращения 14.06.16).

З.А. Кучукова

**Рецепция «другого» (русского)
в балкарской литературе**

**Reception of the Other (Russian)
in Balkarian Literature**

Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литератур Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

Kuchukova Zuhra Akhmetovna – doctor of philological sciences, professor of Russian and foreign literature chair of Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.

Автор статьи рассматривает диахронию русско-кавказских взаимоотношений, а также вариативные формы концепта «русский человек» на материале сказаний нартского эпоса и балкарской классической литературы.

Ключевые слова: этнокультура, литература, нартский эпос, кросс-культурный герой, просветитель, русский горец, русское аталычество, амбивалентный персонаж.

The author of the article investigates the diachrony of Russian and Caucasian relationships and variable forms of the concept «Russian person» on the basis of Nart epos legends and Balkarian classic literature.

Key words: ethnoculture, literature, Nart epos, cross-cultural hero, enlightener, Russian highlander, Russian fatherhood, ambivalent personage.

Отечественная филологическая наука уже дала теоретически и практически обоснованные ответы на многие актуальные проблемы, связанные с рецепцией «другого» в национальной культуре [1]. Проблема отражения образа «кавказца» в зеркале российской научно-художественной литературы также получила глубокую и всестороннюю разработку. Достаточно назвать фундаментальную трехтомную антологию «Опальные: русские писатели открывают

Кавказ», изданную в 2010–2011 гг. коллективом ставропольских ученых [10]. Однако на периферии исследовательского внимания все еще остается вопрос: какой отпечаток «русский человек» оставил в художественном сознании народов Северного Кавказа?

Данная статья является одной из первых попыток исследовать историко-литературные традиции изображения русского человека в кавказской (в частности, балкарской) художественной культуре. Мы исходим из того, что любой подлинно художественный текст – это своего рода «черный ящик», который, наряду с «бытием культуры собственного происхождения», воспринимает, воссоздает и закрепляет в этноколлективной памяти образ «инопланетянина», пришельца из культуры другого национального космоса.

Первый русский зять: кросскультурный герой

Диахронический анализ показывает, что первое упоминание о русском человеке встречается в «Нартах» – героическом эпосе балкарцев и карачаевцев в публикации просветителя XIX века Сафар-Али Урусбиева (1881). Архаичный текст гласит: «Некогда Бёдене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно приняли его и выдали за него невесту без калыма. Бёдене поселился в ауле Кинте и занимался исключительно рыболовством» [11, с. 513]. Здесь, в сущности, описывается первый русско-балкарский межэтнический брак, соединивший представителей двух стихий бытия: речного, равнинного и горского, высотного. Первоначальная бездетность пары по закону мифологического параллелизма призвана подчеркнуть проблематичность, сложность, малопродуктивность еще незрелого межкультурного диалога. Однако по сюжету русский рыбак все же чудесным образом обретает счастье отцовства: в один из дней он вылавливает в реке Идиль (Волга) железный сундучок, внутри которого находился «хорошенький мальчик». Архетипический мотив появления младенца из сундучка напрямую отсылает нас к древнейшему ритуалу инициации. Сундучок (изготовленный нартом-первокузнецом Дебетом [11, с. 514]), символизирует материнское лоно, где мальчику, биологически рожденному в горах, в результате длительного путешествия по Волге-реке, предстоит пережить онтологическое перерождение.

Высшим философским смыслом данного «аква-квеста» становится привитие эпическому герою интегративных личностных качеств альпийского и равнинного человека, горца и «речника». Иными словами, в образе новорожденного «русского горца» воплощен художественный принцип, названный культурологом В. Рудневым «медиацией», то есть посредничеством между крайними именами оппозиции. «В модальных оппозициях, – пишет исследователь, – вводится третий средний элемент, который нейтрализует два противоположных» [14, с. 235]. В приведенном отрывке нартского эпоса ребенок, рожденный от горянки и русского рыбака, олицетворяет «новый строй души», «промежуточное существо, способное соединить два мира» [17, с. 285]. Рачикау – кросскультурный герой, который своим появлением на свет сменяет дуалистическую модель бытия «свой - чужой» на мировоззренчески более прогрессивную триадную структуру «свой-пограничный-чужой».

Имя собственное в мифологическом тексте всегда больше, чем имя; оно служит онтологическим кодом, определяющим ориентир, должный вариант индивидуального и этноколлективного бытия. В этом смысле юный герой, которого нарекли Рачикау (балк. Ёречикау – восходящий), на протяжении всего эпического повествования будет «отрабатывать» свое имя, поднимаясь все выше и выше по ступеням физической и духовной самореализации. Рачикау, человек с расширенным сознанием, с рождения имеющий «двойное гражданство», одинаково комфортно чувствует себя как в степи, так и в горах. С точки зрения межкультурной коммуникации примечателен «клятвенный» диалог между «батыром гор» Сосруко и «батыром степей» Рачикау.

Сосруко: «Да не умрет в горах Рачикау!»

Рачикау: «Да не умрет на плоскости Сосруко!» [11, с. 515].

Приведенный микродиалог является мифологически преломленной формой взаимного приятия культур и манифестации тех ценностей, общность которых беспорна.

Чувство недоумения у читателя может вызвать столь неславянское по своему фонетическому звучанию имя исторически первого «русского зятя» балкарцев – Бёдене (с ударением на последнем слог). Наличие карачаево-балкарского (тюркского) антропонима у русского объясняется тем, что субъектом номинации обычно выступает этническое большинство, принимающая сторона, которая по-своему нарекает пришельца, кунака, гостя.

«Бёдене» в переводе с тюркского означает «перепел, перепелка». Думается, наречение русского юноши данным зооморфным образом мотивировано несколькими логико-ассоциативными причинами, среди которых на первый план выступает чисто внешнее цветовое сходство «рыжевато-коричневого окраса птицы» и облика этнотипичного «русича». Во-вторых, перепелка может выступать как эколого-географический код степного ареала, русской надречной равнины, Приволжья.

Таким образом, цикл нартских сказаний, связанных с именем Бёдене, знаменует некий первоначальный этап в истории русско-балкарских социокультурных отношений. Образно-метафорический язык нартского эпоса фиксирует опыт контактов между российскими славянами и кавказскими горцами, каждый из которых сделал шаг навстречу «другому». Рожденный от первого интернационального брака ребенок (Рачикау), сын двух народов, эпический герой с супернормативными духовно-физическими данными являет собой по сути образ нового, поликонцептуального человека, преодолевшего узость этноцентрического сознания.

Просвещение по-русски

Разрабатывая историю балкаро-русских взаимоотношений XIX в., следует обратить внимание на такой мощный интегративный инструмент как институт аманатства, который предусматривал вовлечение горской знати в орбиту политического и культурного влияния России. На практике это означало создание в крепости Нальчик специализированной аманатской школы, где мальчики 9-13 лет из балкарских княжеских семей получали начальное образование. Данных «условных заложников» обучали чтению, письму, русскому языку, позже в ведущих высших учебных заведениях страны из них готовили специалистов разного рода, в том числе, офицеров российской армии. Кавказоведы отмечают: «Правительство, устраивая эту школу, имело в виду весьма мудрый политический расчет. Дети местных жителей, меняя свои первоначальные представления и постепенно отказываясь от своей неприязни к русским, возвратятся к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейской культуре» [1, с. 146]. По мнению историка Е.Г. Битовой, «кавказская администрация пыталась повлиять на горские народы через детей-аманатов, используя их

как проводников российской культуры и общественного устройства» [3, с.146].

Вектор диалога, заданный нартским эпосом и институтом аманатства, с особой интенсивностью осуществляется в годы Советской власти, которая официально берет курс на культурное освоение южных окраин России, в том числе Балкарии. Многочисленные коллективы русских учителей, инженеров, врачей направляются в горные аулы с одной целью – привить жителям «первозданного Кавказа» цивилизованные ценности и нормы просвещенного европейца.

Почти монополюльно действовавший на территории Северного Кавказа ближневосточный культурный канал с его серверным арабским языком сменяется приоритетом культуротворческой миссии русского языка. Данный момент лингво-цивилизационной «бифуркации» получил весьма интересное воплощение в творчестве классика балкарской поэзии Кязима Мечиева (1859-1945). Поэт – полиглот, дважды совершивший паломничество в Мекку, знающий арабский, персидский и целый «веер» тюркских языков, в стихотворении «Искреннее слово» (1906) с сожалением отмечает, что «присматриваясь к Востоку», он «не узнал Севера (России – З.К.)» [10, с. 302]. Кстати, ровно через столетия, поэтически осмысливая феномен билингвизма на Кавказе, Танзиля Зумакулова напишет: «Забыв родной язык – я онемею, // Утратив русский – стану я глухой!» [6, с. 42]. В той же мере примечательны и лингвокреативные экзерсисы поэта Умара Алиева (1911–1972), оригинально чередующего балкарские и русские двустушия в единой по смысловому содержанию строфе.

Новейший балкарский фольклор сохранил любопытные сведения о встрече юных северокавказских горцев с далекими потомками Бёдене – русскими на заре советской эпохи (в 30 годы). Рассказывает Г. Ш., ныне известный деятель культуры и науки КБР: «Когда началось строительство Баксанской ГЭС, приехало много русских. Один из них, инженер, поселился в нашем доме. Мне, шестилетнему мальчику, было любопытно за ним наблюдать. Особенно меня заинтересовал продолговатый тонкий предмет, который он хранил за правым ухом. «Что это?» – спросил я. «О!» – протяжно отвечал русский мужчина. «Это очень, очень дорогая вещь... Этот предмет стоит больше, чем вся отара твоего отца. Это карандаш, это мои знания. Я запомнил это волшебное

слово «карандаш» и сильно захотел стать таким же умным, как этот русский» [8].

Приведенный факт иллюстрирует, что диалог и синтез культур – это не только общение людей, диффузия идей/представлений, но и действие артефактов (электрическая лампочка, книга, карандаш, шприц, белый халат и т. д.), выступающие в роли «предметных писем». В условиях, где еще не выработан единый язык межнационального общения, красноречивее вербального языка «вещают вещи», опосредованно характеризующие как их обладателей, так и конструируемый совместно «дивный новый мир».

Картина особенностей межкультурной коммуникации горцев Северного Кавказа и России активно зафиксирована в кавказской поэзии 20 века. Характерен в этом плане стихотворный цикл Кайсына Кулиева «Мои соседи» (1939). Из «девяти соседей» лирического героя двое русских – фельдшер Петр Иванович и учитель Борис Игнатьевич, которые запечатлены как типичные представители русской интеллигенции, служители благородной цели и культурной миссии – лечить, просвещать, строить новую цивилизацию в «стране Прометея» – на Кавказе. По Кулиеву, отличительными чертами «русских людей» являются мастеровитость, профессионализм высшей пробы, самоотдача, большая внутренняя культура и толерантность. Альтруист по духу и фельдшер по профессии, Петр Иванович, которого чегемские горцы называют «Алтын Адам» (Золотой Человек), поименно знает всех жителей аула от мала до велика, всегда приходит на помощь, невзирая на погоду и время суток.

Кулиев, будучи реалистом, подмечает и случай «дисконтакта» из-за расхождения ментальных полей: к русскому доктору поначалу негативно относится местный священнослужитель (мулла), запрещающий своим прихожанам обращаться к гяуру (иноверцу). Однако этот конфессионально-психологический конфликт завершается на комической ноте – мулла упал с коня, поранил голову и стал кричать: «Иваныча! Иваныча! Приведите ко мне Иваныча!» [8, с. 90]. Так пал последний «бастион» сопротивления русской цивилизации в Чегеме (на Кавказе). Образ русского фельдшера, изображенный в «Моих соседях», настолько типичен, что каждый старожил Балкарии может припомнить у себя в ауле типологического двойника кулиевского доктора Петра Ивановича.

Особое место в поэтической концептосфере К. Кулиева (как и во всей кавказской литературе советской поры) занимает образ

«русского учителя» – транслятора русской и мировой культуры на Северный Кавказ.

Кулиевский «Борис Игнатъевич» – историческая личность, преподававшая в 30-годы в сел. Верхний Чегем (откуда родом Кулиев). На «Страницах автобиографии» Кулиев пишет: «Русскому языку нас обучал старый учитель Борис Игнатъевич, пожилой милый человек в чеховском пенсне. Слова благодарности ему читатель найдет в той же «Горской поэме» и в более раннем моем стихотворении «Учитель Борис Игнатъевич». Но тогда я не понимал, каким благом станут для меня его уроки, не знал, что русский язык открывает мне свои несметные сокровища, и я приобщусь к великой русской литературе – от Пушкина до Твардовского, от Толстого до Паустовского» [7, с. 6].

Русское «аталычество»

Сюжетной основой целого ряда произведений в балкарской литературе является история знакомства юного горца с революционно настроенным «русским товарищем», который, по законам «жанра», перевозит его из кавказской этнокультурной среды в «цивилизованное пространство» большого русского города (Москва, Петербург, Ростов, Ставрополь, Пятигорск) и методично формирует из «человеческого пластилина» новую личность (красного комиссара, партийного работника, председателя колхоза и т. д.). Приведенная экзистенциальная формула с поразительной точностью совпадает с архетипической моделью становления «кросскультурного горца», представленного еще в «Нартском эпосе».

Процесс личностного перерождения горца под влиянием русской культуры в произведениях балкарских авторов (О. Этезов, Ж. Залиханов, М. Шаваева, А. Теппеев и др.) часто сопровождается сменой балкарского имени на русский лад (Мазан – Михаил, Саид – Сергей, Зухра – Зоя и т. д.), фиксируя таким образом глубину влияния русской культуры. Но при этом кавказская художественная литература рисует русских просветителей как стремящихся соблюдать баланс между этнической идентичностью воспитанника и обретаемой им русской культурой. Так, в романе Ж. Залиханова «Горные орлы» наставник Федор Иванович сначала научил юного Мазана писать свое исконное имя, и лишь потом начинает называть его «Михаилом» [5, с. 71]. Подобная поэтика

«second-self» в текстах присутствует на самых разных нарративных уровнях: «герой смотрит на колокольню городской церкви и вспоминает родные вершины» [5, с. 76], ему «нравится не только айран, но и русский суп из капусты» [5, с. 84].

Художественно решая проблему русско-балкарской интеграции, авторы «в старый сосуд наливают новое вино», фактически следуя модели аталычества (традиции отдавать кавказского мальчика до «совершеннолетия ума» на воспитание в славянскую семью). С высокой долей частотности встречается и мотив побратимства, основанный на духовном родстве двух юношей - русской и балкарской национальности. В романе «Горные орлы» русский «аталык» Федор Иванович с одинаковой отеческой заботой воспитывает своих «сыновей» Мазана и Андрея. Символическая деталь: «Братья обнялись, прижавшись друг к другу так тесно, что обоим казалось, будто у них одно сердце» [5, с. 334].

Еще более трогательную историю побратимства рассказывает Керим Отаров в поэме «Дороги». Главный герой поэмы Олесь Гончаренко после 9 мая 1945 года отправляется в Среднюю Азию, куда был депортирован балкарский народ, с целью разыскать там мать своего погибшего на войне друга Солтанхамида Батырова и заменить ей погибшего сына [13, с. 280]. Уже по приведенному кругу текстов (а он может быть продолжен), видно, что Кавказ и Россия «проросли» друг в друга, образовав целостную семью с едиными духовно-культурными ценностями.

Конфликт мировоззрений

В 90-е годы балкарские писатели отходят от однозначной идеализации образа «русского человека» (что диктовалось идеологией), возвращаясь к естественным методам художественного отображения отношений этносов – к соотношению архетипов культуры, к оперированию стереотипами [16]. В итоге в балкарской литературе появляется русский человек амбивалентной природы. Впрочем, корни такого подхода тянутся к сложившемуся со времен царской России двойственному отношению россиян к Кавказу: реакционно-консервативному, «ермоловскому», и прогрессивно-гуманистическому, берущему начало в творчестве Пушкина и Лермонтова. Так, суть конфликта в романе З. Толгурова «Голубой типчак» определяется столкновением диаметрально противоположных воззрений на Кавказ (и кавказцев) двух русских

офицеров-антиподов. Первый из них, Георгий Марков, приверженец «ермоловского» лагеря, считает кавказцев «разбойниками» [15, с. 74], и участвует в карательных операциях, хладнокровно уничтожая даже тех, с кем еще вчера ел хлеб-соль.

Совсем другими красками нарисован в романе образ майора Сергея Кравцова, в котором воплощены лучшие черты русской ментальности. Продолжая пушкинско-лермонтовско-толстовские традиции, он остается философом на войне, способным переключить свой этнокультурный код, встать над конкретикой ситуации и сочувствовать горцам. После карательной операции, в которую Кравцов невольно оказался втянут, он навсегда «прощается с оружием». Символичен финал романа: по законам русско-балкарского «аталычества» Кравцов усыновляет осиротевшего малыша-горца и отправляется с ним в Россию, могилу же своего отца он навсегда оставляет среди кавказских гор. Подобный перекрестный обмен культурными символами высшего плана подчеркивает прочность уз, переплетенность русско-балкарских судеб.

Итог исследования: концепт «русский человек» является эстетически подвижной категорией, обусловленной историческими условиями и приоритетами народной аксиологии. Обзор сегодняшних постперестроечных художественных текстов показывает состояние стагнации самой темы интернационализма, еще не пришедшей в себя после «парада этнических суверенитетов». Достаточно вспомнить постмодернистский роман Дины Дамиан «В вашем мире я – прохожий» [4], разводящий мир Кавказа по полюсам «русская империя» и «туземцы».

Культурная история, развивающаяся по синусоиде, сегодня императивно разворачивает каждого мыслящего человека от собственной маленькой «плошки» к вселенскому «котлу» интернационального бытия. Художественно-научное исследование космо-психо-логоса своих ближайших соседей по планете представляется крайне актуальным для формирования культуры общества, предупреждения и смягчения межкультурных и межцивилизационных коллизий в эпоху глобализации. А в условиях России взаимные отношения этносов имеет еще одну грань – взаимное проникновение этносов и их культур является непременным условием формирования национальной идентичности постсоветской России. И здесь не последняя роль принадлежит художественной литературе и гуманитарной науке.

Литература

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
2. Антология от «Я к Другому». – Минск, 1997; Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура: парадокс науки о «Чужом» // Логос, 1994. № 6; Одиссей. Человек в истории. Образ другого в культуре. – М.: Наука, 1994; Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М.: 2003.
3. *Битова Е.Г.* Балкарская знать в условиях включения в административно-политическую историю Российской империи // Исторический вестник. 2005. №2. С. 141–164.
4. *Дамиан Д.* В вашем мире я – прохожий. – М.: Едиториал УРСС, 2006.
5. *Залиханов Ж.* Горные орлы. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966.
6. *Зумакулова Т.* Избранное. – М.: Художественная литература, 1983.
7. *Кулиев К.* Поэт всегда с людьми. – М.: Советский писатель, 1986.
8. *Кулиев К.* Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. – Нальчик: Эльбрус, 1958.
9. Личный архив автора статьи.
10. *Мечиев К.* Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. – Нальчик: Эльбрус, 1989.
11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / Вступительная статья и комментарии Т.М. Хаджиевой. – М.: Восточная литература, 1994.
12. Опальные русские писатели открывают Кавказ. В 3-х тт. Под ред. В.А. Шаповалова и К.Э. Штайн. Изд. Ставропольского гос. ун-та. – Ставрополь, 2010-2011.
13. *Отаров К.* Молю судьбу о мире на земле. Стихи и поэмы. Нальчик: «Эль-Фа», 1995..
14. *Руднев В.* Словарь культуры XX века. М.: Агра, 1999.
15. *Толгуров З.* Голубой типчак. – Нальчик: Эльбрус, 1993.
16. *Тхагапсоев Х.Г.* Диалог культур: проблемы соотношения архетипов// Научная мысль Кавказа, 2001, №1, с.62-68.
17. *Эстес К.П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. – М.: Изд-во «София», 2002.

М.И. Магомедов

**Роль русского языка
в развитии межкультурного
диалога в Республике Дагестан**

**The role of the Russian Language
in the development of intercultural dialog
in Republic of Dagestan**

Магомедов Магомед Ибрагимович – Доктор филологических наук, профессор, Директор Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук г. Махачкала

Magomedov Magomed Ibragimovich – Doctor of Philology, Professor, Director of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences The city of Makhachkala

Статья посвящена анализу роли русского языка в развитии межкультурного диалога в Республике Дагестан. Русский язык, функционирующий в дагестанском социуме как средство межнационального общения, как доминирующий компонент дагестанско-русского двуязычия, как язык, обслуживающий большинство социальных сфер, также служит важнейшим фактором межкультурного диалога.

Рассматривая проблемы функциональной деятельности русского языка в полиэтническом Дагестане, необходимо иметь в виду то, что его современное состояние и перспектива дальнейшего развития зависят от характера функционирования двуязычия.

Ключевые слова и словосочетания: русский язык, межкультурный диалог, дагестанско-русское двуязычие, язык межнационального общения.

The article considers the role of the Russian language in the development of intercultural dialog in Republic of Dagestan. The Russian language functioning in Dagestan society as a means of international communication, as the dominating component of Dagestan-Russian bilingualism, as the language used in many social spheres, is also the most important factor of intercultural dialog.

Considering problems of functional activity of the Russian language in polyethnic Dagestan, it is necessary to have in mind that its present condition and perspective of further development depend on character of functioning of bilingualism.

Key words: the Russian language, intercultural dialog, Dagestan-Russian bilingualism, the language of international communication.

В современных условиях жизни дагестанцев повышается роль науки, культуры, общего и специального среднего и высшего образования в процессе подготовки специалистов из среды автохтонных народностей Дагестана по разнообразным отраслям производства и народного хозяйства, в связи с чем возрастает актуальность получения хорошего знания русского языка.

Сегодня очень важно вскрыть социальную и лингвистическую сущность формирования национально-русского двуязычия в разных условиях проживания дагестанцев (в однонациональной сельской среде, полиэтнических поселках и городах), выявить объективные закономерности функционирования его компонентов, выработать рекомендации по формированию гармонического национально-русского двуязычия, справедливо и объективно охарактеризовать воздействие русского языка на языки народов Дагестана.

Приобщение дагестанцев к русскому языку и его распространение в Дагестане, формирование национально-русского двуязычия были социально-экономически и культурно-исторически детерминированными явлениями, объективно востребованными реалиями жизни народов Дагестана.

Начиная со второй половины XIX века сферы взаимодействия и духовного сближения России и Дагестана постепенно расширялись. Дагестан исследовали выдающиеся русские ученые, русская литература становилась достоянием образованных горцев, которые с помощью перевода на местные языки произведений русских поэтов и писателей, устного народного творчества приобщали соотечественников к русской культуре. Интернациональная в своей основе демократическая литература русских классиков оказалась не только приемлемой, но и желанной для дагестанцев благодаря общечеловеческим идеям и гуманистическим устремлениям. Наука и литература, шедшие из России, овладевали умами и сердцами дагестанцев, которые воочию убеждались в исторической неизбежности сближения с русским народом, его литературой, культурой.

И русские люди, читая исследования российских ученых о Дагестане, художественные произведения А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, посвященные дагестанской тематике, проникались убеждением, что живущие в горах народы обладают своей цивилизацией, своими гуманистическими, морально-этическими традициями, самобытными языками и богатым устным художественным творчеством.

В плеяде блистательных ученых, изучавших разнообразные стороны природы Дагестана и его народов, особое место принадлежит П.К. Услару (1816–1875), который в течение четверти века изучал и описывал дагестанские языки. Ему принадлежат фундаментальные лингвистические труды по языкам дагестанцев, которые не потеряли своей актуальности даже в наши дни.

П.К. Услар способствовал распространению грамотности среди горцев. Он создал алфавиты для их родных языков на русской графической основе.

Большое значение имеет статья П.К. Услара «О распространении грамотности между горцами». В ней много поучительного и справедливого даже применительно к нашему времени. Он писал: «Индивидуальность народа обуславливается особенностью его языка и особенностью его склада понятий, его цивилизации. Язык и цивилизация подчинены весьма неравномерным жизненным законам. Язык живет целые тысячелетия при самых даже неблагоприятных условиях для его жизни» [5, с. 2]. Рациональным зерном рассматриваемой статьи можно считать то громадное значение, которое придает автор родному языку народа, благодаря которому последний успешно ориентируется при изменении «центра цивилизующего тяготения». Пророческими оказались слова Услара: «Международным языком должен быть русский, международной письменностью – русская» [5, с. 7]. При этом он имел в виду то, что русский язык нельзя считать обычным этническим языком, потому что он воплощает целую мировую культуру, европейскую цивилизацию, да и цивилизацию евразийскую.

Концепция обучения детей на родном языке, а затем на русском актуальна и в наше время. Много споров, несходств мнений возникает тогда, когда расценивается какой-нибудь конкретный факт перевода начальных классов на русский язык обучения. Весьма справедлива усларовская формула: «Выучите сначала ученика-горца грамоте на его родном языке и от неё перейдите к русской».

Появление из народной среды во второй половине XIX – начале XX века таких поэтов, как Ирчи Казак, Етим Эмин, Махмуд, Батырай, М.-Э. Османов, Ю. Муркелинский, Г. Гузунов, Н. Батырмурзаев, С. Стальский, Г. Цадаса, а также таких известных общественно-политических деятелей, как У. Буйнакский, М. Дахадаев, С. Габиев, Г. Саидов, А. Тахо-Годи, невозможно объяснить без учета того мощного прогрессивного влияния, которое оказывала на дагестанцев русская демократическая мысль. Примечательно то, что многие выдающиеся представители народов Дагестана, любя всей душой произведения Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, широко пропагандировали их гуманистические, интернационалистические идеи. С. Габиев имел все основания считать «вождями и борцами за свободу и права человечества» А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

Что же привлекало дагестанцев в творчестве деятелей русской культуры, нравственно-эстетических идеалах революционных демократов? С. Габиев, сам будучи интеллигентом, воспитанным в духе русского демократизма и интернационализма, глубоко почитал то, что прогрессивная русская литература и идеология революционных демократов не разделяли людей в этническом, конфессиональном, языковом отношениях, что не может не импонировать любому дагестанцу, которому по природе чуждо противопоставление людей по этим признакам.

В предреволюционные годы зародилась дагестанская демократическая печать. В 1912 году в Петербурге, как было сказано выше, в сложнейших общественно-политических условиях С. Габиев стал издавать газету «Заря Дагестана». Она преследовала цели просвещения народов Дагестана, укрепления дружбы между ними, приобщения горцев к русской литературе, освобождения народов Кавказа от гнета царской администрации, пропаганды ориентации на Россию, повсеместного распространения светских школ, в которых дети должны обучаться на их родном языке, а также изучать русский язык. После присоединения Дагестана к России народы его постепенно осваивали элементы материальной и духовной культуры, шедшей из России. Словесная культура горцев оказалась восприимчивой и начала осваивать богатейший опыт литературно-художественного творчества на русском языке. Это объясняется тем, что русский литературный язык, русская художественная литература обладают общечело-

веческой художественно-эстетической значимостью. И по сути приобщение дагестанцев к русской культуре представляло собой развитие национальной культуры без переживания трудностей и без долговременного процесса становления, но путем перенятия и освоения готовых моделей, образцов.

При этом важно отметить тот неопровержимый факт, что дагестанцы оказались на таком уровне своего культурного, цивилизованного развития, который давал возможность творческого освоения художественного опыта русского народа. Об этом свидетельствует целая плеяда образованных представителей народов Дагестана, которые в первое же десятилетие вхождения Дагестана в состав России начали создавать художественные и этнографические очерки на русском языке. Это кумык М.-Э. Османов, аварец А. Чиркеевский, даргинец Г.-М. Амиров, лакец А. Омаров и др.

Ко всему сказанному можно добавить то, что русские учителя, врачи и представители других профессий вели активную работу по обучению простых горцев грамоте, русскому языку, вызывая симпатии дагестанцев ко всем русским и их языку. Следовательно, можно говорить о том, что языки и словесная культура дагестанцев обладали достаточно богатым и многовековым опытом восприятия и освоения иноэтнического, иноязычного, инолитературного влияния. То же самое можно сказать и о других северокавказских народах, которые в XIX веке ориентировались уже на русско-европейское культурное пространство.

Как хорошо известно, межнациональный язык определяется в соответствии с культурно-исторической ролью народа, длительностью книжно-письменной истории самого языка. Вполне обоснованно претендовал на статус межэтнического языка тюркский язык. Так в прошлом называли тот язык, который представлял собой усредненный вариант кумыкского и азербайджанского языков, так как его активно использовали разнорациональные дагестанцы в торгово-экономической сфере. До 50-х годов XIX века многие дагестанцы знали этот язык. «Знание этого (тюркского – М.М.) языка, – писал А. Омаров, – составляет одно из необходимых условий для существования горца» [4, с. 38]. Этот язык сыграл очень важную роль языка-донора, из которого в дагестанские языки вошли сотни широкоупотребительных лексем, многие из которых воспринимаются как исконные слова дагестанских языков.

Переориентацию культурных и экономических отношений дагестанцев на русский народ можно считать завершившейся во второй половине XIX века, когда отход дагестанских кустарей, ремесленников, сезонных рабочих в глубинные регионы России принял массовый характер. Особенное значение приобретало сформировавшееся тогда промышленное отходничество, воздействие которого на распространение русского языка среди горцев оказалось продуктивным, что объяснялось спецификой труда горцев в среде русских, более тесной дружбой с ними.

Начиная с тридцатых годов XX века в общественном сознании дагестанского полиэтнического социума утверждается мнение об исключительной большой роли русского языка в развитии экономики и духовной культуры народов Дагестана. На протяжении прошедших десятилетий, воочию наблюдая прогрессивные изменения в жизни, дагестанцы все больше проникались любовью к русскому языку. Сегодня же овладение русским языком является потребностью горцев, желающих получить образование, овладеть профессией. Поэтому и родилось обиходное, не строго научное определение «второй родной язык», в котором, однако, более ярко проявляется признание его значимости в жизни дагестанцев.

Многонациональный Дагестан всегда испытывал потребность в языке межэтнического общения, но эта потребность удовлетворялась в зависимости от ряда причин: 1) конкретная социально-политическая, торгово-экономическая, культурно-образовательная востребованность; 2) культурно-исторический ареал с языком межэтнической популярности, в которую входил Дагестан; 3) уровень развития дагестанского общества, доля населения, испытывающая потребность во втором языке и т.д.

Создание нового алфавита на русской графике (1938 год) имело громадное культурное значение. Он создавался на протяжении нескольких лет: нужно было привести его в полное соответствие с фонологическими системами дагестанских языков.

В этот период были подготовлены и изданы школьные орфографические словари, русско-национальные словари, новые программы и учебники. Введение всеобщего обязательного семилетнего образования с преподаванием основ наук на русском языке в старших классах послужило заметным импульсом к развитию национально-русского двуязычия. Последнее стало особенно интенсивно внедряться в широкие слои населения в годы Великой

Отечественной войны. В те годы значительная часть населения вступала в общение с русскими и представителями других национальностей на русском языке. Горцы приобщались к русскоязычным средствам массовой коммуникации, чтобы оперативно получать информацию о военных событиях. В этот период жители некоторых высокогорных аулов были переселены на земли чеченцев и равнинную территорию Дагестана. В послевоенные годы переселенческий процесс носил неорганизованный, стихийный характер. Вместе с тем образование разноэтнических населенных пунктов в равнинных частях Дагестана имело своим следствием повышение роли русского языка как средства межнационального общения и школьного образования.

Приоритетом государственной политики в области сохранения и развития языков, в том числе и в системе образования, должно быть обеспечение условий для свободного владения русским языком в качестве государственного языка. Также в числе приоритетов должно быть и обеспечение условий для свободного пользования родным языком во всех сферах жизнедеятельности. Русский язык – национальное достояние многонационального народа России, язык образования и развития, дружбы и единства народов. Именно от качества владения молодым поколением народов России русским языком будет зависеть и судьба их родных языков [3, с. 8].

Таким образом, проанализировав роль русского языка в развитии межкультурного диалога в Республике Дагестан, можно констатировать следующее.

В многонациональном Дагестане основным средством межнационального общения служит русский язык. В данной функции его используют в устно-разговорной коммуникации в интернациональных трудовых коллективах, школах, вузах, в городской и поселковой общественной жизни.

Русский язык – один из школьных учебных предметов, который преподается во всех классах. Целью преподавания русского языка в национальной школе является формирование речевой деятельности детей, а также развитие координативного двуязычия.

Все предметы в средних специальных и высших учебных заведениях преподаются на русском языке. Преподавание в средних специальных и высших учебных заведениях на дагестанских языках невозможно, но не потому, что они якобы ущербны.

В принципе на любом из них можно было бы вести преподавание, понятийный и терминологический аппарат тоже сформировался бы, однако в полиэтнической среде вести на них обучение в вузах невозможно по причине бесперспективности, да и неподготовленности этих языков к выполнению данной функции. Дагестанские языки справляются только с начальным образованием [2, с. 38].

На русском языке существует богатейшая художественная, научная, общественно-политическая литература. К сожалению, громадный познавательный и воспитательный потенциал художественной литературы остается не очень востребованным в наше время: телевидение, компьютеры почти вытеснили книгу из культурной жизни дагестанцев и россиян вообще. В условиях отсутствия живой русско-речевой среды телевидение частично компенсирует этот недостаток. Следует только ориентировать детей на восприятие хороших программ, слушание заслуженных и народных артистов, мастеров русского слова и т.д.

Термин «взаимодействие» компонентов двуязычия не предполагает равновеликого вклада их друг в друга. Так, в каждом письменном языке Дагестана накопилось до 4 тысяч слов, заимствованных из русского языка и иностранных языков, принятых через него. А лексическое влияние дагестанских языков на русский выражается в отражении в местной русской речи, в том числе и в художественных текстах, посвященных дагестанской тематике, наименований экзотических реалий и специфически национальных понятий. Такие слова называют «регионализмами», например: *годекан, чохта, гормендо, чуду, хинкал, халтама, мучаи* и т.п.

От таких регионализмов резко отличаются «навязанные» литературной традицией дагестанцам пресловутые слова *аул, джигит, сакля*. Этих слов нет ни в одном дагестанском языке. Их дагестанцы и не заимствуют. В этой связи приведем весьма репрезентативный прецедент. В стихотворении «Журавли» на своем родном языке Расул Гамзатов для обозначения погибших на фронте воинов употребил слово *васал* «парни». Но переводчик заменил его на «джигиты», пытаясь «украсить» перевод национальным колоритом. Сохранилось ли оно? Нет! На дагестанские языки «Журавли» переведено с русского переводного текста, в котором фигурировало неуклюжее «джигиты». Однако ни на одном дагестанском языке нет данного словца: все перевели его как «парни», то есть национальным эквивалентом последнего.

В русском тексте тоже не сохранилась переводческая отсебятина. Народный артист СССР Марк Бернес, с разрешения Расула Гамзатова, заменил «джигиты» на «солдаты», благодаря чему песня «Журавли» обрела широчайшую известность.

В большинстве городских семей средством внутри- и межсемейного общения служит русский язык, и не только в семьях разно-национальных родителей, но часто и там, где муж и жена – лица одной и той же национальности.

В условиях двуязычия русский язык оказывает положительное обогащающее и развивающее влияние на языки народов Дагестана. В последних возникли новые жанры и стили, расширился их лексический фонд, многие слова получили расширение семантических возможностей, в особенности при использовании дагестанских языков в деятельности школы, в средствах массовой коммуникации на родном языке, в общественно-политической жизни в ареалах их бытования.

Незыблемость позиции русского языка в сферах науки, образования и культуры объясняется не только громадным значением его в современной жизни дагестанцев, но и тем, что у истоков дагестанского образования стояли замечательные представители великого русского народа: первыми учителями в национальной школе и первыми профессорами в дагестанских вузах были русские, первые учебники для национальных школ писались русскими, на протяжении многих лет национальные учебники создавались, да и сегодня продолжают создаваться способом перевода с русского языка. Кроме того, значимость русского языка для дагестанских народов была понята и адекватно осмыслена теми представителями разных дагестанских народов, которые еще в 70-е годы XIX века писали на русском языке этнографические очерки о народах Дагестана [1, с. 141–142].

Новые мощные импульсы получают национальные литературные языки в связи с появлением художественных переводов. В переводном национальном тексте наблюдаются ранее неведомые понятия, лексико-фразеологические обороты, новые метафоры, сравнения; синтаксические конструкции, обусловленные влиянием оригинала – текста на русском языке. Подобного рода новации тем органичнее вписываются в национальный язык, чем выше уровень двуязычия, чем шире круг его носителей.

Литература

1. *Магомедов М.И.* Гуманитарный Дагестан: язык, культура, образование. – Махачкала, 2013.
2. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане. Функциональная характеристика. – М.: Наука, 2010.
3. *Магомедов М.И.* Русский язык – язык науки, образования и культуры в Дагестане // Проблемы теории и методики преподавания русского языка как культурной ценности. Сборник статей межвузовской научно-практической конференции. – Махачкала, 2008.
4. *Омаров А.* Воспоминания муталима (окончание) // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. II. – Тифлис, 1869.
5. Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. III, – Тифлис, 1870.

О.В. Матвеев

**Из истории изучения языка и этногенетических
преданий западных адыгов: Н.Л. КАМЕНЕВ**

**History of the study of language
and ethnogenetic tradition
of the western circassians: N.L. Kamenev**

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Matveyev Oleg Vladimirovich – doctor of historical sciences, professor of the history of Russian Kuban State University, Krasnodar

Статья посвящена наследию одного из малоизвестных сегодня представителей дореволюционного отечественного адыговедения подполковника Кавказской армии Николаю Львовичу Камeneву (1830–1873). Лингвист, археолог, этнограф, фольклорист, он во многом способствовал развитию адыговедения как комплексного научного направления, установлению процесса взаимопознания культур наших народов. Изучение исследователем языка абадзехов способствовало преодолению языкового барьера и фиксации уникальных этногенетических преданий, позволяющих реконструировать прошлое безписьменного народа.

Ключевые слова: военное кавказоведение, история и культура адыгов, системный подход, абадзехи, грамматика, этногенетические предания, сословный строй, пространство взаимопознания

The article is devoted to the legacy of one of the little-known today, the representatives of the pre-revolutionary national adygovedeniya Lt. Col. Nicholas L. Caucasian Army Kamenev (1830–1873). Linguist, archaeologist, ethnographer, folklorist, he largely contributed to the development adygovedeniya as a complex scientific field, establishing the process mutual learning cultures of our peoples. Study researcher Abadzekhs language helped to overcome the language barrier and fixing ethnogenetic unique traditions, allowing to reconstruct the past bezpismennogo people.

Keywords: military Caucasus Studies, history and culture of the Circassians, systematic approach, Abadzekhs, grammar, ethnogenetic tradition, class system, mutual learning space

Дореволюционное отечественное адыговедение, связанное с именами Султана Хан-Гирея, Е.Д. Фелицына, Ад. П. Берже, П.П. Короленко, Л.Я. Люлье, Н.И. Карлгофа, А.Н. Дьячкова-Тарасова и др., не только добилося впечатляющих успехов, но и постоянно выступало как сближающая наши народы сила – знание порождало доверие [16, с. 3]. Наряду с другими факторами, российское адыговедение, как и отечественное кавказоведение в целом, представляли собой своеобразные контактные зоны, уникальное пространство взаимопознания, в конструировании которого немалая роль принадлежала офицерам Кавказской армии. Независимо от личных оценок и пристрастий люди в погонах быстро переросли военно-разведывательное изучение адыгов, поднялись на ступень серьёзного этнографического, картографического, лингвистического изучения региона, заложив основы собственно научного, системного научного направления [21, с. 299]. При этом перед процессом познания ставились гуманитарные задачи. В предисловии к I выпуску «Сборника сведений о кавказских горцах» известный кавказовед-лингвист и генерал-майор Кавказской армии П.К. Услар справедливо отмечал: «Если на стороне горцев лежит роковая необходимость знакомства с нами, то на нашей – нравственная обязанность проникнуть до глубины в их замкнутый круг жизни и узнать положительно, с кем и чем мы имеем дело» [20, с. 2]. Системный и гуманитарный аспекты наследия военных кавказоведов XIX в. особенно востребованы сегодня, когда мы пытаемся выстроить кодекс и этику научного познания региона.

К числу полузабытых имён в дореволюционном отечественном адыговедении относится имя подполковника Николая Львовича Каменева. О нём упоминал в своих материалах по истории этнографического изучения Кавказа в российской науке М.О. Косвен [15, с. 227], писал как о журналисте кубанский краевед В.П. Бардадым [1, с. 151–153], на археологическое наследие обратил внимание И.С. Каменецкий [14, с. 67–68], но в целом фигура этого незаурядного исследователя древностей и традиционной культуры адыгов и других народов Северного Кавказа остаётся малоизвестной современным авторам. Весьма характерно признание видного специалиста в области истории и культуры

меотов И.С. Каменецкого: «Об этом человеке у меня нет никаких сведений, кроме его статей» [14, с. 67].

Между тем в фонде 396 Государственного архива Краснодарского края хранится полный послужной список Н.Л. Каменева за 1872 год. Согласно этому важному документу, Николай Львович Каменев родился в 1829 г. и происходил из дворян Харьковской губернии [2, л. 9]. Он получил образование во 2-м кадетском корпусе. «По окончании полного артиллерийского курса наук» 13 июня 1848 г. поступил на службу прапорщиком в Кавказскую гренадёрскую артиллерийскую бригаду. За отличие в делах с горцами был произведён в 1851 г. в подпоручики, а в 1853 г. в поручики [2, л. 9 об.]. Затем способного офицера назначили учителем артиллерийской школы Отдельного Кавказского корпуса, причём «за усердную и ревностную службу в учебном артиллерийском дивизионе» он удостоился Высочайшего благоволения и ордена Св. Станислава 3-й ст. Но в 1856 г. Николай Львович добился отчисления во фронт, служил в Дагестанском конно-иррегулярном полку, участвовал в боевых операциях, в том числе, в штурме Гуниба и пленении Шамиля войсками князя А.И. Барятинского [2, л. 19], за отличие в делах с горцами награждён орденом Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. После окончательного вхождения Дагестана в состав России майор Каменев служит старшим адъютантом Аварского хана, причём «за усердие и труды по народному управлению» в Дагестане награждён орденом Св. Станислава 2-й ст.

В 1863 г. он был направлен в распоряжение командующего войсками Кубанской области и назначен исправляющим должность Нижне-Лабинского пристава, затем штаб-офицером «для наблюдения устройства вновь водворяемых горских поселений Западного Кавказа» [2, л. 11 об.], помощником начальника Абадзехского округа. В июне 1866 г. подполковник Каменев прикомандировывается к Кубанскому казачьему войску «с переводом в Псекупский полк для колонизации полка». В 1869–1870 гг. Н.Л. Каменев командует 2-м, а затем 3-м кордонными полками, причём за отличную службу награждён 564 рублями и короной на орден к Св. Станиславу 2 ст., а 10 декабря 1871 г. назначен помощником атамана Ейского военного отдела [2, л. 12 об.].

Последний раз Н.Л. Каменев упоминается в этой должности в «Кавказском календаре» на 1873 г. [7, с. 159]. В середине этого года Николай Львович завершил свой земной путь: в приказе по

войскам Кавказской армии № 156 от 1 июля 1873 г. было объявлено, что «умерший исключается из списков помощник Атамана Ейского военного отдела Кубанского казачьего войска Подполковник Каменев (Николай)» (в приказе по Кубанскому казачьему войску № 259 объявлено 7 августа 1873 г.) [3, л. 233].

Н.Л. Каменев был женат на дочери надворного советника Бухальц Варваре Петровне, она родила подполковнику двух сыновей: Сергея (15 октября 1864 г.) и Ивана (13 ноября 1865 г.) [2, л. 16 об.]. Супруга пережила Николая Львовича на четверть века: в метрической книге Александров-Невского войскового собора г. Екатеринодара имеется запись о смерти 30 апреля 1898 г. от чахотки вдовы подполковника Варвары Петровны Каменевой, 51 года [5, л. 163 об.]. Сын Сергей, по данным В.П. Бардадыма, пошёл по стопам отца: окончил 1-е Павловское военное училище, но по болезни в чине штаб-капитана вышел в отставку, работал по найму помощником классного наставника в Екатеринодарской мужской гимназии. Сергей Николаевич Каменев состоял членом Общества любителей изучения Кубанской области, нередко выступал в печати, но прожил на свете немногим более 40 лет [1, с. 153]. Брат Николая Львовича, Михаил Львович Каменев, дослужившийся до генеральского чина, также проявил себя на ниве кавказоведения: он известен как автор работ о Псекупских и Кавказских минеральных водах, о творчестве Л.Н. Толстого и др. [19, с. 51–52].

Среди основных направлений познания Николаем Львовичем Каменевым мира кавказских народов следует выделить, прежде всего, лингвистическое. Барон П.К. Услар так оценил лингвистические труды Н.Л. Каменева: «С каким бы народом Кавказа служебные отношения не сводили его, он тотчас же приступал к изучению языка этого народа. Благодаря замечательной энергии своей, г. Каменев везде успевал в языкознании; несколько лет тому назад, он, без пособия грамматики и письменности, изучил аварский язык так, что уже не нуждался в переводчике. В недавние годы он находился при Абадзеках и, следуя раз принятому обыкновению, изучил их язык. <...> По-счастью, г. Каменев изучил этот язык не изуточно, но записывал тщательно всё, что слышал от туземцев. Записывал он с помощью азбуки, составленной для кабардинского языка» [18].

По-видимому, Н.Л. Каменев предоставил барону какую-то рукопись, поскольку последний писал в 1868 г. в газете «Кавказ»: «Заметки г. Каменева составляют весьма ценный материал,

как для познания абадзекского наречия в частности, так и для понимания общего грамматического строения адыгского языка». И далее: «Метода, придуманная им для изучения языка, <...> требует огромного запаса настойчивости. Г. Каменев записывал на абадзекском языке какую-нибудь самую простую фразу, как напр. «дай мне кусок хлеба». Чтобы записанная фраза способствовала разъяснению языка, необходимо было правильно разложить её на составные части. Работа может показаться весьма простою тому, кто никогда не имел дела с горскими языками» [18]. «Абадзехская грамматика» Н.Л. Каменева, в которой был предпринят анализ 75 фраз, помогла П.К. Услару прийти к окончательному выводу о родстве адыгских языков с абхазским и убыхским. Но лингвист высказал пожелание, чтобы Николай Львович сам в свободное от службы время «заялся этой работой; иначе труд его может пропасть безвозвратно в настоящий период быстрого исчезновения адыгских наречий» [18].

Преодоление языкового барьера позволило Н.Л. Каменеву зафиксировать от носителей языка ценные этногенетические предания абадзехов, устную историю их прихода в бассейн р. Псекупс и противостояния с бжедугами. На их основе он предпринял реконструкцию этнической истории региона. На протяжении 1867 г. в «Кубанских войсковых ведомостях» Н.Л. Каменев публикует большую работу «Бассейн Псекупса». В этом труде предания адыгов он пытается сопоставить с археологическими материалами и данными письменных источников, применяя характерный для кавказоведения в целом системный подход. Так, он зафиксировал сохранявшиеся в бассейне Псекупса предания о франках, которым приписывали сооружение многочисленных курганов. Нынешние адыговеды уже не отмахиваются от сведений адыгского фольклора о франках как от нелепостей, а считают их особой этнокультурной общностью средневековья, образовавшейся в результате генуэзско-черкесских браков [6, с. 128]. Н.Л. Каменев отмечал: «Бжедуги застали по Псекупсу курганы, насыпанные по их рассказам Франками <...>. Курганы Франков отличаются громадностью и часто осенены тысячелетними дубами, как например – курган на левом берегу Псекупса, между Ключевой и Фанаторийской станицами. <...> Курганы в глухих местах разрыты горцами, а стоявшие по близости населенных мест до наших времен остались неприкосновенными. Уважение к ним допускалось даже мусульманским духовенством» [8, с. 7].

Интересны и замечания исследователя относительно важности фиксации этногенетических преданий абадзехов. «Переворот, быстро совершившийся на Западном Кавказе, – писал Н.Л. Каменев, – оставил нам прощальный лепет народа, на веки бросившего родину. Этот лепет подслушан и передается во всей чистоте касательно описываемой местности, следовательно, живое слово непростительно было бы заменить печатным, умолчав о появлении Абадзехов из Абхазии под предводительством Кушмеза и Оздемира. Опровергнуть или подтвердить эту новость – дело будущей исторической критики; наше время обязано собирать материал из уст народа ныне возрождающегося и снять с него портрет прежде, нежели изменятся черты его под влиянием новых условий жизни» [9, с. 19].

В преданиях адыгов, зафиксированных Н.Л. Каменевым, говорится о том, что темиргоевцы были вытеснены из бассейна р. Псекупс пришедшими с Черноморского побережья бжедугами под управлением князей Черчан и Хамиш [9, с. 19]. «Аулы Черченеевцев, – писал Н.Л. Каменев, – по течению реки Псекупса и ее притоков раскидывались до речки Чигияко» [9, с. 19]. В битве с темиргоевцами полегло много черченеевцев, но последним на подмогу пришли бжедуги-хамышеевцы: «Князья Хамышеевские с свежими силами спешили на помощь и ринувшись в тыл на утомленных боем Темиргоевцев, прогнали их с поля сражения. Предание говорит, несколько дней сряду Хамышеевцы собирали тела Черченеевцев, разбросанные в окрестностях нынешней Псекупской станицы, складывали их в одну кучу и покрывали камнями... Битва эта доставила хамышеевским князьям славу и всем Бжедугам самостоятельное значение между адыгскими племенами» [9, с. 19].

Реконструкции Н.Л. Каменева на основе этногенетических преданий адыгов находят подтверждения в данных других источников. Согласно свидетельству турецкого путешественника Эвлия Челеби, хамышеевцы покинули район р. Тупасе и обосновались в Закубанье во времена крымского хана Менгли-Герая, правившего в 1469–1515 гг. В 1666 г. Э. Челеби застал эту часть бжедуг в бассейне р. Белой. В парке города Горячий Ключ сохранилась мраморная плита с надписью: «Помилованный и получивший прощение Хъаджи-Хъэпадж сие Лакъшукъа, вместе с Айтек-беком, побывав в законной КаIаде, я умер в славном Шаме. Да будет бог доволен Фатихьой за (мою) душу! Дата: месяц

шауваль 1122 года» [17, с. 321]. Указанная дата мусульманского календаря соответствует времени с 23 января 1710 по 21 декабря того же года. Поскольку фамилия Лакшоковых принадлежала к числу хамышеевских дворян, то находка данного памятника в Горячем Ключе свидетельствует о том, что на этой территории в 1710 г. жили бжедуги-хамышеевцы. По-видимому, их продвижение из бассейна р. Белой к берегам р. Псекупс, считал Л.И. Лавров, произошло между 1666 и 1710 гг. [17, с. 321]. Большое внимание офицер уделял изучению общественного строя горцев [12].

Николай Львович сравнивал природопользование адыгов и казаков и пришёл к выводу не в пользу последних. Н.Л. Каменев энергично помогал командиру Псекупского полка И.Д. Попко в создании в ст. Ключевой первого на Кубани музея. В своей работе о колонизации Псекупского полка он опубликовал обращение И.Д. Попко к начальникам станиц, в котором говорилось о «просвещённой обязанности» «спасти, пока можно, памятники его (адыгского народа. – О.М.) быта. Памятники эти <...> составляют драгоценный материал для изучения народа, для определения степени его умственного и промышленного развития. К ним принадлежат: всякого рода домашняя посуда, мебель, земледельческие и другие орудия, архитектурные украшения и вообще всё, что служило для жизни горца в домашнем быту». Указав, что «казаки-переселенцы находят во множестве горские жилища и в них разные хозяйственные предметы», командование полка просило «заняться собиранием этих предметов и пересылкою их при описи в полковую штаб-квартиру, где из них будет учрежден музей» [10, с. 161]. Для хранения экспонатов на полковой двор привезли срубную горскую саклю, в которой и разместили музейные реликвии. Через три года в этнографическом отделении Псекупского полкового музея имелось уже 30 «номеров» (единиц хранения), в том числе девять надгробных памятников работы генуэзцев и турецких мастеров [22, с. 39]. Из других экспонатов этнографического отделения музея обращали на себя внимание старинная кольчуга, найденная в теснине нижнего течения р. Хоарзе, где по преданию, зафиксированному Н.Л. Каменевым, в начале XVI в. происходила кровопролитная битва между бжедугами и темиргоевцами; резная крышка от сундука, украшенная симметрическими врезанными треугольниками из белой кости; налой для чтения Корана, сделанный на манер небольшого складного табурета из цельного куска груше-

вого дерева; станок для нарезки винтовок. Ценными экспонатами были горские земледельческие орудия: одноручный горский плуг и плуг с прибором. Простые по своей конструкции, они, тем не менее, давали возможность «достигать счастливых результатов» [22, с. 39]. С их помощью искусство возделывания горной почвы было доведено до степени совершенства.

Николая Львовича тревожило то обстоятельство, что казаки Псекупского полка под фундамент часто использовались надгробные плиты с горских кладбищ. Казаки, писал Н.Л. Каменев, «горя нетерпением обрусить вновь покоренный край, не оставили без внимания и могил горских. Столбы и ограды деревянные пошли в дело, а памятники из мрамора и известняка безжалостно разбивались ими» [10, с. 160]. Большим чувством гуманизма, характерным в целом для русских военных кавказоведов, бережным отношением к наследию покоренного народа, было проникнуто всё научное творчество подполковника Каменева.

Важен вклад Н.Л. Каменева в археологическое изучение Северо-Западного Кавказа. Здесь я полностью солидарен с оценкой крупнейшего археолога региона И.С. Каменецкого. Последний, анализируя результаты раскопок курганов в районе станиц Хадыженской, Белореченской, в бассейне р. Псекупс, которые Каменев публиковал на страницах «Кубанских войсковых ведомостей», назвал Каменева пионером археологии на Кубани и отметил: «Это вдумчивый исследователь очень приличного по тем временам уровня» [14, с. 67]. Свои археологические исследования Н.Л. Каменев удачно сочетал с привлечением устных источников. Так, в статье об останках древней церкви на р. Белой, он исследовал доисламские верования адыгов, грамотно применяя полевой фольклорно-этнографический материал: «Мы имели случай беседовать со стариками горцами о временах давно минувших, и относительно мусульманской религии, навязанной им, слышали такие рассуждения: у нас одни муллы и кадии мусульмане, но они из Турции или из Ногайцев – муллы из Адыг – не доучиваются; мы же умеем делать намазы – только; два человека из тысячи нас читают Коран, а старики наши и до сих пор сохраняют в памяти рассказы отцов о сборах в рощах, о сборах в «шонах», церквах, где блистали золотом «шехники» священники, говорившие им слово спасения. Отцы наши считали в неделе 7 дней, а мы 6; один день «тхамафе» – «тха» – Бог; «мафе – день, Божий день», «уххыга» пропал. «Тхамафе» мы

называем теперь всю неделю. От этих же стариков мы слышали о христианских обрядах, которых они придерживались бывши мусульманами» [13, с. 2].

Адыговедческое наследие Николая Львовича Каменева ещё ждёт своего исследователя, однако уже сегодня очевидны масштаб его разносторонней научной деятельности, системный характер разысканий в области этнографии, фольклористики, лингвистики, археологии и этнической истории, попытки установить мост в закрытый для России мир горских обществ. Обладая чертами «настоящего кавказца», подполковник Каменев проводил малозаметную современникам и потомкам, но чрезвычайно важную работу по налаживанию процесса общения и взаимопознания культур. Эта плодотворная деятельность, рассчитанная не на одно десятилетие, в конечном счёте, содействовала, и сегодня во многом способствует преодолению предубеждений и исторических обид народов, оказавшихся в одной лодке российской государственности.

Литература

1. *Бардадым В.П.* Радетели Земли Кубанской: (о выдающихся людях Кубани). 2-е изд., доп. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 2. Д. 282.
3. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1266.
4. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 2852.
5. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 25.
6. История Адыгеи с древнейших времён до начала XX в. В 2-х т. Т. I. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2009.
7. Кавказский календарь на 1873 год. Тифлис, 1872.
8. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса. Ч. I // Кубанские войсковые ведомости (КВВ). 1867. № 2. 14 января.
9. Каменев Н.Л. Бассейн Псекупса // КВВ. 1867. №5. 4 февраля.
10. Каменев Н. Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в частности // КВВ. 1867. № 39. 7 октября.
11. Каменев Н. О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // КВВ. 1867. №15
12. Каменев Н. О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области // КВВ. 1867. № 18. 13 мая.

13. *Каменев Н.* Развалины церкви Св. Георгия, открытой на реке Белой // Памятная книжка Кубанской области на 1877 год / Под ред. Е.Д. Фелицына. Екатеринодар, 1877. Отд. IV.
14. *Каменецкий И.С.* История изучения меотгов. М.: Изд.-во «Таус», 2011.
15. *Косвен М.О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч. II // Кавказский этнографический сборник. П. М., 1958.
16. *Кузнецов В.А.* Введение в кавказоведение (историко-этнологические очерки народов Северного Кавказа). Владикавказ: ИПП им. В.А. Гасиева, 2004.
17. *Лавров Л.И.* Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009.
18. П.К. О лингвистических занятиях г. Каменева // Кавказ. 1868. № 113.
19. *Русанов К.В.* Военные медики в истории курорта Горячий Ключ (1864–1916 гг.). Харьков, 2014. Рукопись.
20. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. 1.
21. *Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А.* «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...»: Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
22. *Трѣхбратов Б.А.* И.Д. Попко – создатель первых музеев на Северном Кавказе // Памяти Ивана Диомидовича Попко. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня смерти историка / Научн. ред. В.Н. Ратушняк, А.И. Слуцкий. Краснодар, 1994.

К.В. Скиба

**«Черкесы русской национальности»:
особенности военного комплекса
линейного казачества Кубани**

К.В. Скиба – г. Армавир, к.и.н.

K.V. Skiba – Armavir city, Ph. D. in History

Данная статья посвящена вопросу уровня и степени воздействия «боевого комплекса черкесов» на военный и повседневный быт линейных казаков Кубани.

Ключевые слова: линейные казаки, черкесы, мундир, вооружение, Северный Кавказ, Кубань.

This article is studying the level and the degree of influence of “the Circassian military complex” on the Cuban linear Cossacks’ wartime and everyday life.

Keywords: linear Cossacks, Circassians, coat/uniform, arming, North Caucasus, the Cuban.

«Одним словом, линейец был тот же черкес, но только русской национальности» – фраза, впервые использованная в главе «Особенности пограничной службы линейцев и линейные пластуны» из книги «Кубанское казачье войско. 1696-1888 гг.», изданной в 1888 году и принадлежавшей перу двух кубанских историков – Ф.А. Щербины и Е.Д. Фелицына [19, с.132].

Степени тому, насколько сильно «очеркесились» линейные казаки Кубани в своем военном быту, и будет посвящена наша статья.

Для начала, в связи с термином «черкес русской национальности», будет совершенно уместно привести несколько высказываний:

– писатель и поэт, «поручик Тенгинского пехотного полка» М. Ю. Лермонтов: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие...ясного здравого смысла» [10, с.223].

– военный историк, участник Кавказской войны, генерал Р.А. Фадеев: «Русский человек не смотрит на Азиатца свысока, не презирает его как западный европеец; он с ним настолько сжился, чтобы видеть в нем человека.

Русское население, возникающее в покоренном крае Азии, становится сейчас же в самые близкие отношения к туземцам...» [16, с.271].

– германский канцлер Отто фон Бисмарк: «Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному населению и держатся на расстоянии от него...Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними» [11, с.56].

– «наш великий соотечественник Ф. М. Достоевский» отмечал, «что если у французов есть гордость, любовь к изяществу, у испанцев – ревность, у англичан – честность и дотошность, у немцев – аккуратность, то у русских есть умение понимать и принимать все другие народы» [5].

Таким образом, для понимания «черкесскости» линейных казаков, стоит учитывать такие важные черты национального характера и поведения русского человека, как отсутствие обособленного и высокомерного отношения к «туземцам»; способность приспосабливаться к обычаям народов, рядом с которыми ему приходится жить; терпимость и интерес к религии, нравам и обычаям других народов.

Следует сказать, что еще в дореволюционной историографии тема «кавказского влияния» на военный быт российского порубежного населения Северного Кавказа была достаточно востребована и отработана.

Существуют десятки, если не сотни свидетельств участников и современников Кавказской войны о том, как линейные казаки полностью переняли у горцев их тактику, оружие, седловку и посадку при верховой езде и, наконец, одежду.

Именно с описания казачьей одежды и оружия, «удивительно похожих на экипировку горцев» [7, с.43], мы начнем основную часть нашей статьи:

1. «Азиатская» одежда и оружие казаков-линейцев

В отношении мужской казачьей одежды (именно мужской, с женской одеждой такой полной трансформации не произошло) можно уверенно утверждать, что ничего «русского» на кавказском казаке не осталось – от макушки до пяток, от папахи до чевяк, все на нем было «кавказским».

Одно из наиболее ярких описаний «черкесскости» линейных казаков привел в своих «Воспоминаниях...» Григорий Иванович Филиппсон:

«Линейные казаки пользовались вполне заслуженною славою удалства и храбрости. На конях горских пород, в красивом горском костюме, линейные казаки многое заняли от горцев: джигитовку, удалство и блестящую храбрость с театральным оттенком. Даже в манерах и в домашней жизни они многое переняли от своих исконных врагов.

Нужно признаться, что народная нравственность была у них очень нестрога; но вообще, как их хорошие, так и дурные качества, приводили в восторг офицеров, приезжавших на Кавказ из всех войск для участия в военных действиях.

Для них линейные казаки были постоянно окружены каким-то военно-поэтическим ореолом, и свои восторги они через год развозили по всей России вместе с черкесским костюмом и оружием...

Чистый черкесский костюм взят в образец для служебных мундиров Линейного казачьего войска и несколько изменен был в Черномории. Вообще как костюм и оружие, так седло и убрание лошади были красивы, удобны и приспособлены к климату и роду войны» [17, с. 93, 126].

Одной из главных причин, почему казаки-линейцы Кубани, в отличие от черноморских казаков, быстро и легко переняли «черкесский боевой комплекс», был следующий факт – довольно долго их форменная одежда и вооружение никак не регламентировались законодательно.

У донских казаков, которые поселились на Кубанской Линии в 1790-х годах и образовали Кубанский линейный казачий полк, «лишь старики и служивые казаки долгое время носили обмундирование донского покроя, а молодежь стала обзаводиться одеждой и холодным оружием черкесского образца» [9, с. 8].

То же самое можно было сказать о хопёрских и екатеринославских казаках, которые вместе с донцами образовали три самых «старых» линейных казачьих полка, поселенных на Кубанской Линии.

Доказательства тому – рапорты командиров Кубанского и Хопёрского полков периода 1810-х годов, которые описывают смешанный, «русско-черкесский» комплекс их вооружения – русские нарезные «винтовки», «флинты» и «стуцера», традиционные для донских казаков «пики казачьи на древках», «шашки, преимущественно черкесские» или «передельные шашки» – сабли, которые казаки «из русских клинков переделали на такой же манер», кавказские «пистолы и кинжалы» были лишь у некоторых казаков «по их личному желанию» [14, с. 52–53] [20, с.16].

Первая попытка регламентации казачьей униформы на Кавказской Линии произошла в 1817 году, когда казакам двух конно-артиллерийских рот, распределенных в конные казачьи полки, присвоили чекмень с газырями, бешмет и шаровары «черкесского покроя», шапку и саблю «черкесского образца» [12, с. 14–15].

В 1824-1831 годах, серией указов и распоряжений, линейным казакам официально приказали «строить форменное и партикулярное обмундирование черкесского покроя». Кроме того, у них отменили пики и ввели в обязательном порядке кавказские пистолеты и кинжалы.

Так, например, «форменная мундировка» казаков Кубанского полка «образца 1828 года» состояла из темно-синей черкески с белыми погонами, бешмета из белой материи, «черкесской шапки» из черного курпая с белым верхом, чевяк с ноговицами «в хорошую погоду» и сапог «в дурную».

Оружие казаки «держали горское с нарезным стволом» (в официальных документах такие винтовки назвались «азитское нарезное ружье»), плечевой патронташ с 20 патронами, шашка, кинжал и пистолет – все было «черкесского образца произвольной отделки» [7, с. 198] [12, с. 16–18].

Важное уточнение – свои официальные мундиры «азиятского покроя», которые в официальных документах назвались «чекмень» или «полукафтан», линейцы в походно-боевых условиях не носили. Они были парадным обмундированием, сшитым по образцам, присланным из Петербурга и заботливо спрятанным в сундуки [13, с. 25–26].

Надевали их редко, по словам одного казачьего офицера «раз или два в год, не более», на парады и строевые смотры, связанные с визитами «на кордон» высокого начальства [13, с. 26].

В повседневной, а точнее в военной походно-полевой жизни все было гораздо проще, скромнее, а главное – разнообразнее.

Из этого разнообразия можно выделить два типа черкесок:

– повседневные, «кордонные», военно-походные черкески – «чекмет цвета сухих листьев, как у черкесов» [7, с. 198] – то есть различных оттенков желтого, коричневого, бурого и серого цветов;

– праздничные, более узкого покроя, чем повседневные; их шили из красной, белой, синей, зеленой, желтой или фиолетовой ткани, украшали галунами и серебряными с чернью газырями [12, с. 19–23] [13, с. 27–28].

Со временем, в 1830–1840-е годы, в нескольких казачьих полках, благодаря усилиям их командиров, удалось закрепить более или менее однообразную расцветку повседневной «кордонной» одежды.

Так, в Хопёрском полку допускались только коричневый и верблюжий цвета для повседневных черкесок, а командир Лабинского полка ротмистр Волков 30 апреля 1842 г. приказал своим казакам покупать черкески желтого цвета. Иной колер позволялся лишь при отсутствии желтых в продаже.

Черкески предписывалось иметь просторные, чтобы можно было надевать их на полушубки, и непременно с 12 газырями.

Требовалось также, чтобы казаки покупали азиатские черкески у горцев, а не у армян, у которых черкески были тесны и только с 10 газырями. За нарушение приказа виновные подвергались наказанию розгами или палками при сборах станичного общества [13, с. 28].

Что касается бешметов, то, по свидетельству историка В.Г. Толстова, в 1831 году, даже при официальных строевых мундирах, они были «произвольного цвета». «Кордонные» бешметы шили из канауса, холста, полотна и бязи, а праздничные – из атласа, шелка, украшенные вышивкой и галунами [12, с. 19] [13, с. 29].

Та же ситуация была с «азиатскими» поясами, папахами, шароварами, ноговицами, чевяками, бурками, башлыками и полушубками «произвольного образца и достоинства» [12, с. 24–25].

Важная особенность – линейные казаки внимательно, вслед за всеми горцами Кавказа, «следовали за переменами в кабардин-

ской моде». Например, они постоянно меняли свою папаху «из меха ягненка то черного, то белого» цвета, «то большую, то низкой, то высокой формы» [7, с.198].

Одним из показателей, до какой степени линейные казаки «очеркесились», было заимствование ими различных горских военных уловок и хитростей, связанных с одеждой и воинским снаряжением.

Так, от черкесов, казаки заимствовали способ заполнять верхи своих папах вместо ваты шерстью или конским волосом – для лучшего предохранения головы от рубящих ударов. [13, с. 25].

2. Особенности внешнего вида линейных казаков

Точно так же, как черкесский князь не отличался в бою от простого воина по своей одежде, так и казачьих офицеров было нельзя распознать среди своих подчиненных.

Своих орденов и медалей (как правило, исключение делалось только для Знака отличия Военного ордена Святого Георгия) на своих «кордонных» черкесках ни офицеры, ни рядовые казаки не носили; никто из казачьих офицеров не носил и присвоенных им «эполет пехотного образца» [13, с. 25].

Высокое начальство регулярно, особенно во время проведения инспекторских смотров, выражало неудовольствие по этому поводу.

Так, в 1827 году командующий войсками на Кавказской линии, в Черномории и Астрахани генерал Е.А. Еммануэль с неудовольствием отметил, что у казачьих офицеров без эполет и наград нет «никакой между ними зависти к заслугам других» [13, с. 26].

Но со временем «голос разума» возобладал и казачьим офицерам эполеты «во время действий против неприятеля было дозволено не носить» [12, с. 26–27], чтобы не подвергаться лишней опасности от метких черкесских выстрелов.

Такой же неприятной для начальства, но «очень кавказской» особенностью внешнего вида линейных казаков было массовое ношение бород. Данный обычай навлек на себя даже «монаршее неудовольствие» – император Николай I, во время своего посещения Кавказа в 1837 году, заметил командиру грбенских казаков, что «эполеты к бородам, и бороды к эполетам ужасно не идут» [13, с. 27].

Поэтому в 1838 г. было «повелено всем казачьим офицерам и нижним чинам бороды брить и волосы на голове коротко подстригать». Но если многие казаки и так носили очень короткую стрижку или даже брили головы наголо, то запретом на ношение бород пренебрегали все – их продолжали отращивать даже молодые казаки. В первую очередь это объяснялось тем, что подавляющее количество линейных казаков Кавказа были старообрядцами, которые свою неуступчивую позицию объясняли фразами типа «а то мать проклянет, да и жена не признает (т.е. не узнает)» или «в бороде честь, а усы и у таракана есть» [6, с. 16] [13, с. 28].

Что касается уже упомянутого бритья головы наголо, то на это шли обычно казаки-разведчики (по выражению казачьего офицера Аполлона Шпаковского «линейные пластуны»), по роду своей службы, проводившие много времени в землях враждебных «немирных черкесов».

С такой же целью «полного растворения» в черкесской среде он красили свои бороды хной в ярко-рыжий цвет и в совершенстве знали несколько горских наречий [18].

Но подавляющее большинство казаков-линейцев носило короткую стрижку, потому что, как писал А.А. Бестужев-Марлинский, казаки «отличаются от горцев только небритой головой» [3, с. 31]. Именно по волосам на голове и можно было распознать «своего» казака от «гололобого» «чужака» черкеса.

Один из примеров на эту тему. В начале 1852 года один раненый казак притворился мертвым и лежал в снегу, пока чеченцы «обирали трупы других убитых казаков». Он пролежал «до прихода драгун», вскочил на ноги и бросился к своим. Но драгуны, принявшие его за чеченца...прицелились в него. Тогда он снял папаху, чтобы показать, что у него на голове волосы, и что он не чеченец. Не успел он опять надеть папаху, как чеченцы, увидев по волосам на голове, что это гяур...дали по нему залп. Он упал, но ни одна пуля не коснулась его; ему суждено было остаться в живых...» [8].

Горцы – законодатели казачьей «мужской моды»

Как уже было сказано, современники не раз отмечали абсолютное сходство и идентичность костюма и оружия линейных казаков и кавказских горцев – «казак и горец Кавказа имеют один и тот же костюм и одно и то же оружие» [7, с. 68].

Более того, как офицеры, так и казаки, переняли и своеобразную манеру кавказского мужского щегольства – все предметы их походного обмундирования, произвольные по цвету и покрою в подражание горским джигитам, были потертые, изодраны (особенно рукава и полы черкески), небрежно зашиты разноцветными заплатками и зачастую даже грязны.

Но при таком оборванном, почти нищенском платье полагалось иметь великолепное, богато украшенное «оружие в серебре».

Носили казаки такую одежду «как бы небрежно», но в то же время с особой щеголеватостью, «одним известным образом, который дается не каждому и который сразу бросается в глаза казаку и горцу» [13, с. 27–28].

Все это приводило к тому, что, по выражению А. П. Беляева, «отличить казака от горца незнающему было трудно» [2], хотя «знающие» все же справлялись с этой задачей.

Опишем два таких способа:

1. На близком расстоянии. «Вечерняя встреча в поле с конными людьми в мохнатых шапках...лица которых были укутаны башлыками, и у передового ружье вынуто из чехла, редко предвещало добро.

2. Сердце сжималось болезненно, когда в степи неожиданно появлялась шайка подобных ездоков; рука судорожно ложилась на курок ружья или пистолета, и тоску отводило только в счастливом случае, если удавалось разглядеть у них более сапогов чем чевяк: значит казаки, а не чеченцы и не закубанцы» [15, с. 14–15].

На дальнем расстоянии. «Мы вдруг увидели вдалеке что-то быстро несущееся против нас; по пересеченной же местности мы не могли сначала рассмотреть, что это такое...когда же мы увидели человек шесть или восемь всадников, в черкесских папахах, с винтовками за спиной, то, признаюсь, несколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья.

Казак наш, так же, как и мы, признав их за черкесов, но не знаяши, мирные ли то были или хищники, внезапно пустился в сторону от дороги, что нам сначала могло показаться за бегство; но он, сделав полукружие, возвратился на дорогу.

Вслед за этим маневром увидели, что из той партии отделился также один всадник и, сделав такое же полукружие, возвратился; тогда только наш казак растолковал нам, что это был условный сигнал между нашими и мирными черкесами; если же с той

стороны не повторится сигнал, то надо было готовиться к бою или пускаться наутек, когда силы были несоразмерны» [2].

К числу «незнающих» обычно относились местные крестьяне и заезжие путешественники по Кавказу, которые часто принимали приближающихся казаков за враждебных черкесов.

По этому поводу немецкий путешественник Мориц Вагнер писал в своих путевых записках, что «линейцы носят черкесский костюм: светло-коричневый кафтан с кожаным поясом вокруг талии и с цветными кармашками по обеим сторонам груди, в которых помещаются патроны, синие штаны и черкесскую меховую шапку» и поэтому «когда я только увидел, как по степи к нам скачут линейные казаки, у меня возникла мысль, что это набег черкесов с целью грабежа» [1, с. 76].

Что касается же крестьян-однодворцев, то в 1828 году генерал А.А. Вельяминов приказал казакам не приближаться ближе, чем на полверсты к работающим в поле крестьянам, так как «...линейные казаки имеют одинаковую с горцами одежду, то крестьяне, не имея возможности различить неприятеля от казаков (и покорных правительству иноверцев), подвергаются грабежу и убийству» [13, с. 29].

В заключение нашей статьи мы отметим, что линейных казаков, в процессе заимствования «всего кавказского», все же отличало чувство меры в отличие от приезжавших на Линию зачинами и наградами «петербургских фазанов». Офицер Черноморского войска М. И. Недбай (Недбаевский) в своих воспоминаниях привел немало рассказов о том, как они «были просто смешны в стремлении подражать и походить на черкесов, чеченцев и других кавказцев». Большинство «фазанов» носили обтрепанные рукава и подола черкесок или специально «сами их обтёпывали» (т.е. рвали и кромсали), «было шиком так показаться в Санкт-Петербурге в гостиных».

А наиболее ретивые «снимали с убитых черкесов, больших паршами, их папахи и носили, чтобы и себе привить парши и еще больше походить на черкеса». «Мой сослуживец В. Е. Чиков говорил, что у них на Линии (то есть на соседней Кубанской Линии – К.С.), когда кого хотели высмеять, кто очень уже подражал в походке или обуви черкесу, то говорили: «Совсем был бы черкес, если бы срал просом» [4, л. 21, 24–25].

Литература

1. Moritz Wagner «Der Kaukasus und das Land der Kosaken: in den Jahren 1843 bis 1846». Band 2. Leipzig, 1850.
2. *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. СПб.: Издательство А.С. Суворина, 1882. Часть 1 // URL: http://dugward.ru/library/belyaev/belyaev_vospom_dekabrista1.html (дата обращения 27.06.16).
3. *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-бек // Кавказские повести / Составление, статья, комментарии Ф.З. Кануновой. СПб.: «Наука», 1995.
4. Воспоминания офицера Ейского полка Кубанского казачьего Войска Максима Ивановича Недбая (Недбаевского) // Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 67.
5. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России // URL: <http://gumilev.narod.ru/r3ch04.htm> (дата обращения 16.06.16).
6. Жизнь и судьба кубанского казака и джигита Ф. И. Елисеева: по мотивам его воспоминаний / Сост. Н.А. Корсакова, М. В. Карпов, К.В. Скиба. Краснодар: Традиция, 2013.
7. *Жиль Ф.А.* Письма о Кавказе и Крыме / Составление и перевод с французского языка К.А. Мальбахова. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009.
8. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник Т.13. Тифлис, 1889. // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Zimn_exp_1852_chechne/text2.htm (дата обращения 24.06.16).
9. *Ламонов А.Д.* Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска. (1794–1894 гг.) // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1897. Т.4. Паг. 13. С. 1–28.
10. *Лермонтов М.Ю.* Герой нашего времени. Часть первая. Бэла // Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений: в 10-ти томах. Т. 6. М.: «Вече», 2002. С. 204–226.
11. *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен. Опыт исторической публицистики. М.: «Молодая гвардия», 1980.
12. *Матвеев О.В.* Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Практические опыты краеведения. Выпуск 4. Краснодар-Армавир, 1995.
13. Нечитайлов М.В. К вопросу о походно-повседневном обмундировании линейного казачества в период Кавказской войны (1817–1864 гг.) // III Минаевские чтения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. С. 26–30.

14. *Скиба К.В.* К вопросу о вооружении казаков Хоперского, Кубанского линейных и донских казачьих полков, служивших на Кубанской Линии в начале XIX века // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы 4 международной Кубано-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2004 С. 52–53.
15. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. 1835–1838. М.: «АИРО–XXI», 2000.
16. *Фадеев Р.А.* Письма с Кавказа. Письмо четырнадцатое // Собрание сочинений. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1889. С. 267–280.
17. *Филипсон Г.И.* Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В университетской типографии на Страстном бульваре (М. Катков и Ко), 1885.
18. *Шпаковский А.* Записки старого казака: О Кавказе // Военный сборник, № 7. СПб., 1870 // URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Spakovskij_A/text1.htm (дата обращения 25.06.16).
19. *Щербина Ф.А., Фелицын Е.Д.* Кубанское казачество и его атаманы. М.: Вече, 2007.
20. *Юдин П.Л.* Кубанский полк при первом поселении // Записки Терского общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914. № 9. С. 10–20.

В.К. Чумаченко

**Роль русского языка
в приобщении кавказских народов
к российской и мировой культуре**

В.К. Чумаченко – ведущий научный сотрудник Южного филиала Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, кандидат филологических наук, профессор, Россия, г. Краснодар

Отталкиваясь от неоднозначно истории российской колонизации Северного Кавказа и предыдущего опыта встраивания национальных культур в общероссийское социокультурное пространство, автор ставит актуальные проблемы современного социолингвистического строительства в регионе, такие, как возрастание роли преподавания русского языка в северокавказской школе, соотношение этнокультурного образования с общероссийским, формирование на основе русской культуры общегражданской ментальности, билингвизм.

Ключевые слова: русская культура, русский язык, культуры народов Северного Кавказа, этническая и общегражданская ментальность, билингвизм.

Развитие этнополитических процессов на Северном Кавказе на рубеже 1980-х – 1990-х годов привело к преобразованию бывших автономных образований в национальные республики. Языки титульных национальностей получили статус государственных. Борьба национальных элит за доминирование родного языка объективно привела к вымыванию русскоязычных кадров, подхлестнула рост сепаратистских настроений в таком сложном конфликтогенном регионе, как Северный Кавказ. Вот почему сегодня социально-языкового фактор, повышение роли русского языка вновь становится важнейшей частью стратегии государственного развития, ставящей целью сохранение России как единого государства. Согласно этой стратегии русский язык как язык межнационального общения должен замыкать на себе множество социальных функций, служить эталонным языком высокой культуры, передовой науки, политики и художественного творчества. При этом важно учитывать, что языковые проблемы в России порождают естественные в такой ситуации теоретические

и идеологические споры по поводу ассимиляционных процессов, которые на нынешнем этапе также требуют нового конструктивного осмысления.

Нынешние межъязыковые процессы на Северном Кавказе являются важным этапом в более чем вековой истории встраивания культур народов региона в общероссийское социокультурное пространство. В средние века межнациональные коммуникативные функции в регионе выполняли тюрские языки (азербайджанский, кумыкский). В западных районах подавляющее большинство населения говорило на различных диалектах адыго-черкесского языка. Арабский имел только религиозно-прикладное значение. Но ни один из этих языков не играл такой роли, какая отводится сегодня языку русскому.

Некоторые ученые относят появление русского языка на Кавказе к 9 веку, когда стали налаживаться торговые отношения между Древней Русью и кавказскими народами. Но более правильно все же говорить о том, что русский язык в регионе стал распространяться с середины 16-го века, с появлением здесь постоянных поселений терских казаков и началом вхождения кавказских племен в состав Московского государства (с 1567 года). С этого времени русский язык постепенно становится для кабардинцев, балкарцев, народов Дагестана, адыгейцев, народов Грузии и Армении, а позднее – и народов Чечни, Карачая и Азербайджана – государственным языком и языком межнационального общения, а для российского правительства – мощным рычагом духовного и экономического влияния на подвластные кавказские народы.

Несмотря на Кавказскую войну и десятилетия межнациональной военной конфронтации, среди горцев, благодаря владению русским языком и нахождению в российском культурном пространстве, в 19-ом веке появлялось все больше грамотных и достаточно образованных для того времени людей. К концу 19-го, началу 20-го века на Северном Кавказе уже существовал сформировавшийся слой горской национальной интеллигенции, возникшей благодаря возможности получения европейского образования на русском языке. Во многом благодаря русскому языку, связавшему между собой многочисленные горские народы, Северный Кавказ стал восприниматься не только как географическое, но и как самостоятельное и единое духовно-культурное пространство.

Знакомство горцев с русской культурой, а через нее с культурой мировой – шло постепенно, начиная с восприятия и зна-

комства с произведениями русских классиков, с русской драматургией, с русским театром и периодикой. При этом передовые представители горской интеллигенции явились самыми активными поборниками усвоения горскими народами передовой русской культуры. Они понимали, что для достижения этой цели необходимо знание русского языка, изучение его как в школе, так и в тесном общении с русским населением. Х. Уруймагов (Осетия), И. Крымшамхалов (Карачай), Т. Эльдерханов (Чечня) и многие другие указывали на значение русской культуры и русского языка в прогрессивном развитии горцев, выступали за широкое распространение русской грамоты среди своих народов. Они также отмечали важную роль, которую должен был сыграть русский язык в экономическом и духовном расцвете Северного Кавказа.

Среди русских писателей, которые не только близко познакомились с кавказскими народами, но и верно отразили их жизнь в своих произведениях, первыми были декабристы, сосланные на Кавказ. Трудно переоценить вклад в создание поэтического образа Кавказа и кавказцев А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Бестужева-Марлинского, Л. Н. Толстого, а также множества талантливых литераторов второго и третьего ряда (Н. Воронов, Е. Марков, В. Немирович-Данченко, В. Желиховская и др.) [1]. Их творческая деятельность подвигла местные народы к созданию собственных национальных литератур.

Первые и наиболее яркие ростки влияния русского языка на культуру горских народов можно увидеть в появлявшихся в XIX веке периодических изданиях Северного Кавказа. Первенец северокавказской периодической печати, газета «Ставропольские губернские ведомости», выходявшая с 1850 г., печатала в 50- 60-е годы много разнообразных сведений о народах Северного Кавказа. Во второй половине XIX в. в связи с ростом социально-политических, хозяйственных, административных и культурных потребностей периодические издания появляются во Владикавказе, Екатеринодаре и в других городах Северного Кавказа («Кубанские войсковые ведомости» – Екатеринодар, с 1863г.) и «Терские областные ведомости» (Владикавказ, с 1868 г.). С 80-х годов появляются и частные газеты: «Владикавказский листок объявлений» (1881-1882 гг.) и «Кубань» (Екатеринодар, в 1883-1885 гг.).

Именно в периодической печати публиковались историко-этнографические, экономические, публицистические и иные материалы, статьи, документы, касавшиеся Северного Кавказа.

Передовые деятели русского и горских народов использовали страницы периодики для публикации материалов, освещавших различные аспекты социально-экономической и духовной жизни горских народов.

В 1868–1871 гг. выдающуюся роль в развитии истории и этнографии горцев, в формировании горской интеллигенции играла газета «Терские ведомости», редактором которой в эти годы был демократически настроенный, талантливый журналист А.-Г. Кешев. Газета «Северный Кавказ» в 1893–1897 гг., когда в ней работал ответственным сотрудником К. Л. Хетагуров, также стояла на прогрессивно-демократических позициях. Интересные материалы о жизни народов Северного Кавказа продолжали печататься в издававшихся в Тифлисе и Баку газетах «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (с 1880 г.) и др. Во 2-й половине XIX в. по Северному Кавказу расходились такие газеты, как «Кавказ», «Новое обозрение» (с 1894 г.), «Тифлисский листок» (с 1878 г.), «Каспий» (Баку, с 1880 г.). В них публиковались важные материалы культурно-исторического и политического характера о жизни народов Северного Кавказа.

С 1868 по 1881 г. при Кавказском горском управлении в Тифлисе вышло 10 томов издания, специально посвященного истории и этнографии народов Кавказа, – «Сборник сведений о кавказских горах». Редактором издания был Н. И. Воронов, который переписывался с А. И. Герценым и Н. П. Огаревым. В сборниках впервые были напечатаны некоторые собрания адатов кавказских горцев, сказания о нартах. Для материалов сборника характерно доброжелательное освещение истории горцев. Важные статьи по истории и этнографии народов Северного Кавказа печатались также в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (с 1881 г.), а также «Записках» (с 1852 г.) и «Известиях» (с 1872 г.) Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Издавались «Кавказский сборник» (с 1876 г.), «Кавказский календарь» (с 1845 г.), «Сборник сведений о Кавказе» (1871–1885 гг., 9 выпусков) и др.

Серийные и периодические сборники и календари в описываемое время стали издавать областные органы царской администрации на Северном Кавказе. Это такие издания, как «Кубанский сборник» (с 1883 г.), «Терский сборник» (с 1890 г.) [2, с. 73–186].

Важнейшими центрами просветительства распространения передовых идей были библиотеки городов Северного Кавказа, знакомявшие читателей с жизнью других народов, с работами великих мыслителей, с замечательными произведениями русской и мировой литературы, благодаря широкому и оперативному изданию на русском языке всех заслуживающих внимание новинок. Богатыми фондами отличались библиотеки Ставрополя и Владикавказа, Пятигорска и Екатеринодара, Майкопа, Порт-Петровска, Дербента, Ардона и Алагира. 18 июня 1895 г. открыла свои двери Майкопская городская библиотека, ныне Национальная библиотека Республики Адыгея [3]. Свои книги макопчанам прислали в подарок многие известные русские писатели, в том числе Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко А.М. Горький, А.М. Скабический, щедрые дары были получены от издательств А.К. Солдатенкова и «Посредник», из редакций литературных журналов и от благотворительных организаций.

Первым русским театром на Кавказе был Ставропольский. Труппа не ограничивала своей деятельности губернским городом, а выезжала с гастролями в другие города Северного Кавказа и Закавказья, находя благодарного зрителя не только среди славянского, но и горского населения. Огромное влияние на развитие культуры и общественной мысли горских народов, на формирование национальной интеллигенции и воспитание у нее художественных вкусов оказал Владикавказский театр. Многие представители горской интеллигенции были его горячими поклонниками. К.Л. Хетагуров работал в этом театре художником-декоратором. В свободное время он и сам играл в любительских спектаклях, сочинял пьесы на местные темы. Его «Дуня», несущая в себе лучшие черты русской реалистической драматургии, пользовалась популярностью у местных зрителей и до сих пор значится в национальном театральном репертуаре. Актером и режиссером Владикавказского театра был осетин А. А. Туганов, с рецензиями на спектакли выступали первые владикавказские театралы из числа местной интеллигенции (Г. Цагалов и др.). Зрителями же были не только образованные представители осетинского народа, но и приезжающие во Владикавказ окрестные крестьяне, для которых театр был желанной диковинкой.

Параллельно развивался любительский театр. Любительскими спектаклями в Грозном, Владикавказе, Кизляре, например, руководил начинающий русский актер и режиссер Е. Б. Вахтангов,

установивший льготные билеты для рабочих и учащихся. На развитие сценического и музыкального искусства городов Северного Кавказа большое влияние оказывали гастролы ведущих российских артистов и музыкантов, театральных коллективов, приезжавших на гастролы из Москвы и Петербурга и других городов. На сценах кавказских городов пели Ф.И. Шаляпин и Л.В. Собинов, поражали своей игрой ведущие драматические актрисы ТОО времени М.Г. Савина, В.Ф. Комиссаржевская и Г.Н. Федотова, В.И. Качалов, с большим успехом музицировал С.В. Рахманинов и др.[4].

Развитие экономики региона настоятельно требовало увеличения числа грамотных людей, могущих обслуживать производство. На повестку дня вста вопрос о реформе всей системы регионального образования. Общий уровень просвещения в Северо-Кавказском крае был тогда чрезвычайно и низким. По данным переписи 1897 г., грамотность среди населения Дагестана составляла 9,2%, Кабарды – 3,2, Балкарии – 1,4, Адыгеи – 7, Карачая – 4,6%. На каждые 1 тыс. человек населения в Дагестане приходилось 3 учащихся, а одна школа – на 25 тыс. человек. Особенно незначительным было число девочек, охваченных обучением.

Обучение велось только на русском языке. Все сельские школы были одноклассными или двухклассными. Программы этих школ ограничивались изучением русского языка и математики (одноклассное училище) и краткими сведениями по истории, географии и естествознанию (двухклассное училище). И все же, несмотря на свою ограниченность, дореформенная русская светская школа стояла неизмеримо выше школ религиозных: она давала учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре. Деятельность целой армии прогрессивных русских учителей также сыграла положительную роль в формировании и росте местной интеллигенции, в приобщении горцев к русской грамоте и поднятии их культурного уровня.

Зарождавшаяся горская интеллигенция стремилась использовать для просвещения своих народов культурно-просветительские организации. С конца XIX в., как известно, в Нальчике было создано «Нальчикское благотворительное общество», позднее в Кисловодске – «Общество образования горцев Северного Кавказа», а в Адыгее – «Черкесское благотворительное общество».

Во Владикавказе – «Терское медицинское общество», «Терское сельскохозяйственное общество», Терский музей, а на Кубани – «Общество любителей изучения Кубанской области», Екатеринодарский музей краеведения, Публичная библиотека. В Пятигорске – «Горское общество». Деятельность этих обществ содействовала не только развитию народного образования, развитию культуры, изучению русского языка, распространению научных и экономических знаний.

Таким образом, уже в дореволюционный период русский язык сыграл огромную роль в развитии социальной культуры народов Северного Кавказа. Многие горские народы стали считать его своим вторым родным, активно пополняя словарный запас своих национальных языков русскими словами и выражениями. Одновременно и русский язык многое почерпнул из языков горских народов, т.е. происходило взаимопроникновение и взаимообогащение языков и культур русского и горских народов Северного Кавказа.

Если целью развития образования на Северном Кавказе на протяжении второй половины XIX в. – в начале XX века была унификации образовательного пространства на основе русской школы, то революционные события поставили на повестку дня в качестве главной проблему создания национальной школы. Сегодня можно спорить, был ли этот очевидный перекося данью исторической справедливости, или в какой-то степени исторической ошибкой, затормозившей на несколько десятилетий адаптацию основного населения малых национальных образований к российской (европейской), а через нее и к мировой культуре. Тем не менее, в течение первых 10–15 лет советской власти усилиями российских ученых и педагогов была создана письменность для ранее бесписьменных народов (абазинцы, лакцы, ногайцы, балкарцы, адыгейцы и др.). Впервые в истории они получили учебники и учебные пособия на родном языке. Для этого Народным комиссариатом по делам национальностей 14 декабря 1922 года было создано Центральное Восточное издательство, а 29 марта 1923 года – Центральное Западное издательство. Созданы они были в рамках реализации решений XI съезда РКП(б), который рекомендовал обратить особое внимание партии на издание «литературы народов национальных меньшинств». Для координации и общей направленности их деятельности 1 мая 1924 года их объединили и 13 июня того же года новое (объединённое)

издательство стало называться Центральным издательством народов СССР при Президиуме ЦИК. Функции нового издательства призваны были содействовать культурному развитию всех народов и народностей, населяющих Советский Союз. Центроиздат выпускал книги на 50 языках [5, с. 585]. Сходные функции в северокавказском регионе выполняло действующее в Ростове-на-Дону (до 1932 г. краевом центре всего объединенного Северо-Кавказского края) издательство «Северный Кавказ». Теоретическое обоснование этого процесса осуществлял Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт им. С.М. Кирова (1926–1937 г.), начинавший свою деятельность в Ростове-на-Дону, а после 1932 г. продолживший ее во Владикавказе [6]. Изучение же проблем преподавания русского языка сосредоточилось на языковедческих кафедрах уже существовавших (Ростов-на-Дону) и вновь создаваемых педагогических институтов (Краснодар, Ставрополь и др.). При этом проблема комплексного решения двух этих проблем: создание национальной школы и активное продвижение в регионе русского языка из соображений толерантности пока не обсуждалась даже на теоретическом уровне.

1920-е гг. характеризовались острой идеологической борьбой против тех, кто отстаивал необходимость сохранения традиционной арабской письменности. На первых порах (1925–1927 гг.) для многих кавказских языков она утвердилась на латинской графической основе, однако разрешение всего комплекса проявившихся методологических и методических проблем пришло лишь с окончательным переходом местной письменности на кириллическую графическую основу (1938 г.). 13 марта 1938 года было издано совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», что свидетельствовало о серьезной корректировке языковой политики государства. Великая Отечественная война подтвердила как правильность этого решения, так и его некоторую запоздалость.

К идее приоритетного изучения в национальных республиках русского языка вернулись в послевоенные годы. Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР», вышедшем после XX съезда партии, родителям было предоставлено право выбора языка обучения своих детей. В 1965/66 гг. уже все первые

классы начальной школы в республиках были переведены на русский язык обучения. Но в 1990-х гг. социально-политическая и экономическая ситуация в республиках Северного Кавказа резко и принципиально изменилась. Теперь национальные языки получили статус государственных. Под национальной школой стала пониматься система образования детей, строящаяся на принципе их включения в родную этнокультурную традицию на основе полноценного владения родным языком. На волне суверенизации в республиках Северного Кавказа многие стали читать первостепенной задачу восстановления и межпоколенной трансляции утрачиваемой культуры и консолидации на этой основе своей этнической общности, в то время как на общегосударственном уровне все настойчивее ставится задача воспитания в россиянах различных национальностей общегражданской ментальности.

Ныне решение этой первостепенной задачи, а также необходимость еще шире развивать языковые и культурные контакты ставит на повестку дня вопрос о необходимости повсеместной реализации образовательных программ, направленных на формирование у учащихся билингвизма. Для российской школьной системы характерна интеграция программ на русском языке с программами национальных образовательных систем, которые призваны сохранить многоязычие и способствовать формированию би- и мультилингвизма уже на ранних стадиях обучения ребенка [7, с. 311–318].

Социолингвистический аспект двуязычия обычно рассматривается в исследованиях в связи с историческими условиями использования языка; государственной культурной политикой, устанавливающей правила языкового взаимодействия; социальными отношениями между носителями языков. Серьезное внимание уделяется этому вопросу, например, в центрах и лабораториях билингвизма Адыгейского и Кабардино-Балкарского государственных университетов, а также в Пятигорском лингвистическом университете. Как отмечает доктор филологических наук, профессор З. У. Блягоз (Адыгея): «это явление – процесс длительный, сложный, имеющий разные аспекты реализации: социальную, лингвистическую, психологическую и педагогическую. Роль каждой из этих сторон двуязычия стала более заметно проявляться в нашей республике после принятия Закона «О языках народов Республики Адыгея» (1994 г.), согласно которому «...русский и адыгейский являются государственными языками».

Этот закон дает адыгейскому языку юридическое право свободно функционировать в письменной и устной форме: из бывшего бытового адыгейского языка он превращается в язык обучения (в начальной школе), в средних школах и высших учебных заведениях становится предметом изучения. Такой подход способствует становлению и развитию билингвизма – формированию навыков речевой деятельности на русском и адыгейском языках, взаимообогащению языков и культур народов» [8, с. 182–186].

Интересны данные по проблеме формирования билингвизма в Чечне и Ингушетии, приводимые аспиранткой кафедры общего языкознания З. С. Точевой. Согласно данным переписи, в 1959 году в ЧИАССР проживало 48,3 тыс. ингушей, 348,3 тыс. русских и 244 тыс. чеченцев. Представители всех остальных национальностей (так называемое русскоязычное население) в совокупности составляли 69, 8 тыс. чел. Таким образом, ингуши (как и чеченцы) оказались в полиэтнической русскоговорящей среде, многократно превосходящей их по численности. Этот фактор непосредственно повлиял на количественный и качественный уровень владения ингушами русским языком, а именно: 71,5 % ингушей, проживавших на территории Чечено-Ингушетии, свободно владело русским языком. Примечательно, что чеченцы при одинаковых условиях отставали от ингушей по уровню владения русским языком, хотя в количественном отношении значительно превосходили их. Здесь речь может идти скорее не о способностях к языкам, а о ментальной предрасположенности к ассимиляции в инонациональной среде. Однако основная тенденция очевидна – чем меньше количественный показатель нации, выше темпы ее ассимиляция в более обширной инонациональной, иноязычной, инокультурной среде, считает исследовательница [9, с. 189–193].

Сегодня большинство населения республик Северного Кавказа воспитано в условиях устойчивого билингвизма, родители сами выбирают язык обучения своих детей, что закреплено в законе об образовании. Современная действительность говорит о неперспективности сохранения замкнутого (ограниченного рамками республик) культурного пространства и требуют поиска более эффективной модели межкультурного взаимодействия народов.

Если исходить из важнейших государственных задач современной России и долговременных интересов северокавказских этносов, то в качестве основной образовательной цели в регионе

должно быть формирование прочной установки у молодого поколения на культурное и историческое единство всего Северного Кавказа и рассмотрение его как неотъемлемой составной части России. Ориентация на трансляцию и укрепление этнических ценностей должна проходить сквозь призму общероссийской культуры. Именно на этой основе возможно дальнейшее развитие межкультурного диалога населяющих Северный Кавказ народов. На этом зиждется новый, уже наметившийся расцвет регионального профессионального искусства. Особенно очевиден выбор, который делают в пользу русского языка молодое поколение северокавказских писателей. Отчасти это вызвано разрушением отечественной школы художественного перевода, но в большей мере - пониманием, что необходимо самому искать пути к многомиллионному отечественному читателю. При этом, как правило, им вполне удастся воссоздать в своих произведениях яркую этническую палитру культурной жизни своего народа, но делается это не на родном, а втором родном языке – русском. И русский язык, один из богатейших в мире, позволяет им достигать этого эффекта.

Русский язык как средство межнациональной коммуникации на Северном Кавказе – актуальная многоаспектная проблема, что обусловлено сложной этнолингвистической пестротой данного полиэтнического региона, а также спецификой социальных сфер, обслуживаемых русским языком, значение которого будет только возрастать [10, с. 171]. Только на его основе возможно формирование общероссийской гражданской идентичности, которая станет тем прочным цементом, который скрепит многонациональный народ возрождающейся и обновляющейся России.

Литература

1. См.: Опальные русские писатели открывают Кавказ. Антология. В 3-х т. / Под ред. В. А. Шаповалова и К. Э. Штайн. – Ставрополь, 2010–2011.
2. Городецкий Б. М. Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе: Доклад, прочитанный на собраниях членов ОЛИКО в 1913 г. по поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей» // Известия ОЛИКО. – Екатеринодар, 1916. – Т. 6.
3. См.: Книжное дело на Северном Кавказе. Сборник статей / ред-сост. А. И. Слуцкий. – Краснодар, 2003. – Вып. 1–9.

4. *Волова Л.А.* Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический журнал. – 2005. – № 12. С. 5–31.
5. Центральное издательство народов СССР // Книговедение: энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1982.
6. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горный историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)». – Ставрополь, 2012.
7. *Николаева А.-М. Ю.* Теоретические аспекты формирования двуязычия и опыт создания и реализации билингвальных образовательных программ в России и за рубежом // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). – 2015. – № 12. – С. 311–318.
8. *Блягоз З.У.* Реализация билингвального обучения: веление времени – билингвистический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 3. – С. 182–186.
9. *Тоцьева З.С.* Динамика развития ингушско-русского билингвизма в полиэтнической среде в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 189–193.
10. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане: Функциональная характеристика. М.: Наука, 2010.

Е.А. Щербина

**Роль русской культуры в оценках
и мнениях молодежи
Карачаево-Черкесской Республики***

**The role of Russian culture
in the estimates and opinions of young people
of Karachay-Cherkess Republic**

Щербина Елена Анатольевна – кандидат политических наук, доцент по специальности, ведущий научный сотрудник отдела социально – политических исследований Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве КЧР

Elena Shcherbina – *Candidate* of Political Sciences, Associate Professor in the specialty, leading researcher of the Department of Socio – Political Studies of Karachay-Cherkessia Institute of Humanitarian Studies of the Government of KCR.

В статье представлены результаты социологических опросов, показывающих отношение молодежи Карачаево-Черкесской Республики к русскому языку и культуре. Большинство молодых людей разной национальности относятся к русскому языку и культуре как к определяющему фактору интеграции в российское общество, возможности общения, фактора объединения народов России. Дан краткий анализ республиканской образовательной и языковой политики, показана роль институтов гражданского общества в популяризации русского языка как языка межэтнического и межкультурного общения.

Ключевые слова: русский и родной языки, фактор интеграции, популяризация русского языка, межкультурное общение.

The article presents the results of opinion polls showing the attitude of young people of the Republic of Karachay-Cherkessia in the Russian language

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-37-14017 «Разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России» (рук. М.Ю. Мартынова).

and culture. The majority of young people of different nationalities belong to the Russian language and culture as a determining factor of integration into the Russian society, communication opportunities, factor association of peoples of Russia. A brief analysis of the Republican educational and language policy, shows the role of civil society in the promotion of the Russian language as a language of inter-ethnic and intercultural dialogue.

Keywords: Russian and native languages, integration factor, the popularization of the Russian language, cross-cultural communication.

Основной задачей реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666) в сфере этнокультуры является сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности. При этом основополагающим, на наш взгляд, является положение о том, что «современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру».

В основе единого культурного (цивилизационного) кода всех народов России лежит русская культура и русский язык, являющийся родным для более 80% её населения. Представляется чрезвычайно важным показать отношение к русской культуре и языку в полиэтничных регионах страны, где русские составляют этническое меньшинство. Такими регионами являются и республики Северного Кавказа, в которых численность молодежи составляет треть населения. При этом, ученые, работники образовательной сферы, представители гражданского общества обеспокоены как уровнем владения русским языком (в значительной степени определяющим общий уровень культуры), так и родным для представителей разных этносов языком.

Обозначенные проблемы нашли отражение не только в образовательной практике на уровне регионов, но и в политической практике. Показательным в этом плане является объявление Главой КЧР Р. Темрезовым 2015 года в Карачаево-Черкесской Республике Годом русского и родных языков. Внимание полити-

ков к проблеме родных языков основано, на наш взгляд, на понимании того, что язык и культура выступают основой сохранения этноса и этнического единства, а отношение к русскому языку и русской культуре определяет межэтническое, гражданское, цивилизационное единство россиян.

В Карачаево-Черкесской Республике проживают представители более ста национальностей, субъектообразующими являются пять народов: абазины, ногойцы, карачаевцы, русские и черкесы. В конце 2011 года в республике был проведен социологический опрос среди молодежи по проблемам межэтнического и межкультурного взаимодействия. Объем выборки – 1000 человек. Выборка репрезентативная, территориально – географическая, квотированная. Квотирование произведено по полу – возрастному принципу. Опрашивалась молодежь двух возрастных групп: 16–19 лет (59,1%), 20–23 года (40,9%). Было опрошено 44% мужчин и 56% женщин. Среди них: абазин – 9,9%, ногойцев – 6,3%, карачаевцев – 48,8%, русских 18,6%, черкесов – 13,1%, представителей другой национальности – 3,3%, что отражает национальный состав учащейся молодежи республики.

Была опрошена учащаяся молодежь средних школ и студенты средних специальных и высших учебных заведений всех районов и двух городов КЧР: г. Черкесска и г. Карачаевска. Опрос был направлен на выявление уровня этнокультурной компетенции молодых людей, степени и уровня межкультурного взаимодействия, выявления проблем в сфере межэтнических отношений. Был отдельно выделен вопрос о роли и значении русского языка и русской культуры. Практически все опрошенные отметили значение русского языка в своей жизни как важного и в значительной степени определяющего фактора интеграции в общество, языка общения, фактора объединения народов России:

- русский язык – фактор объединения народов России – 72,1%;
- русский язык и культура мне нужны, чтобы интегрироваться в общество в любом регионе России – 47,7%;
- русский язык мне нужен для общения с друзьями – 41,3%;
- русский язык мне нужен, чтобы приобщиться к мировой культуре – 40%.

Являясь представителями своих народов и высоко оценивая роль и значение этнической культуры, значительная часть

молодых людей считает, что сосредоточенность на своей культуре не может разъединить народы России, так как «свою культуру нужно знать, чтобы понимать культуру других народов, так как во всех культурах много общего» – 41,2%; думают, что «культура России состоит из культуры многих народов, в ней проживающих, поэтому нужно изучать культуру, как своего, так и других народов России» – 35,9%. Более 8% считают, что «сосредоточенность только на своей культуре обедняет человека, потому что он живет в многоэтнической стране и мире, в котором множество культур» и 12,8% думают, что «сосредоточенность только на своей культуре разъединяет народы России и нужно изучать общие ценности и культурные нормы, свойственные всем людям».

В 2013 году в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ был проведен опрос студенческой молодежи республики. Были опрошены студенты Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Алиева, филиала Ставропольского института им. В.Д. Чурсина в г. Черкесске, филиала Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Среди опрошенных 86,8% – студенты очной формы обучения, 13,2% – студенты заочной формы обучения. В выборке представлено 50% мужчин и 50% женщин. Определенный в ходе опроса этнический состав опрошенных выглядит следующим образом: 58,3% – карачаевцы, 11,1% – русские, 9,7% – абазины, 7,6% – черкесы, 1,4% – ногайцы, 11,9% – представители других национальностей.

Исследование показало, что языком повседневного общения для определенной части студентов ВУЗов КЧР является родной язык: карачаевский (49,3%), абазинский (9,7%), черкесский (6,3%), ногайский (1,4%). Русский язык как язык повседневного общения отметили 24,3% респондентов. Частота использования русского языка респондентами различна в зависимости от ситуации. Чаще всего студенты общаются на русском языке в учебном заведении (97,2%). При общении с друзьями 64,5% респондентов общаются преимущественно на русском языке, хотя 28,5% опрошенных указали, что общаются с друзьями на родном языке. Ответы на эти вопросы показали, что русский язык сохраняет свои позиции языка официального дискурса и межнационального общения.

При ответе на вопрос кого можно считать русским человеком, треть опрошенных заявила, что это тот, кто русский по происхождению (33,3%). Немного меньше – 22,9% считают, что русским человеком можно считать того, кто придерживается русской православной веры и её традиций. 12,5% считают, что русским человеком можно назвать того, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры. Для 11,8% значение имеет самосознание, т.е. кем человек сам себя считает. 10,4% молодежи в качестве главного критерия назвали владение русским языком. Таким образом, русский язык и русская культура в ответах респондентов выступают основными маркерами этнической идентичности.

После принятия «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в регионах значительное внимание стало уделяться языковой политике, направленной на сохранение и развитие языков народов РФ. Как уже было отмечено, 2015 год в Карачаево-Черкесии Главой республики Р. Темрезовым был объявлен Годом русского и родных языков. Республиканская информационная политика строилась в соответствии с основными принципами, изложенными Главой КЧР: «русский язык – это фундаментальная составляющая, как в образовательном процессе, так и во взаимоотношениях в такой многонациональной и поликультурной республике, как Карачаево-Черкесия». При этом, «родной язык – это язык, на котором мать пела колыбельную, на котором старшие передают из поколения в поколение народную мудрость, которую потом человек пронесит через всю жизнь». [1]

Центром проведения мероприятий, связанных с Годом русского и родных языков в КЧР, стала Государственная Национальная библиотека им. Х. Б. Байрамуковой в г. Черкеске, в которой прошли недели декады литературы и искусства народов КЧР в рамках месячника «Лики культур народов Карачаево-Черкесии». На неделе русской литературы и культуры, в рамках которой прошел цикл мероприятий, посвященных 70-летию Великой Победы, Году литературы в России и Году русского и родных языков в КЧР прошли книжные выставки, выставки прикладного творчества, музыкально-литературные вечера, информационные дни. Были представлены произведения русскоязычных авторов, литература национальных писателей, пишущих на русском языке; первые периодические издания, выходящие в КЧР на русском языке, подшивки газет военных лет, а также литература

о творчестве русских художников, театральных деятелей республики. В ходе мероприятия состоялась презентация библиографического справочника «Созвездие русских писателей Карачаево-Черкесии», подготовленного сотрудниками Центра правовой и деловой информации библиотеки.

В октябре-ноябре 2015 года прошли конференции по русскому языку:

– международная научно-практическая конференция «Язык, этнос, культура», посвященная Году русского и родных языков в КЧР на базе кафедры русского языка Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии в г. Черкесске. Она была организована в рамках программы «Гармонизация межнациональных отношений в межкультурной образовательной среде и этнокультурного развития народов КЧР на 2014–2017 годы». Целью данной конференции было объединение усилий власти, общественных организаций, образовательного сообщества и деятелей науки для решения проблем обучения русскому и родным языкам;

– в ноябре 2015 года в КЧР прошел республиканский форум «Русский язык – основа духовного единства народов России», собравший руководство республики, членов Правительства, филологов из городов и районов КЧР. На форуме было отмечено значение русского языка для всех народов КЧР и России.

Об усилении внимания представителей органов власти к проблеме русского языка говорит то, что в 2015 году в КЧР учреждены 15 грантов для педагогов русского и родных языков. В рамках выработанных соглашений между Главой КЧР и ректором МГУ В. Садовничим, 50 учителей русского языка и литературы из республики участвовали в «Летней школе» на филологическом факультете МГУ, а затем транслировали знания в своих школах, педагогических коллективах; [2]

Направленность на пропаганду и популяризацию русского языка и культуры сохраняется и в настоящее время: в мае в республике отметили День славянской письменности и культуры. В июне в Карачаево-Черкесской государственной национальной библиотеке им. Х. Байрамуковой провели масштабное мероприятие «И вечно Пушкинское слово...», посвященное Пушкинскому дню в России.

Одновременно со светской частью регионального сообщества Пятигорская и Черкесская епархия объявила 2015 г. Годом

русского языка и культуры. В рамках проекта при православных приходах началось открытие «народных университетов». 7 февраля 2015 г. такой университет открылся на базе Покровского прихода столицы Карачаево-Черкесской Республики.

В популяризации русского языка активно участвуют русские общественные организации, так в ноябре 2015 года в рамках торжеств, приуроченных ко дню образования станицы Исправной, был проведен культурно-просветительский форум «Русский мир». Его главной целью стала популяризация русского языка, традиций и культуры русского народа и их роли в гармонизации межнациональных отношений на территории КЧР. Форум был инициирован Карачаево-Черкесским региональным общественным движением по защите конституционных прав граждан, сохранению и развитию самобытной культуры русского народа «Русь» при поддержке Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КЧР в рамках реализации федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России на 2014-2020 годы» и региональной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике на 2014 - 2017 годы».

Таким образом, вектор региональной языковой политики, направленный на сохранение и развитие родных языков, сочетается с основным направлением по усилению значимости и роли русского языка и культуры в процессах межэтнического и межкультурного взаимодействия. Это основной тренд в языковой, образовательной, информационной политике, реализуемой как органами власти республики, так и институтами гражданского общества.

Литература

1. Поздравление Главы Карачаево-Черкесии с международным Днем родного языка. Февраль 2015г. Электронный ресурс: <http://www.kchr.ru/news/detailed> (дата обращения 25 февраля 2015).
2. Глава КЧР принял участие в республиканском форуме «Русский язык – основа духовного единства народов России». 20 ноября 2015 года// <http://kchr.ru/news/detailed/26446> (дата обращения 28 ноября 2015).

Заключение

Северный Кавказ – политэтнический, самый густонаселенный регион России. Черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе, Северный Кавказ обрел в результате вхождения в состав Российского государства и вступления в культурный диалог с ним, в первую очередь с русским языком и культурой. Русское присутствие и влияние в этом регионе является неотъемлемой частью культуры всего Северного Кавказа на протяжении столетий.

Взаимодействие северокавказских и русского народов имеет глубокие исторические корни. Еще в IX в. стали налаживаться торговые отношения между Древней Русью и горцами – с этого времени на Кавказе появляется русский язык. С образованием в X веке Тмутараканского княжества, занимавшего территорию Таманского полуострова и объединившего в своих границах представителей различных этносов, начались активные процессы взаимного общения северокавказских народов и русичами, прерванные в результате татаро-монгольского нашествия.

В XVI в. русско-северокавказские отношения вышли на новый этап развития: в регионе появились постоянные поселения терских казаков, началось вхождение кавказских племен в состав Московского государства (с 1567 г.), русский язык постепенно становился для местных народов государственным языком и языком межнационального общения, мощным рычагом духовного и экономического влияния России на кавказские народы.

Процесс окончательной интеграции северокавказских народов в состав России завершился в XIX вв. Основопологающую роль в данном процессе сыграла русская культура, оказавшая прогрессивное влияние, в том числе, и на развитие культур коренных этносов.

Русская культура и культуuroобразующая роль русского языка в процессе становления национальных культур народов Северного Кавказа была главенствующей. Во многом благодаря русскому языку, связавшему между собой многочисленные горские народы, Северный Кавказ стал восприниматься не только

как географическое, но и как самостоятельное и единое духовно-культурное пространство.

Важнейшей вехой в развитии культуры северокавказских этносов стал XX век. В советский период реальный процесс становления национальных культур обеспечил развитие образования, создание национальной интеллигенции, развитие многих видов художественной культуры на профессиональной основе, создание инфраструктуры науки, образования и культуры в каждом субъекте Северного Кавказа.

Кризисные явления конца XX – начала XXI вв. привели к утрате доминирующего влияния русской культуры на Северном Кавказе, что стало одной из главных причин нарастания напряженности в регионе, развитию сепаратистских тенденций, привело к реальной угрозе национальной безопасности страны.

Осуществленное научное исследование русской культуры как системообразующего фактора межнационального взаимодействия на Северном Кавказе обусловлено необходимостью создания научно-теоретической базы с целью выработки стратегии и конкретных мер по восстановлению необходимой для преодоления кризисных явлений в вопросах взаимодействия культур и укрепления российской государственности в данном регионе степени влияния русской культуры в регионе.

Полученные результаты могут служить основой для развития дальнейших фундаментальных теоретических и прикладных исследований обозначенной темы.

Кроме того, выводы исследования предназначены для применения в государственной национальной и этнокультурной политике в сфере теоретических и методологических оснований развития межэтнических отношений, укрепления общероссийской гражданской идентичности северокавказских народов, укрепления основ государственной безопасности.

Список использованных источников

1. *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа в XVI–XVII вв. и их связи с Россией. М., 1963.
2. *Варивода Н.В.* Уроки взаимодействия и проблемы взаимоотношений русского народа и северокавказских этносов [Электронный ресурс] // Северокавказское новостное агентство. 2010. URL: <http://skfnews.info/> (дата обращения: 01.07.2016).
3. *Потто В.А.* Два века терского казачества. Ставрополь, 1991.
4. Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). М., 1974.
5. *Тотоев М.С.* Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XII. 1948.
6. *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Русские на Северном Кавказе: исторический экскурс // Южнороссийское обозрение. Вып. 10. Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI века. Ростов-н/Д., 2002.
7. *Гамзатов Г.Г.* Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махач., 1978.
8. *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй пол. XIX – нач. XX вв. Нальчик, 1996.
9. *Черноус В.В.* Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1993. № 3.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988.
11. См. например: Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. Краснодар, 1996 и др.
12. *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. Относительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня; Виноградов В.В. О преодолении последствий культа личности в советском языкознании // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964.
13. *Орбели Р.Р.* Кавказоведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 470.
14. *Гамзатов Р.* Мой Дагестан. М., 1977; Капиев Э. Избранное. М., 1959; Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М. – JL, 1925.
15. *Магидов Ш.Г.* Проблемы языка обучения и письменности народов Дагестана в культурной революции. Махачкала. 1971; Хабичев М.А. Роль русского языка в жизни балкарцев и карачаевцев в условиях НТР // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1997; Ктиторова О.В. Зарождение российской

- образовательной системы на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – середина XIX вв.) // Культурная жизнь Юга России. 2015. № 4.
16. *Буржунов Г.Г., Ходжаева Ш.И.* Методическая подготовка социалистической культуры народов Дагестана // Русский язык – язык межнационального общения народов СССР. Махачкала. 1990; Загаров З.М. Роль курса “Сопоставительная типология русского и родного языков” в подготовке учителя русского языка // Русский язык – язык межнационального общения народов СССР. Махачкала, 1990.
 17. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане: Функциональная характеристика / Ин-т языка, лит. искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2010.
 18. *Башиева С.К., Улаков М.З., Хамдохова Ж.М.* Языковая ситуация в Кабардино-Балкарской республике: состояние и проблемы. Нальчик: КБНЦ РАН, 2016.
 19. *Загайтоков А.Х.* Теоретические основы содержания начального обучения русскому языку в условиях новой языковой ситуации (на материале кабард. и черкес. шк.): Дисс. ... д-ра пед. наук. – М., 1997; Калинина Е.Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: Дисс. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2006; Костюк М.Е. Государственная языковая политика и ее роль в механизме обеспечения национальной безопасности России: Дис. ... канд. полит. наук. М. 2011; Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Интеграционная роль русского языка на Северном Кавказе: Этапы и факторы формирования социокультурного пространства: Дисс... канд. со. Наук. Ростов-н/Д.; Теуникова М.Ч. Современные этноязыковые процессы в Кабардино-Балкарской Республике: факторы и тенденции их развития: Дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2002.
 20. *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 19; Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 48.
 21. *Лихачев Д.С.* Историческое самосознание и культура России // Русская культура... С. 27.
 22. *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь, 2011.
 23. *Бузаров А.К.* Сефер-Бей Сиюхов // Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету / ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп: изд-во АГУ, 2012. С. 46–51.
 24. *Бузаров А.К., Баранов А.Г., Караклев З.Х., Панеш А.Д.* Развитие исторической науки в Адыгее (20-е – 30-е гг.) [Электронный

- ресурс] // URL: <http://www.referatbank.ru/referat/preview/20692/referat-razvitiie-istoricheskoy-nauki-adegee.html> (дата обращения 15 июля 2016 г.)
25. *Шеуджен Э.А.* Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1. С. 83–89.
 26. *Берлявский Л.Г.* Из истории Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов (СКАНИИ) // Научная мысль Кавказа. Приложение. (Ростов н/Д). 2004. № 3 (57). С. 96–104.
 27. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)). Ставрополь: СГУ, 2012.
 28. *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / Ред. серии И. Калинин. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
 29. *Черноус В.В.* Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 154–167; Крамарова Е.Н., Черноус В.В. Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3 (79). С. 82–89. Тхагапсоев Х.Г., Калмыкова А.Р., Черноус В.В. Историографическая методология как источник рисков и конфликтогенный фактор // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85). С. 21–27.
 30. *Адиев А.З.* Историческая политика и этнополитические процессы на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2014. №1. С. 99–103.
 31. *Матвеев О.В.* От воюющих крайностей к концепциям взаимопознания: некоторые итоги и уроки изучения Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.В. Коваленко; редкол. И.И. Горлова, А.В. Крюков, Н.А. Костина. – Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 20–34.
 32. *Гапуров Ш.А.* К дискуссии о Кавказской войне // Кавказская война: символы, образы, стереотипы. С. 45–55; Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Магомаев В.Х., Черноус В.В. Цивилизационная роль России на Северном Кавказе (на примере российско-чеченских отношений) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 5–12.
 33. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / Под ред. Генерал-лейтенанта Потто. Тифлис: Издание Военно-исторического отдела при штабе кавказского военного округа, 1906–1909. Вып. I: 1906. Вып. II: 1909.
 34. В граните и бронзе: (О памятниках Кубани) Сост. Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. Краснодар Краснодарское книжное изд-во, 1975 г.

35. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории [Электронный ресурс] URL: Filosbank.narod.ru/Fails/Knigi/Htm/Yaspers.htm.
36. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988. С.147.
37. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Том 1. Екатеринодар. Типография Кубанского областного правления. 1910. С.10.
38. История народов Северного Кавказа ... С. 148.
39. Там же. С. 176.
40. *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1557–1801) Том 1. Владикавказ. Электронпечатная Типография Терского Областного Правления. 1912. С. 15.
41. *Кузнецов В.В.* Русь и Северный Кавказ: первые контакты [Электронный ресурс] / Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, 13–14 октября 2005 г. URL: http://kvkz/ru/history/2373_rus-i-severnyi-kavkaz-serveye-kontakty.htm (дата обращения 07.07.2016).
42. *Потто В.А.* Два века Терского Казачества... С.16.
43. Там же. С. 25–26.
44. *Толстой Л.Н.* Собр.соч. М., 1948. Т. 9. С. 250.
45. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Том 1... С.610.
46. *Варивода Н.В.* Уроки взаимодействия и проблемы взаимоотношений русского народа и северокавказских этносов [Электронный ресурс] // Северокавказское новостное агентство. 2010. URL: <http://skfonews.info/> (дата обращения 14.05.2016).
47. *Тхагапсоев Х.Г.* Сложение культурного мира Юга России в Новое время. / Культура Южной России. Санкт-Петербург: ИД «Петрополис», 2012. С.148-149.
48. *Соловьева Н.Г.* О культурном диалоге казачества и горского населения Карачаево-Черкесии (второй половины XIX – первой трети XX вв.) // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 7. Майкоп. 2011. С.105.
49. См.: *Варивода Н.В.* К истории взаимоотношений казаков Терека и кабардинцев во второй половине XV1-X1X вв. // Вопросы казачьей истории и культуры. Выпуск 4. Майкоп: Издательство АГУ, 2008. С. 43.
50. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей (в сокращении) // Ингуши: Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Регион. Приволж. Изд-во «Детская книга», 1996. С. 456.
51. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 22.
52. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 504.
53. Там же. С.315.

54. Вопросы истории.1988. № 4. С. 37.
55. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.... С. 24–25.
56. Там же. С.316.
57. Там же. С. 320.
58. *Ахмадов Ш.Б.* Из истории Русско-северокавказских торгово-экономических связей в XVIII веке // Тезисы докладов Научной конференции «Из истории русско-северокавказских связей» (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани). Краснодар, 1988.С. 49.
59. Там же.
60. Там же. С. 51.
61. *Чахкиев Д.Ю., Абдулвахабова Б.Б.-А.* Из истории русско-вайнахских связей в XVI – XVIII вв. (по материалам погребальных сооружений) // Тезисы докладов научной конференции «Из истории русско-северокавказских связей» (К 1000-летию первого упоминания в летописи Тмутаракани). Краснодар, 1988. С. 35–36.
62. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.... С. 219.
63. Там же. С. 222.
64. *Генко А.Н.* Из культурного прошлого ингушей (в сокращении) // Ингуши: Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа / Сост. А.Х. Танкиев. Саратов: Регион. Приволж. Изд-во «Детская книга», 1996. С. 464.
65. Там же. С. 498.
66. Там же. С. 523.
67. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца ХУШ в. ... С. 353.
68. Северный Кавказ: русский фактор / Под общей ред.В.М. Коровина. М., Социологический факультет МГУ, 2014. С. 4–5.
69. Чеченцы: история и современность / Сост. и общая ред. Ю.А.Айдаева. М., 1996. С. 141.
70. *Трепавлов А.В., Гагазова Л.С.* Государственная национальная политика на Северном Кавказе до 1917 года: особенности, специфика // Проблемы истории народов Северного Кавказа: межнациональные отношения (XX–XXI вв.). М.: Институт российской истории РАН, 2009. С.22.
71. *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа (материалы к изучению исторического регионоведения). Пятигорск, 2005. С. 88–100.
72. *Невская, Т.А., Кондрашова А.С.* Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.): монография. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 45.
73. Там же. С. 3.
74. *Потто В.А.* Два века терского казачества... С. 312.

75. *Невская, Т.А., Кондрашова А.С.* Северный Кавказ: традиционное общество и реформы... С. 49, 54, 56–57, 102, 129, 131, 183.
76. История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 223.
77. Гаджиев Булач. Темир-Хан-Шура. Буйнакск: Издательство при типографии № 2, 1992. С. 171.
78. История Ингушетии. Магас – Нальчик. ООО «Тетраграф». 2011. С. 238.
79. Регионоведение: Учебное пособие / Отв. ред. профессор Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 61,62.
80. *Аюбова Ш.И., Шихабудинов Д.М.* Роль первых дагестанских светских учреждений в приобщении народов Дагестана к достижениям европейской культуры. Общественные науки. № 4 (29). 2014. С. 17, 19.
81. Обзор Дагестанской области за 1899 год. Темир-Хан-Шура. 1900.
82. Терские ведомости. 1891. № 68.
83. *Абдулаева М.Ш.* Дагестанская русскоязычная интеллигенция в XIX веке: на пути к межкультурным коммуникациям [Электронный ресурс] URL: [Lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/106/abdulaeva_106_7_14.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/106/abdulaeva_106_7_14.pdf).
84. *Тхагапсоев Х.Г.* Сложение культурного мира Юга России в Новое время // Культура Южной России. СПб.: ИД «Петрополис», 2012. С. 158.
85. Там же. С.188.
86. Там же. С. 242.
87. *Тхагапсоев Х.Г.* Пушкинский фактор в диалоге русской и кавказской культур // Вестник российской академии наук. Том 79. Июнь. 2009. М.: «Наука». С. 617–623.
88. *Бугай Н.Ф.* Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990- годы – начало XXI века). М.: Гриф и К, 2011. С. 309.
89. *Тхагапсоев Х.Г.* Сложение культурного мира Юга России... С. 249.
90. Жданов Ю.А. Кавказ и передовая советская культура // Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). Грозный, 1982. С. 39.
91. См.: Опальные русские писатели открывают Кавказ. Антология. В 3-х т. / Под ред. В.А. Шаповалова и К.Э. Штайн Ставрополь, 2010–2011.
92. *Городецкий Б.М.* Очерк развития русской периодической печати на Северном Кавказе: Доклад, прочитанный на собраниях членов ОЛИКО в 1913 г. по поводу 50-летия издания “Кубанских областных ведомостей” // Известия ОЛИКО. Екатеринодар, 1916. Т. 6. С. 73–166.
93. См.: Книжное дело на Северном Кавказе. Сборник статей / ред.-сост. А.И. Слущкий. Краснодар, 2003. Вып. 1–9.
94. *Кричмарь С.М.* Создание и развитие историко-краеведческих музеев в национальных республиках северного Кавказа в XX веке (На мате-

- риалах Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечни и Ингушетии. Исторический аспект исследования. Автореферат диссертации на... Канд. ист. н. М., 1998.
95. *Волова Л.А.* Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический журнал. 2005. № 12.
 96. Памятники российского права: учебно-научное пособие : в 35 т. / [Бобровский Олег Викторович и др.] ; под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Т. 23. Первые декреты Советской власти. М., 2016.
 97. Центральное издательство народов СССР // Книговедение: энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1982. С. 585.
 98. Темирболатова А.И. Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горный историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)»). Ставрополь, 2012.
 99. *Николаева А.-М.Ю.* Теоретические аспекты формирования двуязычия и опыт создания и реализации билингвальных образовательных программ в России и за рубежом // European social science journal (Европейский журнал социальных наук). 2015. № 12. С. 311–318.
 100. *Овхадов М.Р.* Социолингвистический анализ развития Чеченско-Русского двуязычия. Назрань, 2007; Оршанская Е. Г. Лингвистический и социолингвистический подходы к изучению проблемы биоллингвизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. N 21. С. 120–128; Ястреб О. Ю. Билингвизм – один из факторов стратегии диалога культур в полиэтнической среде // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 252–259; Загаштоков А.Х., Кулимова Р.Х. Обучение на билингвальной основе как базовый компонент языкового образования учащихся начальной школы Кабардино-Балкарии // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 2009. Вып. 4 (51). С. 171–175 и др.
 101. *Блягоз З.У.* Реализация билингвального обучения: веление времени – лингвистический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С.182–186.
 102. *Точиева З.С.* Динамика развития ингушско-русского билингвизма в полиэтнической среде в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. С. 189–193.
 103. *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда / Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 19; Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Там же. С. 48.
 104. *Лихачев Д.С.* Историческое самосознание и культура России // Русская культура. С. 27.

105. *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922 гг.). М., 1973. С. 26–27.
106. К октябрю 1917 из 127 вузов 122 находилось в Европейской части России, причем 53,4% от общего количества вузов находилось в Петрограде и Москве. На Кавказе, в Казахстане, Средней Азии не было ни одного учебного заведения.
107. На Кубани, например, существовало Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО). О его деятельности см.: Кирей Н.И., Лушняк Г.И., Мошкович Г.Г., Тихомиров В.Р. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) и его историческое значение // Новейшие исследования по социально-экономической и культурной истории дореволюционной Кубани: Сб. науч. тр. Краснодар, 1989. С.132-149.
108. Подробнее см.: Горлова И.И., Еремеева А.Н., Костина Н.А. Историко-этнографические исследования народов России как ресурс национальной политики (XVIII – начало XX в.) // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи: сб. науч. ст. / отв. ред. И. И. Горлова; редкол. А.Н. Еремеева, Т. В. Коваленко, Н. А. Костина, А. В. Крюков. М.; Краснодар, 2015. С. 147-167.
109. См.: *Колесникова М.Е.* Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. 2-е изд., доп. Ставрополь, 2011.
110. Кубанские ведомости. 1915. №72. 4 апр. С. 3.
111. *Короленико П.П.* Горские поселения в Черномории // Известия ОЛИКО. 1902. Вып. 3. С. 71–115; Дьячков-Тарасов А.Н. О значении этнографических исследований горских племен // Известия ОЛИМКО. 1899. №1. С. 7–11; Городецкий Б.М. Абих и его работы по исследованию Кавказа (доклад, сделанный на заседании ОЛИКО в 1912 г.); Городецкий Б.М. Борьба русских с черкесами: библиографический набросок // Бюллетень ОЛИКК. Вып. 2. Екатеринодар, 1914. С. 13-14; Сысоев В.М. Эльбрус: Географический очерк. Составленный по сочинениям Абиха, Пастухова, Динника и др // Известия ОЛИКЛ. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 75–196 и др.
112. Довлет Султан Гирей. Бжедуховские памятники // Известия ОЛИКО. Вып. 4. Екатеринодар, 1909. С. 89–92.
113. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р365. Оп. 1. Д. 19. Л. 215.
114. *Бузаров А.К.* Сефер-Бей Суюхов // Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету / ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп: изд-во АГУ, 2012. С. 46–51. (49–50)
115. Известия ОЛИКК. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 147–161.
116. Известия ОЛИКК. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 162–166.

117. Поварнина В.Г. В Дагестане // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. № 1–2, С. 28–47. 1915. № 3–4. С. 5–26.
118. *Бурксер В.* В стране карачаевцев // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. 3–4. С. 27–43
119. Хроника // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1915. № 1–2. С. 49–50.
120. Состояние Гунибской березовой рощи // Известия Кавказского отдела РГО. Т. XXV. № 1. С. 156–157.
121. Цыс Д.А. О необходимых заповедниках в Бакинской губернии // Известия Кавказского отдела РГО. Т. 25. № 2–3. С. 273–283.
122. РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 392. Л. 14–20.
123. См.: *Еремеева А.Н.* Курортные проекты Кубанской области и Черноморской губернии военного времени (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 132–141.
124. *Канукова З.В.* Осетинское историко-филологическое общество // Известия СОИГСИ. Вып. 1 (40). Владикавказ, 2007. С. 143–145.
125. Шеуджен Э.А. Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. №1. С. 83–89.
126. *Бузаров А.К., Баранов А.Г., Караклев З.Х., Панеш А.Д.* Развитие исторической науки в Адыгее (20-е – 30-е гг.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.referatbank.ru/referat/preview/20692/referat-razvitie-istoricheskoy-nauki-adegee.html> (дата обращения 15 июля 2016 г.)
127. См.: *Очаповский С.В.* Ты опять поедешь в Карачай: Дневники и воспоминания / Сост. и ред. Ф. Байрамукова; под. ред. Р.Т. Хагуева. М.: Эльбрусид, 2009.
128. *Мельников-Разведенков Н.Ф.* Медицина и краеведение // Известия ОЛИКО. Вып. 9. Краснодар, 1925. С. 197.
129. См.: *Шеуджен Э.А.* Северный Кавказ в 20-е годы XX века: у истоков исторического знания // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 1. С. 84.
130. Подробнее об этом см.: Берлявский Л.Г. Из истории Северо-Кавказской ассоциации научно-исследовательских институтов (СКА-НИИ) // Научная мысль Кавказа. Приложение. (Ростов н/Д). 2004. № 3 (57). С. 96–104.
131. *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке / Ред. серии И. Калинин. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 110.
132. *Аутлев П.У.* Адыгя в летописи социализма. Майкоп, 1990. С. 82.
133. *Матиев М.А. Вклад Е.И. Крупнова* в изучение ингушского фольклора // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (15 апреля 2014 г., г. Магас). Магас – Кисловодск, 2014. С. 64.

134. *Дзарахова З.* Развитие гуманитарной науки в Республике Ингушетия // URL: <http://radio-angusht.livejournal.com/63694.html> (дата обращения 15 августа 2016 г.)
135. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова (1926–1937)). Ставрополь: СГУ, 2012. С. 240.
136. См.: *Аллатов В.М.* Николай Феофанович Яковлев // Отечественные лингвисты XX в. Ч. 3: Т – Я / отв. ред. Ф. М. Березин. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 148–157.
137. *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе... С. 244, 247.
138. *Бобровников В., Генко А.Н.* как востоковед [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nplg.gov.ge/caucasica/Caucasology/RUS/2004/No5/Summary/4.htm>
139. *Матиев М.А., Вклад Е.И.* Крупнова в изучение ингушского фольклора // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (15 апреля 2014 г., г. Магас). Магас – Кисловодск, 2014. С. 65.
140. См.: Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: Сборник научных трудов. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И.Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.
141. Вестник АН СССР. 1939. № 2-3. С. 41.
142. *Мупчаев Р.М.* Е.И. Крупнов – выдающийся российский кавказовед (к 110-летию со дня рождения) // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (15 апреля 2014 г., г. Магас). Магас – Кисловодск, 2014. С. 9.
143. Национальный архив Республики Адыгея Ф. Р 1127. Оп. 1. Д. 2. Л. 43.
144. *Невская В.П.* Карачаевцы // Народы Карачаево-Черкессии. Историко-этнографические очерки. Ставрополь, 1957.
145. *Невская В.П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период. Черкесск, 1960; Невская В.П. Карачай в пореформенный период. Ставрополь, 1964.
146. См.: *Беликов А.П., Невская Т.А.* К 90-летию Валентины Павловны Невской // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций XX века/отв. ред. А.Н. Еремеева. Краснодар: Кубанькино, 2009. С. 3-13.
147. См.: *Алиева А.И.* Издание национальных версий Нартского эпоса в двуязычной академической серии «эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интер-

- претации: Сборник научных трудов. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 6–20.
148. *Калоев Б.А.* Марк Осипович Косвен – кавказовед // Этнографическое обозрение. 2000. №3. С. 122–134.
149. *Аутлев М.Г.* Адыги: Ист.-этногр. очерк: [К 400-летию добровольного присоединения адыгов к России] / М. Аутлев, Е. Зевакин, А. Хоретлев; Адыг. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957.
150. *Жданов Ю.А.* Северо-Кавказский научный центр высшей школы // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1973. №1. С.8.
151. К читателю // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1973. № 1. С. 5.
152. *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010. №1 (61). С. 10–15.
153. Предисловие к серии // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до-конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 7.
154. *Патракова В.Ф., Черноус В.В.* Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете... С. 16.
155. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С.69.
156. *Матвеев О.В.* От воюющих крайностей к концепциям взаимопознания: некоторые итоги и уроки изучения Кавказской войны // Кавказская война: символы, образы, стереотипы [Текст]: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.В. Коваленко; редкол. И.И. Горлова, А.В. Крюков, Н.А. Костина. – Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 20–34; Гапуров Ш.А. К дискуссии о Кавказской войне. // Там же. С. 45–55.
157. *Казенин К.И.* Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: ИД “Регнум”, 2012. С. 168.
158. См.: Тхагапсоев Х.Г., Калмыкова А.Р., Черноус В.В. Историографическая методология как источник рисков и конфликтогенный фактор // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85). С. 21–27.
159. См.: Адиев А.З. Историческая политика и этнополитические процессы на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 99–103. См. также: Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 154-167; Крамарова Е.Н., Черноус В.В. Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3 (79). С. 82-89.
160. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Магомаев В.Х., Черноус В.В. Цивилизационная роль России на Северном Кавказе (на примере российско-чеченских отношений) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 6.

161. Научная мысль Кавказа 2013. №4. С. 123–124.
162. Коваленко Т.В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149-153. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (дата обращения 15.09.2016 г.).
163. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе / Под ред. Генерал-лейтенанта Потто. Тифлис: Издание Военно-исторического отдела при штабе кавказского военного округа. Вып. I: 1906. Вып. II: 1909.
164. В граните и бронзе: (О памятниках Кубани) / Сост. Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1975 г.
165. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988; Магомедов М.Г. Махачкала. История города. Изд. Второе. Махачкала: Издательство «Юпитер», 2000; Туаева Б.В. Города Северного Кавказа: общественно-культурная среда во второй половине XIX – начале XX вв.: Монография. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. и др.
166. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе...
167. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX вв.): Сборник документов (К 2000-летию христианства) / Упр. По делам архивов Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. Краснодар, 2001. С. 97.
168. Екатеринодар – Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Кн. Изд-во, 1993. С. 212–213.
169. Каталог памятников истории и культуры Краснодарского края: Управление культуры Краснодарского крайисполкома, Краснодарское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – Краснодар, 1986.
170. *Хорошенко Е.В.* Екатеринодар. Возрождение шедевра / Е.В. Хорошенко. М.: Русский мир, 2010.
171. *Бондарь В.В.* Екатериноград // Отечественная истории: энциклопедия в 5 т.: Т. 2: Д – К / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 132.
172. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе... С. 56 – 57.
173. Ставропольская губерния и Кубанская область (обзор городов, сел, станиц и хуторов). Справочник по Ставропольской епархии / Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1910. С. 359; Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX вв.)... С. 97.

174. *Шахова Г.С.* Краснодарская улица Красная: книга об истории главной улицы Краснодара. – Краснодар: Краснодарские известия, 1997. С. 99.
175. *Бардадым В.П.* Зодчие Екатеринодара. – Краснодар: «Советская Кубань», 1995. С. 24.
176. Екатеринодар – Краснодар: Два века города... С. 212–213.
177. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе... С. 1 – 5.
178. *Бардадым В.П.* Зодчие Екатеринодара... С. 25.
179. Екатеринодар – Краснодар: Фотоальбом / Фото И. Платонов, К. Достов, А. Рябухин. Автор текста М. Никишова. Краснодар: Платонов, 2015. С. 114.
180. Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. Екатеринодар, б/г. С. 3.
181. *Бардадым В.П.* Зодчие Екатеринодара... С. 54–60
182. *Бардадым В.П.* Семипрестольный храм // Его же. Архитектура Екатеринодара. Краснодар, 2009. С. 211.
183. Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре... С. 87.
184. Там же. С. 88.
185. Там же. С. 89–90.
186. Кубанские областные ведомости. 1914. 27 марта.
187. *Бондарь В.В.* Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины – памятник архитектуры византийского стиля [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3. С. 131–136. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf.
188. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края. Научно-проектная документация. Памятник архитектуры «Екатерининский кафедральный собор с интерьерами, 1900-1914 г.г., архит. И.К. Мальгерб» по ул. Коммунаров, 52 в г. Краснодаре. Т. 1. Кн. 1.: Архитектурные исследования и обмерные чертежи фасадов. Научно-проектная мастерская «Памятники Кубани». Краснодар, 2010.
189. *Бондарь В.В.* Храмовая архитектура Кубани и Черноморья (конец XVIII – начало XX в.) // Дело мира и любви: Очерки истории и культуры православия на Кубани / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2009. С. 275.
190. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 835. Опись 1. Дело 899.
191. *Бондарь В.В.* Екатеринодарский Семипрестольный собор Святой Екатерины – памятник архитектуры византийского стиля [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 3. С. 131–136. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/10/2015_2_Bondar.pdf.

192. Справочник партийного работника. М., 1924. Вып. IV. С. 295.
193. *Ганенко Н.Т.* Памятники В.И. Ленину на Кубани // В граните и бронзе. (Очерки о памятниках Кубани) / Сост.: Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. – Краснодар: Кн. Изд-во, 1975. С. 13.
194. Там же. С. 14–15.
195. Там же. С. 15; Михайлов К.М. Город-герой Новороссийск. М.: Стройиздат, 1988. С. 46.
196. Там же. С. 46–47.
197. Памятники монументального искусства Махачкалы [Электронный ресурс] URL.: <https://regnum.ru/news/polit/987897.html> (дата обращения: 03.10.2016).
198. Мемориал павшим воинам // Грозненский рабочий. 1950. 13 августа.
199. Памятники истории и культуры СССР (недвижимые). Паспорт. Две братские могилы воинов Советской Армии. ЧИ АССР, Грозный. 1986; Чечено-Ингушетия: Фотоальбом. Москва: «Планета», 1982. С. 42–43.
200. *Аутлев М.Г.* Дружба навеки // В граните и бронзе. (Очерки о памятниках Кубани) / Сост.: Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. Краснодар: Кн. Изд-во, 1975. С. 29–32.
201. *Голянов В.* Прописан навечно... (Памятник Х.Б. Андрухаеву в ауле Шовгеновском) // В граните и бронзе. (Очерки о памятниках Кубани) / Сост.: Н.Т. Ганенко, В.Ф. Латкин. Краснодар: Кн. Изд-во, 1975. С. 109–111.
202. Памятники монументального искусства Махачкалы [Электронный ресурс] URL.: <https://regnum.ru/news/polit/987897.html> (дата обращения: 03.10.2016).
203. *Шнирельман В.А.* Социальная память и образы прошлого // Новое прошлое. The new past. 2016. № 1. С. 108–111.

Научное издание

**Русская культура
как системообразующий фактор
межнационального взаимодействия
на Северном Кавказе**

Ответственный редактор

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Художник М.Ю. Маяков
Оригинал-макет А.В. Надточенко

Подписано в печать 17.12.2016
Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 4,5
Тираж 50 экз.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Костромской дом печати»
156000, Костромская обл., г. Кострома, ул. Мясницкая, д. 43А.